

Комитет по образованию Санкт-Петербурга
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
Центр образования «Санкт-Петербургский городской Дворец
творчества юных»

**В год 70-летия полного освобождения
Ленинграда от фашистской блокады**

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на II региональной олимпиаде по краеведению (9–11
классы) 2013 года

ВЫПУСК 22

Санкт-Петербург
2014

Серия основана в 1991 году

Автор-составитель М. А. Перевалова

Под общей редакцией

Э.И. Архиповой

Р.С. Кривошеева

С.Д. Мангутовой

Т.Г. Смирновой

Автор предисловия –

Скрипачёва Ирина Борисовна, председатель Санкт-Петербургской общественной организации «Жители Блокадного Ленинграда»

Наследники великого города: фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на II региональной олимпиаде по краеведению (9–11 классы) 2013 года. – СПб. : ГДТЮ, 2014. – Вып. 22. – 258 с.

© ГБОУ ЦО «Санкт-Петербургский
городской Дворец творчества юных», 2014

© Авторы публикаций, 2013

© Валентин Лебедев, обложка, 1996

Оглавление

Скрипачева И. Б. Пусть не угаснут свечи памяти 5

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

Гончаренко Полина

История дома по адресу Гатчинская, д. 22, кв. 16
в истории моей семьи..... 10

Евдокимова Ксения

Виктор Харитонов 24

Платовских Анастасия

«Достоинo внимания». Семья Полотебновых.
(По страницам истории семьи)..... 30

Платонова Татьяна

Дворяне Турчины. История поиска корней..... 37

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Семунина Светлана

«Судьба ленинградки...». (О Галине Генриховой –
обычной советской девушке)..... 53

Соколова Александра

Из истории Выборгского Дворца культуры 61

ИЗВЕСТНЫЕ ПЕТЕРБУРЖЦЫ

Менгель Виктория

Петербург в жизни и деятельности П. И. Пестеля 69

Соколова Ольга

«Сын драматического столетия»
(Пушкиниана скульптора М. К. Аникушина)..... 81

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА

Мичанович Христина

История дома на Фонтанке, 22 93

Шушкова Ольга

Деятельность Александра Сергеевича
Александрова-Серж в Петербурге 104

ПРЕДМЕСТЬЯ ПЕТЕРБУРГА

Лурье Вера

Янтарные украшения в Невском регионе
(IV–III тыс. до н. э.) 123

Масальских Татьяна

В. Е. Ардицкуца. Летопись Петергофа
на страницах газеты «Заря Коммунизма» 134

Сакович Ольга

«Вокруг дома на Павловском...» 144

Эшназарова Анна

Елизино. Усадьба Макарова 153

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Белов Александр

Загадка одного из кирпичей особняка Новикова
в Зеленогорске 163

Разгоняева Екатерина

Духовное завещание петербургского
мецената 1-й гильдии А. И. Тименкова 170

КУЛЬТУРА ПЕТЕРБУРГА

Волосатова Ксения

Замечательный директор Б. М. Красник 185

Ситникова Тамара

«Чтобы годы золотые не пропали без следа!».
Авторы школьного гимна 20-х годов
Сергей Дюфур и Павел Кортылев 209

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа II Региональной олимпиады
по краеведению школьников
Санкт-Петербурга 2013 г. 248

Пусть не угаснут свечи памяти

Как быстро бежит время... Совсем недавно город и вся страна вместе с нами отметили семидесятилетие полного освобождения Ленинграда от фашистских захватчиков. Блокадные дни до сих пор тревожат меня. Блокадники не любят много говорить об этом, но сегодня хочу использовать возможность пообщаться с вами, наследниками нашего удивительного, неповторимого города.

Несколько слов о себе. Я родилась в Ленинграде в Смольнинском районе (ныне Центральный район Санкт-Петербурга). К началу войны мне было 10 лет. Все 900 дней провела в городе. Все видела, все слышала, многие детали помню лучше взрослых. Благодаря обостренной голодной детской памяти. Самое тяжелое воспоминание об обстрелах и бомбежках. Вой сирен. Но страшнее голода ничего нет. Я помню вид и вкус хлеба в самое тяжелое время. Он был черный и блестящий. И, конечно, хлебом он не пах. Еще были «дурандочки», как мы их называли,- прессованный жмых подсолнечный или зерновой. Это был великий подарок, но за всю блокаду мне досталось только два таких кусочка. Помню еще - сосала комки земли с сгоревших Бадаевских складов. Эту землю приносили соседи. За водой ходили на пожарку на 3-ю Советскую улицу. Ковшиками черпали воду из люка, иногда люди сваливались туда. Вынимали их оттуда общими усилиями. Помню, что маминых двоюродных сестер поселили в комнате уехавших или погибших жильцов. Она вся была уставлена стеллажами с книгами. Ими топили буржуйки. В мае 1942 года я пошла в 161 школу. В школе мы завтракали и обедали, что спасло многим жизнь. Однажды, когда моя мама ночью дежурила, меня оставили в школе ночевать. Но мы с подружкой взяли портфели и сбежали. В эту ночь в нашу школу попала бомба...

Ели на уроках, засыпали за партами вплоть до окончания войны. Учителя нас не будили. Помню, подружка привезла мне рябину и положила ее в парту. И я по яголке

отправляла ее в рот. Я очень долго не могла наесться. Я собирала даже очистки от картошки. Мое «обжорство» закончилось в 1950 году, когда я стала студенткой. И когда идут споры о том, какого возраста детей надо причислять к блокадникам, я не устаю повторять: чем меньше тогда был человек, тем больше в нем блокады.

Лозунг «Никто не забыт и ничто не забыто» не пустые слова, они неустанно должны тревожить сердце и душу, не давать всем нам успокоиться. Я увидела в юных краоведах эту неуспокоенность, желание исследовать историю подвига города, его защитников, простых ленинградцев, какими были Галина Генрихова, о которой рассказала нам восьмиклассница Семунина Светлана, мои друзья, мои коллеги по совместной работе в обществе «Жители блокадного Ленинграда». Героиня исследования Светланы Семуниной, обычная советская девушка, выбрала своим девизом слова Максима Горького, которые очень близки и мне. Они про мое поколение. Поколение, детство и юность которого пришлось на годы войны. «Не жалея себя – это самая красивая, самая гордая мудрость на свете»....

Ученическое исследование «Из истории Выборгского Дворца культуры» Соколовой Александры, учащейся 566 школы, знакомит читателей с новыми фактами блокадной действительности. Юный автор еще раз на конкретном примере доказывает, что культурная жизнь в блокадном Ленинграде не угасала. Во Дворце всю блокаду работала библиотека, сотрудники выезжали с печатными изданиями на мобилизационные пункты в части Красной армии, работали с населением. Во Дворце временно размещались госпиталь, центр специальной подготовки. Но уже в октябре 1942 года ДК был вновь открыт для трудящихся. Сегодня, наверное, трудно представить, что в голодном, холодном городе еще до прорыва блокады работали театры, были организованы новогодние балы. И по праву вся деятельность Дома культуры может быть приравнена к подвигу. Такой вывод делает Александра.

Теме блокады были посвящены другие работы юных исследователей, к сожалению, не вошедшие в этот

выпуск. О ветеране-фронтовике Сергее Ивановиче Инкине рассказала в своем исследовании Евстафьева Елизавета, учащаяся 467 школы Колпинского района. Героиней самостоятельного исследования Кисуриной Ксении, учащейся 349 школы стала ее прабабушка... Свои работы они успешно защитили на секции «Война. Блокада. Ленинград». А в каждом из девяти сборников лучших авторских экскурсий «С юными экскурсоводами по Санкт-Петербургу и его пригородам» есть работы, посвящённые блокаде. Нельзя не вспомнить о том, что движению юных краеведов - исследователей, взявшему серьёзный старт на первых краеведческих чтениях школьников города, - 25 лет. За эти годы юные исследователи обращались к самым разным темам. Это и история архитектурных памятников и предприятий, генеалогический поиск, святыни Петербурга, события и судьбы известных и не очень петербуржцев.

Дорогие ребята! Для истории важна каждая судьба, каждый факт из жизни города, страны... В истории блокады еще очень много «белых пятен», есть, что уточнить, открыть заново. Как сегодня не вспомнить об участнике одних из первых краеведческих чтений Михаиле Волкове, который провел огромную работу по уточнению места кремирования блокадников на бывшем кирпичном заводе, располагавшемся в Парке Победы. Его работу высоко оценили историки, краеведы. Сегодня парк стал еще одним блокадным мемориалом. К вам с доверием относятся архивисты, библиографы, историки, ведущие специалисты города. Ваши исследования вводятся в научный оборот. Надо использовать эти возможности. Впереди новая дата -70-летие Великой победы. И еще одна: в этом году исполнилось 180 лет со дня установки на Дворцовой площади Александровской колонны. Для вас, краеведов, интересно узнать или вспомнить, что изображение богини истории Клио, которое вы видите на обложке каждого выпуска сборника, увековечено на одном из барельефов постамента колонны. Надеемся, что и впредь увидим много интересных исследований юных, ведь тематика олимпиады очень широка. Как пожелание дворцовцам и не только им: провести самостоятельное исследование

блокадных страниц городского Дворца пионеров, как раньше назывался городской Дворец творчества юных, когда в его парадных залах в суровую блокадную пору располагался гражданский госпиталь, когда Дворец подвергался первоочередной бомбардировке и как защищали его девушки из МПВО. В мае 1942 года Дворец распахнул свои двери блокадным детям и возобновил свою работу. Широко известен факт, как педагог Дворца А. Обрант собрал девочек и мальчиков своего хореографического ансамбля, и юные артисты дали тысячи концертов на Ленинградском фронте. Во Дворце проводились ёлки, олимпиады. Все ли горожане знают, что знаменитые скульптурные группы конных статуй с Аничкова моста были укрыты в саду Дворца пионеров? В память о педагогах и детях той суровой поры в год юбилея Дворца была открыта мемориальная доска.

Нам, блокадникам, особенно дорого то, как юные сохраняют память о блокаде. Сегодня в городе проживает более 130 тысяч жителей блокадного Ленинграда. И около 20 тысяч награжденных медалью «За оборону Ленинграда». Много прямых потомков блокадников. У них тоже дети, внуки. И это вы, юные петербуржцы. Наша организация тесно сотрудничает с городским Дворцом творчества юных, региональным детско-юношеским гражданско-патриотическим общественным движением «Союз юных петербуржцев», со школьными музеями города. В копилке наших общих дел выезда на Дорогу жизни и благоустройство воинских захоронений, краеведческий конкурс «Пароль-Победа», историко-краеведческая конференция «Война. Блокада. Ленинград».

Дворец инициировал и реализует следующие проекты и акции: «Дети мира - детям войны», «900 ромашек для Тани Савичевой», «Блокадная ласточка», «Я живу на улице имени героя». Традиционным стал замечательный ежегодный праздник в майские дни «Этот день Победы», когда все детские общественные объединения рассказывают нам, ветеранам, о том, что сделано за год, чем будут жить дальше... Эти встречи реально подтверждают, что в нашем городе есть наследники, есть будущее.

Скоро мы вместе со всей страной отметим 70-летие победы над фашизмом. Но вновь видим, как хрупок мир, как многое зависит от человека, от патриота своей страны, от людей знающих и ценящих историю своей страны, своей малой родины. Мир до сих пор гадает, из какого источника, из какого неиссякаемого ключа черпали силу наши отцы и матери, ваши бабушки и дедушки, прадеды, многие из которых в то время сами были детьми. Как блокадный ребенок, как руководитель многотысячного общества блокадников скажу: источник веры - это любовь к своему городу.

В этом году мы вновь в январские дни «Ленинградской победы» зажжем свечи памяти. Пусть они не угасают в сердце каждого!

Скрипачева Ирина Борисовна

Председатель правления
региональной общественной
организации «Жители блокадного
Ленинграда»

I. ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

Гончаренко Полина

10 класс, 111 школа,
Калининский район

История дома по адресу Гатчинская, д. 22, кв. 16 в истории моей семьи

На Гатчинской улице, в доме № 22 проживала семья моего прадедушки Степанкина Николая Захаровича. Именно с этим адресом связаны многие памятные моменты детства моей мамы – Гончаренко Ирины Геннадьевны, урожденной Степанкиной. Сюда частенько привозили ее к бабушке и дедушке родители и порою оставляли ненадолго погостить. Мама говорила, что ее всегда интересовала история этого дома, но найти документы о нем раньше не удавалось. Вместе мы продолжили поиски и узнали об этом здании много нового.

Из планов, хранящихся в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), удалось выяснить, что участок, на котором сейчас расположен дом, в середине XIX века относился к 3-му кварталу Петербургской части, а строение значилось под № 315 и № 316 АБ. В то время ещё улица имела название Безымянной. В период 1852–56 гг. этот участок принадлежал наследникам надворного советника Викентия Биретти. К сожалению, фамилия архитектора и в плане, и в документе, его утверждающем, написана неразборчиво.

В 1860 году участок уже находился во владении жены камердинера государева наследника цесаревича Яковлева. К этому времени улица уже была переименована в Гатчинскую. Согласно сведениям, представленным в справочнике «Почему так названы?», название это связано Гатчиной – историческим пригородом Петербурга.

В 1862 году участок перешел к механику Василию Вестбергу, а дом стал числиться под № 26. Домовладелец задумал восстановить в «первобытном состоянии» обгоревший деревянный дом (причины пожара неизвестны) и пристроить кухню. Кроме того, в мае планировалось построить каменный сарай и каменную конюшню, а также деревянный флигель. Соорудить пристройку входа к существующему дому и пристройку к строению жилого помещения, проконопатить крышу и обить ее скаты новыми досками в местах, где старые пришли в негодность, исправить фундамент, сделанный, по-видимому, прежним владельцем с нарушениями, переделать окна и двери (по какой причине – неизвестно). Также необходимо было предусмотреть на территории участка помойную яму, согласно санитарным требованиям. Данное предписание, выданное 15 мая 1862 года, было подписано известными петербургскими архитекторами Николаем Леонтьевичем Бенуа и Александром Ивановичем Кракау. На следующем этапе застройки участка в том же году, в июле были спланированы постройка каменных двухэтажных нежилых служб и перетяжка лицевого дома.

В 1864 году дом с участком перешёл к новому владельцу – главному доктору корпуса Горных Инженеров Шлатгауэру. В 70-х годах XIX века участок принадлежал титулярному советнику Нилу Тихоновичу Селезневу. Площадь участка составляла 406 кв. сажень (24 1/3 сажени – по Гатчинской улице). 14 июня 1876 года в Правление Санкт-Петербургского Городского Кредитного общества поступило «Объявление» землевладельца, выступавшего от лица жены Марьи Александровны Селезневой, о займе под залог земли и имущества жены – деревянного дома с каменным флигелем. Срок испрашиваемой ссуды указывался: на 14 лет за деревянный дом и на 25 лет за каменный флигель. Оценку имущества поручили известному петербургскому архитектору А. Щедрину. Он сообщил в Правление о том, что деревянный одноэтажный дом с мезонином и балконом, на каменном фундаменте из бутовой плиты, обшитый досками, крытый железною кровлей, и

каменные службы, также крытые железом, содержатся в исправности и могут служить залогом.

В 1827 году имущество было застраховано – без фундаментов и цоколей на 12 550 рублей до 9 февраля 1877 года. Правлением Кредитного общества было принято решение о выдаче Селезневой ссуды на 14 лет в сумме 4 400 рублей.

Из письма Марьи Александровны к мужу выясняется, что он мог не только взять от ее имени ссуду под залог имущества, но и отдать дом в аренду «или сдавать в оном отдельные квартиры и помещения внаем на сроки условия» по своему усмотрению. Приобретать на ее имя всякого рода движимое и недвижимое имущество», продавать принадлежащее жене имущество всякого рода «за цены и на условиях, какие найдете <...> более выгодными, совершать задаточные росписи, запродажные записи, купчие крепости, закладные, неустойчивые записи, договоры и всякого рода акты, какие только заблагорассудится <...> заменять меня собою вполне...». Таким образом, из содержания письма становится понятно, что оно одновременно является и официальной доверенностью жены к мужу на ведение всех дел, связанных с земельным участком по Гатчинской улице, и имуществом, расположенном на его территории. Из того же документа выясняется, что нотариусом Санкт-Петербургского Окружного суда (с 1867 г.), заверившим доверенность, был Константин Федорович Рерих, отец знаменитого художника и востоковеда Николая Константиновича Рериха. Контора К. Ф. Рериха располагалась в Васильевской части по набережной Большой Невы в доме № 25.

Ссуда была получена Нилом Титовичем 29 апреля 1876 года. Согласно прошению М. А. Селезневой в Правление Кредитного Общества, к ноябрю 1886 года не выплаченной осталась сумма в 885 рублей 99 копеек. В ноябре же в Правление поступили два прошения от домовладелицы с просьбой о пересмотре залоговой ссуды в связи со сложными материальными обстоятельствами. Было принято решение о перезалоге и рассрочке оставшейся суммы на 14 лет. Кроме того, после описи и оценки имущества Селезневой была выплачена ссуда в 1800 рублей. Однако

уже в феврале 1887 года Мария Александровна вновь просила о рассрочке и увеличении срока выплаты. Ее прошение было удовлетворено, и оставшийся долг установили выплачивать в течение 19 лет 11 месяцев.

Из отзыва, сделанного архитектором А. Щедриным, можно узнать о состоянии земельных владений на участке по Гатчинской улице, 22 на январь 1887 года. По-прежнему, как можно выяснить из описи, на участке располагался одноэтажный с мезонином дом на каменном фундаменте, с двумя деревянными лестницами в пристройках. Отапливались помещения с помощью восьми железных печей и одного камина. Для удобства жильцов имелись четыре кухонных очага, одно отхожее место и один ватерклозет. Вторым сооружением был одноэтажный каменный флигель с деревянными воротами, имевший кухонный очаг и прачечную и отапливавшейся русской печью. Деревянный дом на каменном фундаменте, с мезонином, достаточно был прочен, однако требовали ремонта две пустующие квартиры в мезонине и одна на первом этаже, а также пристройки с лестницами. Требовалась и окраска фасада. Необходим был ремонт каменных служб.

В августе 1891 года в Правление Кредитного Общества был сделан запрос о возможности продажи владений Селезневых с «переводом долга на покупателя». На запрос был получен положительный ответ, и участок площадью в 396 кв. сажен, с домами, в начале сентября был продан жене Санкт-Петербургского ремесленника Евдокии Степановне Федоровой. Во владении Федоровой участок находился до 1899 года. В это время в лицевом доме располагалась мастерская Тимофея Петровича (вместо отчества – только заглавная буква – Авт.) Федорова, вероятно, мужа владелицы, с 1895 года – поставщика великих князей Константина Константиновича и Петра Николаевича.

В апреле 1899 года участок принадлежал Тимофею Фомичу Федотову и числился уже по 2-му участку Петербургской части и под № 22. В документе, утверждающем план застройки участка, указывалось, что владелец предполагал возвести деревянный двухэтажный надворный

флигель и каменные двухъярусные сараи, а также переоборудовать в жилые каменные одноэтажные службы, проведя утолщение стен и «пробойку оконных и дверных отверстий». Разрешение на данные работы было дано, но на некоторых условиях. Во-первых, двухэтажные флигеля должны были иметь не более двух квартир, и сооружения необходимо было оборудовать лестницами. Во-вторых, пол жилой части флигеля должен был быть не ниже уровня двора. В-третьих, деревянные фронтоны флигеля должны были быть «заменены каменными при обязательном устройстве брандмауэра – стены, возведенной поперек дома и выше крыши, из камня или кирпича. В-четвертых, целый ряд строений, указанных специальным знаком на плане, должен быть снесен перед началом работ, по какой причине – не указано.

В мае того же года участок перешел во владение к жене Почетного Гражданина Прасковье Степановне Ивановой. По ее указанию здесь был возведен каменный двухэтажный дом с одним подъездом и одиннадцатью окнами по лицевому фасаду, протянувшегося вдоль Гатчинской улицы. А также был построен одноэтажный дом с двумя симметричными ризалитами, увенчанными треугольными фронтонами, выходящим на Гатчинскую улицу торцевым фасадом.

К этому времени на участке, кроме деревянного дома и каменного флигеля, был возведен новый деревянный двухэтажный флигель, крытый железной крышей, на нежилом подвале, занимавший площадь в 32, 34 кв. сажени. Стены его были с двух сторон обшиты досками и внутри оштукатурены. Фасад дополняли два открытых балкона. Флигель имел две лестницы. Полы в доме были сосновые. Отапливались помещения восемью железными печами, имели четыре кухонных очага, четыре ватерклозета и четыре раковины. На первом этаже флигеля располагались две 3-комнатные квартиры с передней, кухней и сараем для дров, стоимостью в 420 рублей в год. Во втором этаже квартиры были такими же. Все помещения еще не имели жильцов.

Опись с оценкою участка Ивановой составлял архитектор Курзанов. Определенная к выдаче ссуда составила

4600 рублей сроком на 37 лет 6 месяцев и 12 400 рублей на 20 лет 6 месяцев.

Именно в эти годы дому был присвоен № 22, вместо № 26, под которым он числился раньше.

В декабре 1899 года Прасковья Степановна Иванова доверила ведение своих имущественных дел мужу Степану Ивановичу Иванову.

19 апреля 1903 года Ивановы понесли убыток от пожара – сгорел главный дом по Гатчинской улице. К маю все последствия пожара были ими ликвидированы, все поврежденные постройки отремонтированы, и Ивановым была выплачена Страховым Обществом «Россия» сумма в 1240 рублей. И уже в сентябре участок с имуществом был продан новому владельцу «с переводом долга». Новой хозяйкой стала жена коллежского асессора Анна Николаевна Корсунская.

Новая владелица уже через три года вновь заложила участок. В мае 1909 года участок был заложен снова. Осмотр и оценка имущества была доверена архитектору А.Н. Веретенникову, автору многих доходных домов Петербурга, в том числе и здания Русского страхового общества. К этому времени на территории участка располагались три сооружения. Первое – деревянный одноэтажный с мезонином лицевой дом, крытый железом, на каменных столбах, с черной лестницей. Второе – каменное одноэтажное строение по левой границе двора, крытое железной крышей. Третье – деревянный двухэтажный на нежилом подвале жилой дом, также крытый железом. В доме было пять черных лестниц.

В сентябре 1909 года А.Н. Корсунская снова заложила участок с имуществом – на 37,5 лет за 4600 рублей и на 20,5 лет за 12 400 рублей. А уже в августе нотариусами Петром Михайловичем Арцыбушевым и, чуть позднее, в мае, нотариусом Дмитрием Викторовичем Клименко (контора на Невском пр., 18) были сделаны запросы в Правление Кредитного общества о возможности продажи дома с переводом долга на покупателя. Оба раза был получен положительный ответ, и владения Корсунской были

проданы в июне 1910 года крестьянину Владимирской губернии Покровского уезда Воронцовской волости деревни Логинцево Евдокиму Артемьевичу Федотову. С 1 августа 1910 года имущество Федотова было застраховано во 2-м Российском Страхом Обществе, учрежденном в 1835 году, на сумму 25 000 рублей.

В апреле 1911 года Федотовым была спланирована постройка каменного пятиэтажного лицевого дома и двух шестиэтажных флигелей. Кроме того, планировалась прокладка сточной трубы. Все эти усовершенствования были разрешены при соблюдении определенных условий, предписанных в документе Общего Присутствия Управления 1-го Округа путей сообщения от 20 апреля. Так, высота лицевого дома не должна была превышать ширины Гатчинской улицы вместе с отступом. Ширина воротного подъезда должна быть не менее четырех с половиною аршин. На чердаке лицевого дома не допускалось жилья. Кроме того, владелец имущества должен был получить особый акт у мытного участкового техника и землемера о правильности заложения фундамента перед началом строительных работ. А канализацию, выгребы и стоки необходимо было устроить таким образом, чтобы отвечали принятым санитарным требованиям.

3 декабря 1911 года новый владелец участка подал заявление в Правление Кредитного общества о переоценке имущества в связи со сносом всех деревянных и части каменных строений и возведением каменного 5-этажного дома с мансардой и 6-этажным флигелем. Дом этот был построен в 1912 году по проекту архитектора А. Р. Гавемана. Свободная площадь двора составляла около 30 квадратных сажен.

Е. А. Федотов не планировал закладывать имущество и получать под него денежную ссуду. Проживал он тоже не в своем доме, а в съемной квартире по адресу: Симбирская ул. (сейчас ул. Комсомола, ранее – Бочарная ул. – П. Г.), д. 12, кв. 31. Опись имущества производилась архитектором Коповцевым. В ней значилось, что на участке Федотова располагается каменный 5-этажный лицевой дом площадью в 187 кв. м, на каменном фундаменте с цоколем,

оштукатуренными стенами, брандмауэрами – глухими, обычно без окон, высокими, выступающими над кровлей здания противопожарными стенами, шпицами – остроконечными завершениями стен. Дом был крыт железной крышей. Уклон крыши мансарды до перелома, по условиям документа, был не более пяти градусов. Здание имело каменные (парадные и черные) и подвальные лестницы. Два черных входа были оформлены зонтиками – металлическими навесами. В доме были двухслойные полы: нижние – каменные, верхние – паркетные. Отапливалось здание 70 голландскими печами и 2 круглыми железными. Снабжено 20 кухонными очагами, 35 ватерклозетами, 20 раковинами и 19 ванными с котлами.

В феврале 1912 года нотариус Михаил Сергеевич Стржалко и в августе того же года нотариус Николай Генрихович Гугель, представлявшие интересы домовладельца, выясняли условия оформления залога на дом.

В планах застройки участка был обнаружен список жильцов, снимавших в доме Федотова помещения, датированный приблизительно 1912 годом (более конкретный период пока установить не удалось – *Авт.*). Среди жильцов встречаются достаточно известные фамилии. В ЦГИА СПб еще остались два дела, которые помогут найти некоторые ответы на интересующие нас вопросы, но только до 1918 года. История дома ждет продолжения...

Если внимательно рассмотреть фасад дома № 22 по Гатчинской улице, то можно определить стиль, в котором был построен дом – эклектика. Тем более, что данный стиль был наиболее распространен в Петербурге в тот период времени. Что же в облике дома подтверждает наше заключение?

Фасад дома имеет пять этажей, нижний из которых отделен от остальных карнизом. Второй ярус соответствует второму этажу и отделен от остальных рельефным фризом. Первый и второй ярусы обработаны рустовкой, напоминающей кладку из крупных каменных блоков. Верхние этажи декорированы вертикальными рельефными профилями, напоминающими лопатки. Фигурные наличники окон и

порталы входных дверей выполнены в виде декоративной рельефной рамы из элементов растительности и маскарон. Подобные украшения были характерны для архитектуры высокого барокко середины 18 века. Однако, в отличие от барочных построек, этот фасад не страдает переизбытком декора и достаточно лаконичен. Согласно особенностям доходных домов, лаконичность и простота фасадов с использованием упрощенных вариантов какого-либо исторического стиля связаны с назначением использования дома для жильцов с невысоким уровнем дохода. Такие дома быстро возводились, были недороги и экономичны. Тем более, что Петроградская сторона и была местом расселения людей с невысоким уровнем дохода, и застройка её характеризовалась высоким уровнем уплотнения за счет возведения дополнительных корпусов с образованием дворов-колодцев и увеличенной этажности.

Количество декора и его сложность постепенно снижаются к верхним этажам. Это связано с той особенностью доходных домов, что на втором и третьем этажах обычно селились более состоятельные люди. Уровень достатка жильцов снижался по мере продвижения вверх.

С большим трудом нам удалось попасть в подъезд дома, как и большинство подъездов сейчас, он был закрыт. Первое же знакомство с подъездом стало подтверждением моим предположениям. На первом этаже располагалась просторная площадка с фрагментом лестницы наподобие холла. От нее вверх шла пологая и изрядно стертая временем каменная лестница с когда-то красивыми дубовыми перилами и ажурной решеткой из чугуна. Пол площадки был облицован керамической плиткой в виде многогранников серого и белого цветов на подобию шахматной доски. Холл обильно украшен лепниной – на стенах и потолке – в барочном стиле. Квартир на его территории не оказалось. Если обратиться к особенностям планировки доходных домов, то обычно на первом этаже комнаты использовались в качестве помещений для дворников и хранения хозяйственных принадлежностей, но в данном доме таковые помещения отсутствуют вообще. Вероятно, указанные квартиры

первого этажа – это те квартиры, которые находятся на нижней площадке после подъема по небольшой, ступеней в пять, лестнице.

«И судьбы их переплелись...». Казалось бы, как связана эта цитата с темой работы? Однако, до сих пор мы рассматривали судьбу дома, историю его «жизни». С того момента, как в доме в квартире № 16 поселились Степанкины, судьбы членов этой семьи до определенного момента были тесно связаны с судьбой здания.

Семья состояла из трех человек: отца – Степанкина Николая Захаровича, уроженца Петербурга, сына крестьянина Смоленской губернии Краснинского уезда Досуговской волости села Суслович(и), матери – Татьяны Ивановны, в девичестве Щемелевой, происходившей родом откуда-то из-под Петербурга, и их сына – моего дедушки Геннадия, рожденного в Ленинграде. С какого времени проживала в этой квартире семья Степанкиных, выяснить пока не удалось. Известно только, что произошло это уже после Великой Отечественной войны. Проживали они там до смерти Татьяны Ивановны в 1986 году. До заселения в квартиру дома на Гатчинской молодая семья жила в комнате в коммунальной квартире в районе улиц Зверинской и Добролюбова. Но точного адреса никто из членов нашей семьи не помнит.

Как же складывалась жизнь семьи в этой исторической квартире? Все в доме должны были жить по правилам, установленным отцом семейства. К его приходу с работы должен был быть приготовлен ужин, а в выходные дни – к одному и тому же времени обед, после которого в течение двух часов следовал сон. Мама вспоминает, что во время сна дедушка требовал от всех окружающих абсолютной тишины, которую соблюдать ей – маленькой подвижной девочке было очень сложно. Нужно было сидеть «мышкой» в уголке или, если передвигаться, то на цыпочках. Его сын, мой дедушка Гена, чтобы не мешать отцу отдыхать и работать, – а работал он много и дома – уходил к друзьям, где готовил уроки. «Лишь мерный громкий звук маятника старинных настенных часов нарушал тишину», – вспоминает

мама. Она и до сих пор недолюбливает этот звук. В нашем доме хранятся вторые такие часы, правда, после смерти прадедушки никто не смог их починить. Все часы в доме он «обслуживал» сам. Он был радиотехником по профессии и хорошо разбирался и в разных механизмах.

Вставал Николай Захарович рано, в семь часов утра. Прабабушка вставала ещё раньше, чтобы подать ему завтрак и проводить на работу. По воспоминаниям моей бабушки, она всю жизнь «бегала перед ним на цыпочках» и «тряслась над ним», а он был в обращении с нею не всегда добр и внимателен. Все лучшие куски в доме отдавались прадедушке, а сыну Гене и жене – то, что останется. Дедушка Гена, по воспоминаниям бабушки Киры, знавшей его с подросткового возраста, ходил вечно голодный. И даже одежда, которая, благодаря стараниям Татьяны Ивановны, всегда была чистой и заштопанной, была неновой и как «с чужого плеча». Одевали они сына довольно бедно. Первый приличный костюм купили, когда Геннадий поступил в институт.

Однако, несмотря на странности в характере и образе жизни, Степанкин Николай Захарович был уникальным радиотехником. Мастерство познавал сначала, по его воспоминаниям, с помощью отца, а затем самостоятельно. Прадедушка не заканчивал никаких специальных учебных заведений. Он был, как и многие талантливые русские люди, самоучкой. После войны и до 1980 года работал в ЛЭТИ им. Ленина на кафедре радиотехники. Был лично знаком с дочерью первого выборного директора института, создателя радио, Александра Степановича Попова – Екатериной Александровной Поповой-Кьяндской, основательницей мемориального музея А. С. Попова в нашем городе, расположенного по адресу: ул. Профессора Попова, д. 5. Для этого музея, согласно воспоминаниям самого прадедушки, он выполнял какие-то работы. Кроме того, одними из представителей научных кругов ЛЭТИ, с которыми много сотрудничал Н.З. Степанкин, были профессора Юрий Яковлевич Юров, выдающийся советский конструктор антенной техники, с 1955 года – профессор кафедры теоретических основ радиотехники ЛЭТИ, создатель

первой антенны с электрическим сканированием, и Вадим Борисович Устинов, тогда – доцент кафедры радиотехники ЛЭТИ. Ю.Я. Юров и В.Б. Устинов, по воспоминаниям бабушки, не раз бывали в гостях у прадедушки в этой квартире.

Именно с интересами и особенностями деятельности Николая Захаровича были связаны некоторые уголки их комнаты, прочее оформление помещения указывает на интересы и характер матери семейства Татьяны Ивановны. Итак, обратимся к воспоминаниям.

Как театр начинается с вешалки, так и жилое помещение начинается с неё же. Вешалка прабабушки и прадедушки, согласно воспоминаниям мамы, находилась слева от входа в квартиру, перед входом в комнату. Она была прибита к стене. Внизу располагалась небольшая подставка для обуви, где хранился и традиционный металлический «язычок», без которого Николай Захарович не представлял себе процесс надевания обуви. От маленькой мамы он тоже требовал его использования.

Дверь в комнату маленькой Ире казалось огромной – ведь и потолки в квартире были высоченные! Да еще и украшенные лепниной по углам. Слева у входа находилась большая металлическая кровать, на которой маму укладывали спать. Мама это хорошо запомнила, так как всегда не хотела отдыхать днем в канун новогодней ночи. Но дневной сон был главным условием того, что ей разрешат сесть со взрослыми за праздничный стол и посидеть немного, да и не заснуть. Правило было строгое – в прадедушкиной семье царил патриархат: слово Николая Захаровича – закон.

Около стены возле кровати находилась старая круглая печь, которой никто не пользовался. А рядом отгораживающий кровать от всей комнаты бельевой шкаф-шифоньер. За шифоньером у стены – удивительная швейная машинка с ножным чугунным приводом – большой педалью-качалкой, которую нужно было толкать ногою, чтобы машинка работала... Если такую машинку собрать – получался небольшой столик. Рядом ближе к центру – круглый обеденный стол, накрытый по традиции полотняной скатертью,

всегда белой и накрахмаленной. Напротив, у другой стены – высокий современный по тем временам сервант, а рядом у окна – прадедушкин диван, на котором всегда лежали небольшие самодельные подушечки в наволочках, вышитых прабабушкой «крестиком». Этими подушками Николай Захарович и накрывал ухо, чтобы ничто не могло потревожить его сон. В простенке между двумя окнами стоял прабабушкин трельяж, на котором цепочкой в затылок друг другу шествовали мраморные слоники: семь штук – мал-мала-меньше – на счастье! А рядом настоящие сокровища для маленькой девочки Иры – коробочка с пудрой: «вместо пуховки – кусочек ваты; пудра розовая-розовая и пахла так неприятно – дешевыми духами», губная помада, почти стертая, «ярко-розовая с жутким перламутром» и тоже пахнувшая духами, флакончик духов, модных тогда, «Красная Москва» и пластмассовая баночка с украшениями – «настоящими золотыми!»

Ну, а в уголке между швейной машинкой и окном – святая-святых Николая Захаровича – его письменный стол, обтянутый зеленым сукном, «на котором лежало много всякой всячины, а у окна стояли странные приборы» – так казалось маленькой Ире. Среди них были и осциллографы. Дедушка часами сидел за столом и что-то мастерил или проверял с помощью приборов. Почти всегда в его глазу была вставлена черная цилиндрическая лупа, которую прадедушка удерживал силой мышц глаза. «Бровь его в этом случае хмурилась и нависала над глазом наподобие валика, а лупа подрагивала. Дедушка паял или пинцетом поправлял мелкие детальки – и руки его дрожали мелко-мелко. Мама назвала это странным словом – «тремор». Такие воспоминания остались у моей мамы о том времени и о дедушке.

Мама вспоминает, что над дедушкиным диваном висела картина в золоченой раме – очень мрачная. Почему-то мама ее всегда боялась. На картине был изображен лес, и маме казалось, что оттуда выскочат страшные лешие или кикиморы, а может баба яга, и утащат ее в этот лес. Мама долго старалась вспомнить, что это была за картина, но совершенно случайно обнаружила ее подлинник этой осенью

в Третьяковской галерее в Москве. Это оказалась картина И. И. Шишкина «Сосновый бор». Напротив дивана, над швейной машинкой была еще одна большая прямоугольная картина, а пониже – две маленьких в круглых рамках. Что было изображено на тех картинах – мама не помнит, а вот большая картина, возможно, тоже была копией работы И. И. Шишкина «Ручей в березовом лесу». Эту картину мама помнит плохо. Но она не была страшной.

Казалось бы, к чему рассказывать такие подробности жизни прадедушки и прабабушки? Но ведь быт их семьи – это яркая, на мой взгляд, иллюстрация жизни в этом историческом месте обыкновенных петербуржцев-ленинградцев. А из таких живых страничек составляется и вся жизнь дома.

Использованная литература и источники:

1. Планы застройки земельных участков. Петербургская городская управа // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7464. Л. 47.
2. Прошение от М.А. Селезневой в Правление Санкт-Петербургского Кредитного Общества. Дом по Гатчинской улице № 22 // ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4165. Л. 24.
3. Селезнева М.А. Письмо мужу Селезневу Н.Т. Дом по Гатчинской улице № 22 // ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4165. Л. 18–19.
4. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Почему так названы? – СПб. : Норинт, 2002. – 348 с.

Евдокимова Ксения

10 класс, Вторая Санкт-Петербургская гимназия,
Адмиралтейский район,
Юношеский Университет
Петербурга
Санкт-Петербургский городской
Дворец творчества юных

Виктор Харитонов

Выбор данной темы обусловлен тем, что, во-первых, Виктор Харитонов учился в нашей, бывшей 232 школе в начальных и средних классах. Во-вторых, особого исследования заслуживает деятельность созданного Виктором Харитоновым театра «Эксперимент», который не только возродил некогда популярный жанр «моноспектакль», но и развивает современное театральное искусство, оправдывая своё название.

Виктор Харитонов родился 25 апреля 1937 году в Ленинграде. Его детство, как и старшего брата Леонида, прошло в Ленинграде. С ранних лет ребята «заболели» сценой. В школе театральный кружок вела замечательная актриса БДТ Мария Александровна Призван-Соколова, и не увлечься было просто невозможно.

Виктор и его брат Леонид всегда были очень разными: и внешне, и по темпераменту, и по характеру. Виктор всегда больше походил на маму: более сдержан в эмоциях, более независим. Когда Виктор Харитонов готовился поступать в Театральный институт, Леонид был уже известным актером, всенародным любимцем. Поэтому на вступительных экзаменах в Школе-студии МХАТ его невольно сравнивали со старшим братом. Это сравнение оказалось не в пользу Виктора, и ему пришлось вернуться в родной Ленинград.

В Ленинграде Виктор Харитонов окончил Театральный институт (Институт театра, музыки и кинематографа), располагавшийся в здании б. Тенишевской гимназии, а позже

ТЮЗа на Моховой ул., д. 33-35. Некоторое время он играл в Театре имени Ленсовета, периодически снимался в кино.

Впрочем, снимался он нечасто, постоянно отказываясь от ролей. Однако Виктор Харитонов сумел найти свой путь в искусстве...

В 60-е годы он, в сотрудничестве с режиссером Женни Катышевой, возродил некогда популярный жанр Театра одного актера. Первым был поставлен моноспектакль «Сергей Есенин». Рождению спектакля помог директор Государственного Эрмитажа Борис Пиотровский. Музыка к спектаклю написал ученик Дмитрия Шостаковича, студент Консерватории Владислав Успенский, вскоре ставший одним из ведущих композиторов Ленинграда. Художник Эдуард Кочергин придумал декорации, и премьера была сыграна на сцене Областного драматического театра. Теперь это «Театр на Литейном». С моноспектаклем «Сергей Есенин» Виктор Харитонов выступил более тысячи раз, кочуя по всей стране, и везде пользуясь неизменным успехом.

Потом были моноспектакли: «На смерть поэтов» о Лермонтове и Петефи, «Второе рождение» о художниках Кустодиеве, Петрове-Водкине и Коненкове, «Интеллигенты из Одессы» по прозе Исаака Бабеля, Эдуарда Багрицкого и Саши Чёрного, «Кактус» о творчестве поэта Виктора Сосноры.

Новым этапом в творчестве Виктора Харитонова стал спектакль «Балаган», в котором были объединены разные жанры: пантомима и поэзия, цирк и критика, кукольный театр и танец. Сложившийся при работе над «Балаганом» коллектив в 1978 году получил статус театра с символическим названием «Эксперимент». Его основной идеей было создание «мастерской разных жанров». Эта идея впоследствии полностью себя оправдала...

Не имея своего помещения, «Эксперимент» в конце 1979 года начал работать в Клубе пожарных. 20 декабря 1979 года театр открылся спектаклями «Ольга Берггольц» и «Михаил Дудин» на музыку Д. Шостаковича и Г. Свиридова. Декорации были выполнены Марком Смирновым, ставшим на многие годы главным художником

театра. В спектакле «Михаил Дудин» ленинградский поэт сам появлялся на сцене.

В Клубе пожарных «Эксперимент» создал спектакли:

1. «Игра» — по Э. Шефферу
2. «Оптимистические записки» — моноспектакль в постановке В. Харитонова, исполнитель Александр Хочинский
3. «Мим» — моноспектакль в жанре пантомимы, исполнитель Борис Агешин, художник А. Вагин, режиссёр Ш. Лаури
4. «Двое на качелях» — по Уильяму Гибсону
5. «Лицедеи» — постановка В. Харитонова
6. «Перпетуум-мобиле» — спектакль-хэппенинг
7. «Одесская свадьба» — спектакль по произведениям Михаила Жванецкого
8. «Трагедия глупых людей» — по пьесе Г. Запольской. (Спектакль был запрещён).
9. «Пришёл мужчина к женщине» — по пьесе С. Злотникова
10. «Я очень смешной?..» — моноспектакль Виктора Харитонова
11. «Записки сумасшедшего» — инсценировка повести Н. Гоголя
12. «Пародист» — эстрадный спектакль-портрет поэта-сатирика Александра Иванова.

Все годы жизни театра «Эксперимент» в Клубе пожарных на всех спектаклях были аншлаги. Зрители, невзирая на замены спектаклей, часто связанные с властными запретами, не сдали ни одного билета.

В «Эксперименте» получали возможность проявить себя мастера драматического и циркового искусства, оперы и оперетты, пантомимы и бардовской песни. До этого в нашей стране подобного «синтетического» коллектива не было.

Виктор Харитонов выступал в спектаклях то в качестве актера, то постановщика, а порой и автора либретто. Под его руководством была осуществлена постановка «Лицедеев». Большое участие в становлении «Эксперимента» принял выдающийся актер Аркадий Райкин, он помог коллективу

получить статус государственного театра. После этого Харитонову удалось добиться заброшенного помещения кинотеатра «Арс» на Большом проспекте Петроградской стороны. Эти помещения руководитель театра с архитекторами Борисом Устиновым и Людмилой Травиной перестроили, создав известные горожанам уютные интерьеры театра на площади Льва Толстого. Харитонов и его актёры своими руками укладывали в раствор мраморные плиты и украсили помещения произведениями каслинского чугунового литья, заработанными шефскими выступлениями во время гастролей театра на Урале.

После долгожданного открытия на сцене «Эксперимента» было сыграно множество премьер. Вот некоторые из них:

1. «Алейхем-Шолом!» — по произведениям Шолом-Алейхема

2. «Урок смеха» — спектакль для школьников

3. «Вопль!» — драматургическое переложение М. Ронзовского пьесы Карела Чапека «Мать»

4. «Автобиография» (по Б. Нушичу)

5. «Истории из жизни города Колоколамска» (по И. Ильфу и Е. Петрову)

6. «История города Глупова» (по М.Е. Салтыкову-Щедрину)

7. «Карикатуристы» — спектакль о художниках «Боевого карандаша»

8. «Последняя ночь Сократа» — по пьесе Стефана Цанева

9. «Итальянские анекдоты» — спектакль по пьесе Эдуардо де Филиппо.

10. «Графиня Санциани» («Контесса») — по пьесе Мориса Дрюона в переводе И. Петровой.

«Эксперимент» с началом перестройки с успехом гастролировал в Польше, Германии, Болгарии, Великобритании и Соединённых Штатах Америки.

В период судорожной приватизации помещения «Эксперимента» пытались отобрать, чтобы устроить в нём казино. Чиновники из Управления культуры

терроризировали театр бесконечными проверками и комиссиями с целью выявления «нарушений». Главным обвинением было отсутствие инвентарных номеров на реквизите, костюмах и украшениях интерьера. В самом деле, многое в театре не числилось на балансе, поскольку большинство вещей были личными вещами актёров, считавших театр своим детищем и общим домом и не жалевших для него своей «частной собственности». Часть же была подарена благодарными зрителями — «Эксперимент» был создан и процветал усилиями питерцев.

Театр закрылся в 1994 году спектаклем «Актёры и ракетёры», в котором была сыграна ситуация травли театра. Драматической основой представления, прошедшего при аншлаге, стали документы — акты комиссий Управления культуры.

Чтобы спасти коллектив и лучшую часть репертуара, Харитонов по совету А. А. Собчака передал сцену «Русской антрепризе» — так уютное обустроенное театральное помещение было спасено от поползновений игрового бизнеса. Но непорядочность руководителя «Русской антрепризы» Рудольфа Фурманова погубила «Эксперимент»: несмотря на свои обещания и заверения, что коллектив «Эксперимента» продолжит играть свои спектакли в родных стенах, «антрепренёр» сразу после подписания документов на право пользования помещениями и имуществом запретил актёрам «Эксперимента» вход в театр и даже не отдал их личные вещи. Так завершилась жизнь Государственного театра «Эксперимент».

Спустя некоторое время Виктор Харитонов взялся за реанимацию «Эксперимента». По сути, ему пришлось все начинать сначала. Вместе с супругой Заслуженной артисткой России Ларисой Пилипенко они уехали из города в посёлок Лебяжье Ленинградской области. Там, не имея собственного помещения, лишённые статуса Государственного театра, они взялись за постановки моноспектаклей и небольших спектаклей на 2-3 человек. И вскоре зрители увидели афиши нового «Эксперимента».

В новом «Эксперименте» созданы спектакли:

1. «Всегда только женщина» — по произведениям Дарио Фо и Франки Раме в переводе Николая Живаго.

2. «Назым» — спектакль-портрет Назыма Хикмета, поэта, чьи судьба и творчество отразили XX век Турции и Советской России.

3. «Девушкин и Варенька» (петербургское трио) — инсценировка романа Ф. Достоевского «Бедные люди».

4. «Гавриил Державин» — рассказ поэта и сановника о своём (и нашем?) времени и творчестве.

5. «Гарикиибайки» — по прозе и «гарикам» Игоря Губермана.

В настоящее время «Эксперимент» в Петербурге играет всего три спектакля: «Гарикиибайки» в театре «Комедианты» на Лиговском пр., 44, «Девушкин и Варенька» в конференц-зале Российской национальной библиотеки на Московском пр. и «Гавриил Державин» на сцене домашнего театра поэта в музее Г. Р. Державина на Фонтанке, 118.

После посещения спектакля «Гавриил Державин» я поняла, почему же Виктор Харитонов так восхищается моноспектаклями. Ведь именно в моноспектакле актёр ярко может отобразить какого-нибудь персонажа, свое отношение к нему и происходящему.

Основная же деятельность театра теперь разворачивается вдали от города — в Лебяжьем. Изредка Виктор Харитонов выступает и в кино. Так, уже в новом веке, он снялся в криминальном сериале «Бандитский Петербург-1» (Дядя Саша), исторических лентах «Любовь императора» (Адлерберг) и «Фаворит» (Леонард Эйлер).

Использованная литература и источники:

1. Кравчук З. Виктор-одиночка // Российская газета. — 2004. — 27 марта.
2. Кудрявцев С. В. Сергей Кудрявцев представляет авторскую книгу кинорецензий 3500 : [в 2 т.]. — М. : б.и., 2008.
3. Проценко А. «Виктор Харитонов: солдат Бровкин мог стать разведчиком, но предпочел МХАТ» // Труд. — 2004. — 15 июня.
4. Интервью с Виктором Харитоновым (февраль 2012, г. Санкт-Петербург).

Платовских Анастасия

9 класс, 111 школа,
Калининский район

«Достоинно внимания». Семья Полотебновых.

(По страницам истории семьи)

«Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их», – говорил Д. С. Лихачев. И я считаю, что если человек ощущает себя частью, звеном чего-то значительного, то это поддерживает его, вселяет в него уверенность, дает ему поддержку.

Из рассказов моих родственников я узнала, что среди моих предков было немало людей с интересной судьбой, стремившихся достичь и достигавших многого своим трудом. Одним из ярчайших сюжетов в истории моего рода являются представители семьи Полотебновых.

Фамилия эта происходит от названия реки Полотебны, притока реки Рановы, протекающей в Скопинском районе Рязанской области. По ней названы также несколько сел. Полотебнов Андрей Григорьевич, отец Ольги Андреевны Полотебновой (Бошнякович), мой прапрапрадедушка, родился в 1843 г. в Рязанской губернии в семье священника. Образование получил в Московской духовной Академии. Был учеником протоиереев: Горского Александра Васильевича, русского православного историка, и Михаила (Лузина Матвея Ивановича), одного из пионеров отечественной библеистики. Защитил магистерскую диссертацию «Святое Евангелие от Луки». По окончании академии преподавал Священное Писание в Псковской и Вифанской семинариях.

В 1875 году принял сан священника. Был приглашен на кафедру Священного Писания в Московскую и Казанскую

Духовные Академии, но от предложений отказался, и занял место законоучителя в Константиновском Межевом институте города Москвы. Константиновский Межевой институт существовал с 1779 г. как землемерное училище, преобразованное в 1835 г. в институт. Интересно, что первым директором его был С. Т. Аксаков, русский писатель и общественный деятель. С 1849 по 1867 гг. институт был преобразован в военный корпус, наряду с Корпусом инженеров путей сообщения, Корпусом горных инженеров и Корпусом лесничих. Но в 1867 г. все корпуса были упразднены, и институт стал гражданским учебным заведением. В то время, как там служил Андрей Григорьевич, директором института в 1897–1900 гг. был А. Н. Шварц, выдающийся русский филолог-классик и будущий министр народного образования.

Андрей Григорьевич был протоиереем, настоятелем Храма Святых апостолов Петра и Павла на Новой Басманной в Москве, построенного в 1705–1728 гг. Петром I на личные средства по собственному рисунку (чертежу). С 1891 по 1901 год он издавал и редактировал единственный русский журнал «Радость христианина при чтении Библии как Слова Божия», в котором печатались статьи на библейскую тематику, по археологии, по Священному писанию и по деятельности библейских обществ. На страницах журнала было опубликовано популярное изъяснение Евангелия от Матфея, которое посмертно вышло отдельной книгой «Руководство к последовательному толковательному чтению Евангелия. Евангелие Матфея». Издание было рассчитано на «учащихся средних учебных заведений и всех внимающих тексту Евангелия». Умер Андрей Григорьевич в 1905 г. в Москве.

Брат Андрея Григорьевича Полотебнов Герасим Григорьевич, причетник села Алексеевское Скопинского уезда Рязанской губернии, имел сына Алексея, прославившего русскую науку и медицину.

Алексей Герасимович Полотебнов – русский врач, один из основоположников отечественной дерматологии. Он родился в Рязанской губернии 25 января (6 февраля) 1838 г. Воспитывался в Скопинском духовном училище и

Рязанской духовной семинарии, откуда в 1858 году поступил в Императорскую Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (в настоящее время Военно-Медицинская Академия – *А.П.*). Датой создания учебного заведения считают 1798 г., когда Павел I подписал указ о строительстве помещений для врачебного училища. В 1808 г. указом Александра I Медико-хирургическая академия, открытая в 1800 г., получила права Академии наук и стала именоваться Императорской.

По окончании курса в Академии Алексей Герасимович с 1864 по 1868 гг. стал ассистентом С.П. Боткина, работал в Вене и Париже. С 1876 г. – адъюнкт-профессор и заведующий кафедрой кожных болезней в Медико-Хирургической академии. Главнейшие его труды относятся к дерматологии, многие переведены на немецкий язык им самим. С целью лечения гнойных язв с успехом применил повязку из зеленого кистевика (грибов *Penicillium*), что доказало лечебное действие зеленой плесени более чем за полвека до открытия пенициллина. Согласно его концепции, болезни кожи (псориаз, экзема) следует рассматривать, как поражение целого организма. Он практически создал новое направление в русской медицине – дерматологию.

В 1894 г. Алексей Герасимович оставил кафедру по выслуге лет, выйдя в отставку в чине действительного статского советника (гражданский чин 4-го класса, давал потомственное дворянство, титуловался «Ваше превосходительство» – *А.П.*). В отставке продолжал работу над научными трудами и чтение лекций врачам Мариинской больницы. Больница на Литейном проспекте «для бедных, содержимых и лечимых безденежно» была основана в 1803 г. как подарок к 100-летию Петербурга, строилась и оснащалась на средства и при участии императрицы Марии Федоровны, и после ее смерти в 1828 г. названа Мариинской. В 90-е гг. XIX века ее попечителем был П. Г. Ольденбургский, известный своей благотворительностью.

В Петербурге в 1901 г. Алексей Герасимович жил по адресу Загородный, 16. Умер 13 января 1908 г. (по старому стилю 31 декабря 1907 г.), похоронен на Воскресенском

кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге, как и его учитель С. П. Боткин. Могила А. Г. Полотебнова сохранилась, мы ее навещали.

До революции кладбище было дорогим и поддерживалось в образцовом порядке. Дорожки тогда были посыпаны песком, устроены газоны, цветники, высажен декоративный пустырьник. Богатые склепы украшали иконы, серебряные венки, ковры, на могилах теплились лампы. Там же, в 1915 г. была похоронена его вдова Полотебнова Мария Александровна. После смерти мужа она проживала в Петербурге на Коломенской ул., 12 вместе с дочерьми Софьей и Анастасией.

Анастасия Алексеевна Полотебнова была активным общественным деятелем. В октябре 1906 г. она основала в Петербурге Майский союз детского общества защиты животных. Как правило, дети принимались в ее союз с 7 лет. Каждому выдавался значок «летающая ласточка» — эмблема Майских союзов. Тот, кто собственноручно построил полсотни скворечников, становился почетным членом. Майские союзы, в которых дети соревновались в совершении добрых дел по отношению к животным, возникли в Финляндии в конце 19 века по инициативе известного финского детского писателя-сказочника Захария Топелиуса и распространились по всему миру.

В России Майские Союзы существовали во многих городах. С детьми проводились игры, строевые учения, экскурсии, с ними занимались хоровым пением. Священники вели духовные беседы, например, «О милосердии к животным с точки зрения Евангельского учения». Однако широкого распространения Майские Союзы в России не получили. Госпожа Полотебнова жаловалась: «Далеко не все петербургские педагоги сочувственно отнеслись к проповеди новых идей. Многие высказали к ним философский индифферентизм, а некоторые прямо отрицательно отнеслись к ненужной роскоши в виде гуманных идей. Так одна патриотическая школа, из которой ученицы во множестве записались в Союз, запретила детям заниматься подобными пустяками... После революции Анастасия Алексеевна,

по всей видимости, эмигрировала, поскольку в религиозно-философском журнале «Путь», издававшемся в Париже, в 1933–1938 гг. публиковались ее статьи.

Полотебнова (Бошнякович) Ольга Андреевна – моя прапрабабушка – родилась 23 июня 1879 г. (по новому стилю 6 июля) в Москве в семье Полотебнова Андрея Григорьевича, священника и ученого-богослова. В 1899 г. приехала в Санкт-Петербург и поступила в недавно открывшийся (в 1897 г.) Женский медицинский институт. Следует отметить, что до его открытия с 1872 г. в Петербурге действовали Женские врачебные курсы при Императорской Медико-хирургической (позже Военно-медицинской) академии, первый выпуск которых состоялся в 1877 г. В Медико-хирургической академии служил двоюродный брат отца Ольги Андреевны, А. Г. Полотебнов, что, возможно, повлияло на ее решение. Институт она окончила, согласно свидетельству № 21, 18 ноября (1 декабря) 1904 г., получив звание лекаря. До 1904 г. выпускницы Института получали звание женщины-врача, что давало им право повсеместной частной практики, право занимать (без прав государственной службы) должности врачей при женских учебных и богоугодных заведениях, женских и детских больницах, при общинах сестер милосердия и врачебно-полицейских учреждениях. Они имели право заведовать земскими медицинскими участками и сельскими больницами, а в городах – женскими и детскими больницами и отделениями при общих больницах. Диплом же на звание лекаря давал женщинам все права на медицинскую деятельность, кроме прав на чиновничество.

К моменту окончания Института она уже имела двух сыновей от брака с Бошняковичем Драгомиром Петровичем: Юрия (Георгия) и Андрея, а в 1905 г. родился третий сын – Игорь. В архиве семьи сохранился аттестат Ольги Андреевны, выданный Могилевской Уездной Земской Управой 31 декабря 1911 г. В соответствии с ним, с 01 апреля 1906 г. по 15 ноября 1907 г. она заведовала городской больницей и амбулаторией в г. Петровске Саратовской губернии. Сохранилась почтовая открытка с адресом:

«Ея Высокоблагородию Ольге Андреевне Полотебновой-Бошнякович, Городскому врачу, г. Петровск Саратов. губ.». Приказом губернатора г. Могилева от 18 ноября 1909 г. за № 36 назначена сельским врачом 3-го участка Могилевского Уезда, с правами Государственной службы. Согласно «Российскому медицинскому списку», в 1909–1910 гг. работала земским врачом в деревне Юры, Краснинского уезда, Смоленской губернии, с 15 сентября 1911 года оставлена за штатом, но в отставку не выходила. Вскоре последовал развод с мужем, Ольга Андреевна стала жить самостоятельно, со своими детьми и незамужней сестрой Марией Андреевной, которая помогала ей воспитывать детей. В 1914 г. служила земским врачом в имении Горбулево, Радомысльского уезда, Киевской губернии.

Во время Первой Мировой войны работала в санитарном поезде в Брест-Литовске. Трое ее сыновей находились вместе с ней. Согласно семейному преданию, ее старший сын Юрий (Георгий), в то время двенадцати-тринадцатилетний подросток, как-то раз перехватил германского почтового голубя, летевшего с донесением, и получил за это благодарность. Следует отметить, что голубиная почта действительно широко применялась во время Первой Мировой войны. Например, у немцев имелись специальные машины, на которых клетки с голубями перевозились вслед за передвижениями армии.

Впоследствии Ольга Андреевна служила земским врачом в Губернской психиатрической больнице города Курска. Больничный городок находился в деревне Сапогово, недалеко от города. Это был достаточно замкнутый мир, врачи и служащие были не только сотрудниками, но и соседями, знакомыми, приятелями. Там ее сын Юрий познакомился со своей будущей женой Зинаидой, родители которой тоже служили в больнице.

В 1941 г. первые бомбежки Курска начались уже 29 августа, а 3 ноября город был захвачен. Оккупация длилась 450 дней, погибло более 13 тысяч жителей, более 10 тысяч было угнано в Германию. Все пациенты Курской психбольницы были убиты в соответствии с фашистской

теорией уничтожения «неполноценных». Ольга Андреевна и ее сестра Мария успели эвакуироваться, однако тяготы хоть и тыловой, но голодной и неустроенной жизни в чужих краях оказались непосильными для пожилых уже женщин, и они умерли в 1944 г. в Ташкенте.

Благодаря этой работе, посвящённой моей семье, я ощутила более тесную связь со своими родными. Данный труд для меня – бесценный опыт. Мне интересна история моего рода, а она, как я поняла во время исследования, довольно обширна и достойна внимания.

Использованная литература и источники:

1. Аттестат № 4505 Полотебновой О.А. от 31.12.1911, г. Могилев // Семейный архив Бошнякович.
2. Борейко В.Е. Белые пятна истории природоохраны: СССР, Россия, Украина / Киев. экол.-культур. Центр, Центр охраны дикой природы СоЭС. – Киев, 1996. – (Серия «История охраны природы»); То же: [Электронный ресурс] // Киевский эколого-культурный центр: [сайт]. – URL: <http://www.ecoethics.ru/old/b38/6020.html> (дата обращения: 01.02.2013).
3. Весь Петербург : адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1901 год. – [1901]. – 913 с., 1902 стб. разд. паг.
4. Весь Петербург : адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1913 год. –СПб., [1913]. – 850 с., 1877 стб. разд. паг.
5. Новодевичье кладбище / Администрация С.-Петербурга, Ком. по гос. контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. – СПб. : Белое и Черное, 2003. – 559 с.
6. Путь [Электронный ресурс] : именной указатель // Библиотека Якова Кротова. –URL: krotov.info/library/16_p/put/put_ind.html (дата обращения: 01.02.2013).
7. Российский медицинский список, изданный управлением главного врачебного инспектора министерства внутренних дел на ... [1909, 1910, 1914 гг.]. – СПб. : тип. Министерства внутренних дел, 1909–1910, 1914.

Платонова Татьяна

9 класс, 233 школа,
Красногвардейский район,
Юношеский университет
Петербурга,
Санкт-Петербургский городской
Дворец творчества юных

Дворяне Турчины. История поиска корней

Много лет в нашей семье хранились интересные фотографии и документы, передавались воспоминания о давно прошедших событиях, рассказы и легенды о предках, но все это было разрозненно, не собрано воедино. Интерес к истории семьи, к судьбам предков у меня был всегда. В результате исследования была оформлена работа с описанием родословной до 5 колена. Но не менее интересна история поиска данных о роде Турчиных, родословные доказательства.

В начале исследования рода Турчиных было известно совсем немного, документов по этой линии в семье не сохранилось, во время Великой Отечественной войны чудом уцелели немногие фотографии и письма. Самое ценное с чего начались поиски – это краткие записи по воспоминаниям моей двоюродной прабабушки Полины Ивановны Турчиной (1911–2004 г.г.). В начале 20-го века большая семья Турчиных, а у моей прабабушки было 4 брата и сестра, жила в уездном городе Торопце Псковской губернии (теперь Торопец относится к Тверской области).

Прабабушка Турчина Полина Ивановна и ее брат Турчин Валентин Иванович рассказывали, что их отец Турчин Иван Тихонович (1868–1929) служил в казначействе и имел личное дворянство за выслугу лет. Но по данным памятных книжек Псковской губернии получалось, что Иван Тихонович имел дворянство не за выслугу лет. При первом упоминании о Иване Тихоновиче в памятной книжке Псковской губернии за 1897 год было указано, что

он дворянин и служит в городской управе бухгалтером. Помимо этого была найдена интересная запись в списках дворянских родов, внесенных в дворянские родословные книги Смоленской губернии, опубликованных Смоленским Дворянским Депутатским собранием в 1897 году – там указан род Турчиных из Бельского уезда в 6 части (под номером 397) и упомянуты два рода Турчиных во второй части.

Если об Иване Тихоновиче кое-что было известно из воспоминаний его детей, данные о продвижении по службе из памятных книжек, известен был адрес дома, где он проживал со своей семьей, то о его предках из рассказов прабабушки было известно только то, что в городе Белом Смоленской губернии жили родственники, и дед Ивана Тихоновича был из Полтавы.

Следующим шагом в поисках информации о предках послужила поездка на родину Турчиных – в город Торопец. Летом 2010 года мы с мамой, сестрой и бабушкой (Турчиной Надеждой Валентиновной) отправились в Торопец, познакомиться с городом, увидеть своими глазами те места, где когда-то жили наши прадеды, возможно, найти их могилы.

На Вознесенском кладбище, где мы надеялись найти могилы своих предков, мы познакомились с настоятелем церкви Вознесения Господня отцом Георгием и попросили у него помощи в своих поисках. Он действительно нам очень помог. Отец Георгий заверил нас, что раз Турчины были прихожанами Спасо-Преображенской церкви, то они обязательно должны были быть похоронены на Вознесенском кладбище, потому что Спасо-Преображенский приход относился к Вознесенскому погосту. Кладбище чудом не снесли в 70-х годах 20 века, но старинных надгробий почти не сохранилось, осталось очень мало имен тех, кто похоронен на этом кладбище, большинство захоронений недавние. Когда отец Георгий стал настоятелем кладбищенской церкви, он попросил сотрудницу краеведческого музея выбрать из метрических книг, тогда еще находившихся в Торопецком архиве, данные о захороненных на Вознесенском кладбище. В краеведческом музее мы познакомились с замечательными людьми, сотрудниками музея и стали обладателями

своеобразного сокровища – электронного файла со списком прихожан, захороненных на Вознесенском кладбище с 1900 по 1916 годы. Из данных этого списка стало известно о том, что в этот период зарегистрированы смерти 6 представителей рода Турчиных.

В списке прихожан Спасо-Преображенской церкви, захороненных на Вознесенском кладбище, была найдена запись о смерти Турчина Тихона Дмитриевича (1831–1900 гг.). Из Государственного Архива Тверской области была получена архивная справка о смерти Тихона Дмитриевича и копия записи в метрической книге, где указано, что 15 июля 1900 года утонул дворянин Бельского уезда Смоленской губернии Турчин Тихон Дмитриевич.

В архивной справке о рождении одного из сыновей Ивана Тихоновича – Турчина Валентина Ивановича тоже указано, что Иван Тихонович дворянин Бельского уезда Смоленской губернии.

Изучая литературу, посвященную Отечественной войне 1812 года, было найдено несколько упоминаний о представителе дворянского рода Турчиных. На Смоленщине, как и во многих других губерниях, в период войны 1812 г. в помощь регулярным войскам было создано народное ополчение как временная вооруженная сила. Собиралось ополчение, главным образом, из крепостных крестьян; ремесленники, мещане, духовенство, интеллигенция вступали в него добровольно. Командный состав избирался дворянством из числа отставных офицеров и чиновников. В книге И. П. Лесли «Смоленское дворянское ополчение 1812 г.» указано, что некий Турчин Севастьян Иванович – штабс-капитан, сотенный, дворянин Бельского уезда Смоленской губернии, входил в Командный состав Смоленского ополчения 1812 г., там же указано, что он кавалер ордена св. Анны 3-го класса и уволен до выздоровления. Аналогичная информация содержится в книге В. М. Вороновского «Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии». В адрес-календаре Российской Империи за 1833 год (Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833 г.), во второй части есть запись о том, что штабс-капитан Севастьян

Иванович Турчин (кавалер ордена святой Анны 3 степени) выступает в роли заседателя в земском суде в городе Белом Смоленской губернии. В Российском Государственном Историческом Архиве хранится дело «О выкупе земельных наделов временно-обязанными крестьянами помещицы Торопецкого уезда Турчиной Марьи Федоровны», имеющее отношение к ходу крестьянской реформы 1861 года. Из этого дела стало известно, что Марья Федоровна – вдова штабс-капитана Турчина Севастьяна Ивановича.

Из записей, сделанных по воспоминаниям Полины Ивановны Турчиной, известно, что её дед был родом из Полтавы. В адрес-календарях Российской Империи за несколько лет, в разделах, посвященных Полтавской губернии, имеются записи о дворянине Дмитрие Андреевиче Турчине. Так, в адрес-календарях за 1818, 1821 и 1824 гг. указано, что Турчин Дмитрий Андреевич служил в генеральном суде Полтавской губернии секретарем в чине коллежского секретаря, а в 1823 году в чине титулярного советника.

В фондах Российского государственного исторического архива (Ф. 1343. Оп. 51. Д. 607) хранится Список фамилий и лиц, утвержденных окончательно в дворянском достоинстве с 1725 по 1841 год. Во втором томе зарегистрированы записи, относящиеся к Смоленской губернии, о представителях рода Турчиных – в 1825 году о Дмитрие, а в 1834 – о Ефиме, Андрее и Петре.

В течение нескольких лет мы собирали данные о Турчиных из различных источников: памятных книжек Псковской губернии, адрес-календарей, обращались в архивы за копиями записей метрических книг. По известным нам фактам удалось составить древо Турчиных до 6 поколения. Начиная с прабабушки, нам были известны следующие представители рода Турчиных:

Турчина Лариса Ивановна (1908–1965), дочь Турчина Иван Тихоновича и Турчиной (Щекиной) Александры Николаевны.

Турчин Иван Тихонович (1868–1929), сын Турчина Тихона Дмитриевича и Турчиной Пелагеи Павловны.

Турчин Тихон Дмитриевич (1831–1900), предположительно сын Турчина Дмитрия Андреевича.

Часть собранных фактов логически выстраивалась в хронологическую цепочку, была документально подтверждена и оформлена в родословном древе. Но в процессе поиска были найдены еще и разрозненные данные, которые мы не знали, как объединить воедино. Среди документов встречались косвенные доказательства принадлежности наших предков к дворянскому роду.

Но как связаны между собой эти разрозненные данные, мы надеялись понять благодаря информации из дворянских родословных книг Смоленской губернии. Однако ни в одной из шести родословных книг Смоленской губернии, хранящихся в РГИА, не имеется упоминаний о роде Турчиных.

Наименование того или иного лица дворянином в послужных (формулярных) списках, метрических свидетельствах, аттестатах, выданных учебными заведениями, и т. п. может служить только косвенным доказательством дворянства. Среди имеющихся в нашем распоряжении документов до недавнего времени были только косвенные доказательства дворянства.

Для того чтобы получить признание некоего лица или целого рода в потомственном дворянском достоинстве Российской Империи, в губернское Дворянское Депутатское Собрание представлялись документы, на основании которых выносилось определение о внесении этого лица или рода в одну из шести частей дворянской Родословной книги.

Затем это определение с копиями доказательств отсылалось на утверждение в Департамент Герольдии Правительствующего Сената. Правительствующий Сенат либо утверждал определение губернского Дворянского Собрания, либо не утверждал. Результатом его рассмотрения являлся указ губернскому Дворянскому Депутатскому Собранию. Дата и номер указа о признании в потомственном дворянском достоинстве являются как бы «визитной карточкой» рода.

Получив сенатский указ об утверждении просителя в потомственном дворянстве, Дворянское Собрание вносило его в Родословную книгу и выдавало о том свидетельство. Всех лиц, рожденных после указа Правительствующего Сената, губернские Дворянские Собрания великорусских губерний имели право сопричислять к роду одним лишь своим определением. Тем не менее, списки сопричисленных за данный год, губернские Дворянские Собрания все равно отсылали в Департамент Герольдии для сведения.

Итак, прямыми доказательствами принадлежности некоего лица к российскому дворянству являются:

свидетельства о причислении к дворянскому роду и внесении в Родословную книгу, выданные губернскими Дворянскими Депутатскими Собраниями;

свидетельства о признании в дворянстве и праве на внесение в Родословную книгу, выданные Департаментом Герольдии Правительствующего Сената;

также копии соответствующих определений.

Дела о признании в дворянстве Сенатом хранятся в фонде Департамента Герольдии (Ф. 1343) РГИА, причем губернские родословные книги (обычно их копии) и списки сопричисленных составляют в нем отдельную опись (Оп. 51). Материалы о внесении в родословные книги губерний, равно как и сами эти книги, хранятся в фондах губернских Дворянских Депутатских Собраний и находятся ныне в Государственных архивах соответствующих областей.

Из Смоленского государственного областного архива мы получили черновики родословных доказательств. Но вместо ответов появилось еще больше вопросов. В родословной были описаны шесть поколений – от основателя рода, Юрия Турчина, служившего в полку смоленской шляхты, которому было «жаловано в Бельском уезде в Жарковской волости поместье в деревнях: Стариково Страхово Угримово и Борки, которые числились на нем по переписным книгам 176 года». 176 год, указанный в документе – это 7176 «от сотворения мира» или 1668 год по христианскому летосчислению (от «рождества Христова»).

Но по-прежнему было совершенно непонятно, как связать наших родственников с кем-либо из представленных в родословной персон. В одном из документов в схеме был указан без расшифровки в тексте описания некий Андрей, который мог бы быть рассмотрен как отец Дмитрия Андреевича.

Подтверждение родословных доказательств нашлось в делах, хранящихся в РГИА в фонде 1343, опись 30 «О сопричислении к дворянскому состоянию. Литеры «Т-У»». Дела с 3598 по 3604 относятся к трем родам Турчиных Смоленской Губернии. Два дела посвящены родам из второй части родословной книги, в них хранятся документы о признании в дворянском достоинстве за воинские заслуги каждого из этих родов. Остальные пять дел посвящены представителям рода Турчиных Смоленской губернии Бельского уезда.

В каждом деле представлены прошения, поданные в Смоленское Дворянское Депутатское Собрание, рапорты Смоленского Дворянского Депутатского Собрания, копии с определений Сената, отношения Смоленского Дворянского Депутатского Собрания, родословные с изложением документов, схемы. Среди документов есть Выпись Смоленского Наместнического правления, метрические свидетельства о рождении, данные исповедальных росписей, патенты, копии купчих крепостей, свидетельства о существовании имений. По данным документов всех этих дел получилось составить родословное древо, состоящее из 5 поколений, включающее 60 человек. Среди ветвей этого родословного древа рода Турчиных есть такая часть, которая могла бы быть соединена с нашим древом. Пока это только предположения, дальше предстоят поиски подтверждения родства по этой линии.

Некоторые документы особенно интересны, в них представлено описание истоков рода. Так, в деле 3604 представлена Выпись Смоленского Наместнического правления. В ней сказано: «в списке Смоленской, Бельской и Рословской шляхты 7187 (1679) г. написано: Бельская шляхта Юрий Турчин у него сын Данило 7 лет и Великого

Государя жалованья поместья заним по его скаске в Бельском уезде 3 двора крестьянских. В списке же Смоленской шляхты 198 г написана Бельская шляхта, что велено писаться в Смоленского 6 роты Юрия Иванова сын Турчин с присланным из правительствующего Сената 1722 г Марта от 20 указ значит Всепрравительствующий Державнейший Петр Великий Император и Самодержец Всероссийский будучи в Сенате марта 13 дня 722 года указал Смоленскую шляхту отпустить всех в дома их по прошению и по вышеписаному Его Императорского Величества указу Правительствующий Сенат ПРИКАЗАЛИ: об отпуске оной шляхты в Смоленскую Губернию послать Его Императорского Величества указ с именным списком, который и прислан, в списке написано: сморенные столовой палаты 1722 г. Смоленской Губернии рядовые Смоленской шляхта и отставные, в том числе Николай Юрьев сын Турчин в 755 г. по указу из Правительствующего Сената при разборе Смоленской шляхты Губернатором Генерал-Майором Князем Оболенским Смоленские шляхтичи Николай да Степан Юрьевы дети Турчины скаскою показали что они природные из Смоленского Шляхтиства по взятии города Смоленска из-за Короля Польского под Российскую державу отец из Юрий Иванов сын Турчин, был природной польской нации шляхтич и по добровольному своему желанию выехал из запольского рубежа в Россию, служит в полку Смоленской шляхты и прошлых годах умре а они начали служить в том же полку Смоленской шляхты Николай в 710 (1710), Степан с 725(1725) отроду им Николаю 75 а Степану 60 лет. Детей у них у Николая 4 сына Петр 24, Карнила 20 лет холосты служат в полку Смоленской шляхты Казма 4 лет, Яков полутора года у Степана 2 сына Федор 5 Иван 2 лет. Недвижимого имения за ними в Бельском уезде в Жарковской волости сельцо Угримово, в котором написанных по 2 ревизии крестьян мужеска пола 6 душ».

Так же в выписи подробно описано жалованное имение: «справливано было с Губернскою Архивою, и оказалось; в переписных книгах Бельского уезда переписи Головы Смоленских стрельцов Данилы да солдатских

полков капитана Василия Чернцовых да подъячего Федора Войнова 176 г. (1668) записано в Жарковской волости за Бельским шляхтичем за Юрием Ивановым сыном Турчанином деревня Старикова а с ней два двора крестьянских санных покосов по речке Вельсе на 40 копен, деревня Страхова пустошка тожь на речке Озебитке, с ней двор крестьянской покосов речке Углице на 15 копен, половина деревни Угримова, а в ней двор крестьянской санных покосов по Двине реке и по речке Велесе налево половину на 30 копен, половина деревни Борку на суходоле, а в ней двор крестьянской да подсоседник санных покосов по Двине реке и по речке Велесе налево половину по 30 копен всего за ним Юрием в 4-х деревнях 5 дворов крестьянских да подсоседник, сена 115 копен, а сколько пашни и почему тем поместьем владеет скаски и крепостей он Юрий не подал да в списке Смоленской, Бельской и Рословской шляхты 7187 (1679) г. написано: Бельская шляхта Юрий Турчин у него сын Данило 7 лет и Великого Государя жалованья поместья за ним по его скаске в Бельском уезде 3 двора крестьянских».

Таким образом, подтверждено происхождение рода Турчиных из смоленской шляхты. Потомки шляхтичей Турчиных продолжали служить на военной службе, некоторые становились чиновниками, у них было разное имущественное положение, но в основном, это были мелкопоместные дворяне. Многие из них при поступлении на службу подтверждали свое дворянство.

Юрий Иванович Турчин – родоначальник фамилии, польский шляхтич, служил в полку Смоленской шляхты. Ему было жаловано в Бельском уезде в Жарковской волости поместье в деревнях: Стариково, Страхово, Угримово и Борки, которые числились на нем по переписным книгам 1668 года.

Это подтверждено в выписи Смоленского Наместнического правления, приложенной к рапорту Смоленского Дворянского Депутатского Собрания за № 2574: «справливано было с Губернскою Архивою, и оказалось; в переписных книгах Бельского уезда переписи Головы Смоленских

стрельцов Данилы да солдатских полков капитана Василия Чернцовых да подъячего Федора Войнова 176 г. (1668) записано в Жарковской волости за Бельским шляхтичем за Юрием Ивановым сыном Турчанином деревня Старикова а с ней два двора крестьянских сенных покосов по речке Вельсе на 40 копен, деревня Страхова пустошка тожь на речке Озевитке, с ней двор крестьянской покосов речке Углице на 15 копен, половина деревни Угримова, а в ней двор крестьянской сенных покосов по Двине реке и по речке Велесе ... налево половину на 30 копен, половина деревни Борку на суходоле, а в ней двор крестьянской да подсоседник сенных покосов по Двине реке».

Вименных списках Смоленской Бельской и Рословской шляхты, опубликованных в книге под ред. Б.Г. Федорова «Смоленская шляхта», Юрий Турчин указан в списках от 1680 г.

В выписи Смоленского Наместнического правления сказано, что Юрий Иванович умер несколькими годами раньше, чем проходил смотр шляхтичей, учиненный в 1755 году: «..в 755 г. по указу из Правительствующего Сената при разборе Смоленской шляхты Губернатором Генерал-Майором Князем Оболенским Смоленские шляхтичи Николай да Степан Юрьевы дети Турчины скаскою показали, что они природные из Смоленского Шляхтиства по взятии города Смоленска из-за Короля Польского под Российскую державу отец из Юрий Иванов сын Турчин, был природной польской нации шляхтич и по добровольному своему желанию выехал из запольского рубежа в Россию, служил в полку Смоленской шляхты и прошлых годах умре...».

По материалам, хранящимся в РГИА, удалось установить, что Николай Юрьевич родился в 1689 г., был дважды женат. В части документов Николай Юрьевич указан как Николай Григорьевич.

Выдержка из отношения Смоленского Дворянского Депутатского Собрания: «По исповедальным росписям 1740 Бельского уезда села Сельца, сельца Угримова показан смоленский шляхтич Николай Григорьев сын Турчин 51,

жена его Праскева 40, дети из Иван 9 Петр 7 Корнила 5, Максим 3 лет...». Служил Николай Юрьевич, как и его отец, в полку Смоленской шляхты, владел наследственным имением. Это подтверждается архивными документами, в которых он упомянут.

На службу в полк Смоленской шляхты Николай Юрьевич поступил в 1710 г., об этом есть упоминание в выписи из Смоленского Наместнического Правления: «...смоленские столовой палаты 1722 г. Смоленской Губернии рядовые Смоленской шляхта и отставные, в том числе Николай Юрьев сын Турчин в 755 г. по указу из Правительствующего Сената при разборе Смоленской шляхты Губернатором Генерал-Майором Князем Оболенским Смоленские шляхтичи Николай да Степан Юрьевы дети Турчины скаскою показали что они природные из Смоленского Шляхтиства по взятии города Смоленска из-за Короля Польского под Российскую державу отец из Юрий Иванов сын Турчин, был природной польской нации шляхтич и по добровольному своему желанию выехал из-за польского рубежа в Россию, служил в полку Смоленской шляхты и прошлых годах умре, а они начали служить в том же полку Смоленской шляхты Николай в 710 (1710), Степан с 725 (1725) отроду им Николаю 75 а Степану 60 лет. Детей у них у Николая 4 сына Петр 24, Карнила 20 лет холосты служат в полку Смоленской шляхты Казма 4 лет, Яков полутора года у Степана 2 сына Федор 5 Иван 2 лет...».

Андрей Николаевич Турчин, один из сыновей Николая Юрьевича, родился в 1764 г. Родители его в это время уже были далеко не молоды, отцу 75 лет, а матери 45. Упоминания об Андрее Николаевиче присутствуют в нескольких архивных документах, хранящихся в РГИА: Прошения Петра Демьянова и Андрея Турчиных о разделе имения, Копия купчей крепости от 5 февраля и 20 марта 1803 г., копии с определений сената 7 февраля 1856 года с описанием родословной.

К рапорту Смоленского Дворянского Депутатского Собрания за № 2574 приложены документы, в том числе, «Родословная с изложением документов», в которой

написано: «...Из прошения поданного в Бельский уездный суд в марте 1786 года Смоленским шляхтичем Петром (Лейб-гвардии солдатом Дементием и недорослем Андреем Николаевым Турчиными и племянницею и женою дворянина Григория Евдокимого Калакуцкого Матреною Корниловою по отцу Турчиной, видно, что оставшимся по смерти отца их, а Матрены дядя Смоленского шляхтича Николая Юрьева Турчина (2) осталось движимое и недвижимое имение Бельской округи сельцо Угримово и деревни Починок, Триполкка, Раздора, Страшиха и Поддубовка без крестьян. Они полюбовно разделили между собой».

В копии с определения Сената 7 февраля 1856 г. с описанием родословной указано: «...за предками рода сего за Бельским шляхтичем Юрием Ивановым Турчиным в 1668 году пожаловано с крестьянами имение в деревнях: Стариков, Страхов, Пустошка тож и жаловано деревень: Угрюмой и Барку, перешедшие в владение к сыновьям его: Степану и Николаю и разделенное в 1786 году детьми его последнего Петром, Демьяном и Андреем, брат коих Демьян Николаев Турчин, то имение доставшееся ему от помянутого отца их Николая Юрьева Турчина продал брату своему означенному выше Андрею Николаеву».

В прошении отставного капрала Якова Петрова Турчина, поданном в Смоленское Дворянское Депутатское Собрание 24 февраля 1817 года упоминаются родственники: «... дяди мои Унтер-офицер Андрей 40 лет женат на дворянке Марье Захаровой Малышевой 45, и дети сыновья Александр 18 Дмитрий 12 недоросль дочери Ирина 19, Татьяна 17, Марья 13 девицы. Демьян 55 в отставке солдат вдов у него дети Иван 21 Дмитрий 20, Захар, Семен 6...».

В Свидетельстве о существовании имений сказано: «...с остальными именьями как то: деревня Страхово, Стариково и Барки из рода Турчиных выбыли и состоят во владении Болотникова, проданные родными братьями Петра Андреем Николаевым в 1844 году, означенные именья существуют и существовали».

Из записей, сделанных по воспоминаниям Турчиной Полины Ивановны известно, что ее прадед служил в

Полтаве. В адрес-календарях Российской Империи за несколько лет в разделах, посвященных Полтавской губернии, имеются записи о дворянине Дмитрие Андреевиче Турчине.

Выписки из адрес-календарей Российской империи, хранящихся в читальном зале

Российского государственного исторического архива:

1. Выписка из месяцеслова с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818

Полтавская губерния. В генеральном суде В 1 Департ.: Секретарь Кол.Секр. Дмитрий Андреев Турчин

2. Выписка из месяцеслова с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821

Полтавская губерния В генеральном суде В 1 Департ.: Секретарь Кол.Секр. Дмитрий Андреев Турчин

3. Выписка из месяцеслова с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823

Полтавская губерния. В генеральном суде В 1 Департ.: Секретари: Тит Сов. Дмитрий Андреев Турчин (состояние чинов на 23-е Декабря 1822 г.)

4. Выписка из месяцеслова с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1824

Полтавская губерния. В генеральном суде В 1 Департ.: Секретари: Тит Сов. Дмитрий Андреев Турчин

Предположение о том, что отцом Тихона Дмитриевича мог быть Турчин Дмитрий Андреевич, построено на основании сведений, полученных от прабабушки о том, что ее дед был с Полтавы. Конечно, этот факт требует документально-го подтверждения.

В метрической книге за 1900 год по Спасо-Преображенской церкви есть запись о смерти утонувшего Тихона Дмитриевича Турчина, дворянина Смоленской Губернии Бельского уезда. Из государственного архива Тверской области мы получили архивную справку и фотокопию

этой записи в метрической книге. То, что отцом Ивана Тихоновича Турчина был Турчин Тихон Дмитриевич, мы можем считать с полной уверенностью. Совпадают несколько факторов – одинаковое сословное положение, соответствующее отчество, соответствующий возраст и нераспространенная фамилия. В метрической книге за 1911 год по Спасо-Преображенской церкви есть запись о смерти торопецкой дворянской жены Турчиной Пелагеи Павловны в возрасте 88 лет от старческой слабости. Это запись о смерти матери Ивана Тихоновича, жены Тихона Дмитриевича. Жена Ивана Тихоновича была старше его (такая разница между мужем и женой – не единичный случай в роду). Мою прабабушку Полину Ивановну Турчину, родившуюся в 1911 г. назвали в честь ее бабушки, умершей за полгода до ее рождения. Прабабушка была крещена как Пелагея. Французским именем Полина нередко заменяли «простонародные» имена: Прасковья или Пелагея. Пушкин в «Евгении Онегине» писал о матери Татьяны Лариной, что она «звала Полиною Прасковью». Так и нашу прабабушку Пелагею всегда звали Полиной.

Иван Тихонович Турчин родился 3 января 1868 г. в семье служащего дворянина. Получил домашнее воспитание. Продвижение по службе Ивана Тихоновича прослеживается по адрес-календарям (памятным книжкам) Псковской губернии, и это полностью соответствует данным формулярного списка о службе бухгалтера 2-го разряда Торопецкого Казначейства за 1910 г. Адрес-календарь представляет собой отдельную часть памятной книжки, включающую перечень всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с их личным составом.

Первый раз упоминание о дворянине Иване Тихоновиче Турчине, служащем в городской управе Торопца бухгалтером, в адрес-календарях встречается в 1897 г. Далее аналогичная запись есть в памятной книжке за 1899 год. В памятных книжках за 1903, 1906, 1907 гг. сообщается, что не имеющий чина Турчин Иван Тихонович служит бухгалтером в Торопецком уездном казначействе. В памятной

книжке Псковской губернии за 1910 г. указано, что не имеющий чина Иван Тихонович Турчин служит в уездном казначействе в должности кассира 1 разряда и проживает на улице Новинской. В 1912 году Иван Тихонович служит в чине губернского секретаря, исполняя обязанности бухгалтера 2-го разряда. Место жительства - собственный дом на улице Казанской. Данные за 1914 г. говорят о том, что служит Иван Тихонович в чине губернского секретаря, исполняя обязанности бухгалтера 1-го разряда. Здесь более точно описываются место жительства: он проживает в доме на улице Казанской в наследном доме Шекиных. Этот дом действительно принадлежал родителям его жены Турчиной (Шекиной) Александры Николаевны.

В Торопце Казначейская улица, на которой раньше находилось казначейство, сейчас переименована в Красноармейскую. Дом № 7, в котором находилось казначейство, был специально построен с учетом особенностей хранилища казначейства с укрепленными стенами и отсутствующими окнами первого этажа. Сейчас в этом доме располагается контора энергосбыта. После 1917 г. Иван Тихонович продолжал служить на том же самом месте, только Казначейство было переформировано в финансовое управление. Умер Иван Тихонович 5 ноября 1929 г. в возрасте 60 лет от туберкулеза легких.

Использованная литература и источники:

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 196. Л. 55.
2. Государственный архив Тверской области. Ф. 160. Оп. 16. Д. 605.
3. О выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами Турчиной М. Ф., селения Дорохово и др. // РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 2109.
4. О дворянском роде Турчиных // РГИА. Ф.1343. Оп. 30. Д. 3598–3602, 3604.
5. Родословные доказательства дворянского рода Турчиных, составленные по состоянию на 1859 год (рукопись, черновой вариант) // ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 367.
6. Список фамилий и лиц, утвержденных окончательно в дворянском достоинстве с 1725 по 1841 год. (ч. II) // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 607.

7. Вороновский В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. – СПб. : тип. А. С. Суворина, 1912. – 65 с.
8. Лесли И. П. Смоленское дворянское ополчение 1812 года. – Смоленск : изд. смолен. дворянства, 1912. – [2], II, 115 с.
9. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833. – СПб. : При Императорской Академии Наук, 1833. – Ч. 2.
10. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1818 – Ч. 2.
11. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1821 – Ч. 2.
12. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1823 – Ч. 2.
13. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1824. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1824 – Ч. 2.
14. Памятная книжка Псковской губернии на 1897 год. – Псков, 1897.
15. Памятная книжка Псковской губернии на 1903 год. – Псков, 1903.
16. Памятная книжка Псковской губернии на 1905 и 1906 г. – Псков, 1906.
17. Памятная книжка Псковской губернии на 1907 год. – Псков, 1907.
18. Памятная книжка Псковской губернии на 1909–1910 г. – Псков, 1909.
19. Памятная книжка Псковской губернии на 1911–1912 г. – Псков, 1910.
20. Памятная книжка Псковской губернии на 1913–1914 г. – Псков, 1913.
21. Спикок дворянских родов, внесенных в родословные книги Смоленской губернии – Смоленск : Смолен. депутатское дворянское собрание, 1897.
22. Федоров. Б. Г., Лотарев Д. Д. Смоленская шляхта. Т. 2 : Списки шляхты, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов. – М. : Рус. экон. о-во, 2006.

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Семунина Светлана

8 класс, 233 школа,

ДДЮТ «На Ленской»,

Красногвардейский район

«Судьба ленинградки...»

(О Галине Генриховой – обычной советской девушке)

Свой рассказ я хочу посвятить молодой девушке Галине Генриховой, мирную жизнь которой навсегда изменила война. Ее судьба не только интересна, но и трагична. Все началось с найденных в архивах нашего музея документов. Все они были об одном человеке – о ленинградской девушке Генриховой Галине. Как эти документы попали в музей – никто не знает, давно ли они лежат в архиве – тоже неизвестно. Что делать? В нашем распоряжении были: написанная кем-то от руки биография, зачетная книжка, удостоверение о прохождении по г. Ленинград, удостоверение об окончании курсов медсестер, удостоверение редакции газеты «Смена». Информации мало, но уже сразу появляются вопросы: Кто она была? В какой школе училась? Как эти документы попали в фонд музея? Именно из этих вопросов сложилась цель исследования – восстановить жизненный путь Галины Генриховой.

Генрихова Галина родилась 30 января 1922 года. Жила она с родителями в Центральном районе на Моховой улице, в доме 22. У девушки с детства были проблемы со здоровьем. В 2 года она стала инвалидом II группы. У нее был искусственный пищевод. Несмотря на это, судя по всему, Галина была очень жизнерадостным человеком.

В 1930 году Галина поступила в среднюю школу № 7 Красногвардейского района. Видимо, уже в школе Галина проявила интерес литературе, так как она была отмечена жюри Городского конкурса литературы. Для таких детей

был создан специальный Детский Литературный университет (позже Дом Детской Литературы). Создателем этого университета был знаменитый детский писатель Самуил Яковлевич Маршак. Для него было отведено 4 комнаты на верхнем этаже здания Института истории искусств на Исаакиевской площади. Занятия проводились два раза в неделю. Для общих занятий дети были разбиты на две возрастные группы. Творческие же проводились обычно для всех вместе. Их вёл сам Самуил Яковлевич Маршак. Авторы читали свои стихотворения, и все вместе их разбирали. Самуил Яковлевич выносил на суд и собственные стихотворения, хотя соглашался с критикой редко. Но больше всего ребята получали удовольствие от общения с Маршаком. Он, бывало, отвлекался, и тогда проводил для ребят очень интересные лекции о литературе. Кроме того, был цикл воскресных экскурсий в Эрмитаж, летние путешествия по стране и встречи с интересными людьми. За три года до окончания школы Галя принимают в комсомол в Калининском райкоме ВЛКСМ г. Ленинграда. На другой стороне своего комсомольского билета Галя выписала слова Максима Горького: «Не жалея себя – это самая красивая, самая гордая мудрость на свете. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя! Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные выберут первую, мужественные и щедрые – вторую». Скорее всего, у Галины на Украине в посёлке Каховка Херсонской области, были родственники, так как на фотографии, которую нашла Татьяна Вебер в фондах нашего музея, изображена Галина и пятеро юношей. На обороте подписано: «Галина Генрихова, 12 июля 1939 года, пос. Каховка». Предполагаю, что Галя часто там отдыхала летом.

В 1946 году Галина закончила школу. Она сдала все экзамены со средней оценкой 4,5 балла и поступила в 1-й Ленинградский Юридический университет. Галина закончила первый курс, но, из-за начала Великой Отечественной войны, учеба прерывается. Уже 22 июня в 3 часа ночи фашистские самолёты над Ленинградом бороздили небо, а Ленинград безмятежно спал. Правда, спали не все.

В третьем часу ночи в кабинете секретаря горкома партии А. А. Кузнецова читали директиву, полученную штабом Ленинградского военного округа. Она предупреждала, что 22–23 июня, возможно, нападение немецких войск на СССР. Однако немецко-фашистские войска уже перешли нашу границу и бомбили Киев, Минск, Севастополь, Мурманск. А утром по репродуктору было передано сообщение Правительства о нападении Германии на Советский Союз. После этого жизнь города резко изменилась. Около призывных пунктов выстроилась толпа добровольцев. Цеха начали работать по-военному, стараясь сократить время выплавки металлов, так нужных сейчас городу; врачи, медсёстры, забыв о выходном (22 июня 1941 года было воскресенье), пришли на работу, а вместе с ними и доноры крови; в райкомы Общества Красного Креста начали приходить сандружинницы. Война внесла свои изменения и в жизнь Галины. Теперь нет отличий между ней и её друзьями, все живут в равных тяжёлых и невыносимых условиях. Сидеть сложа руки девушка не могла. На третий день войны, 24 июня, уехала с первой Комсомольской партией города на оборонные работы. Через некоторое время Галина уходит добровольно дружинницей на санитарные машины. Через 2 месяца Галина возвращается в институт, но вскоре уходит на специальные комсомольские курсы медсестёр. В архиве нашего музея сохранилось временное удостоверение Галины, выданное взамен военного билета, по нему она получила квалификацию «медицинская сестра». Удостоверение было выдано 11 ноября 1941 года. После окончания медицинских курсов была мобилизована и отправлена в распоряжение Ленинградского фронта. Галина была очень скромной девушкой и не стала подробно рассказывать в биографии, написанной при поступлении в ЛГУ, о своей службе во время войны, поэтому многие подробности ее жизни остаются неизвестными. На печати удостоверения о прохождении по Ленинграду стоит подпись начальника эвакогоспиталя, и нам стало понятно, что Галина служила в эвакуационном госпитале № 88. В архиве нашего музея сохранился отзыв о работе Галины (скорее всего начальника

госпиталя): «Товарищ Генрихова Галина Ивановна, работавшая младшей медсестрой III-го отделения, показала себя, как лучшая медсестра, проявляющая заботу к больным и раненым бойцам и командирам Красной Армии. Товарищ Генрихова Г. Н. сумела мобилизовать всю молодежь на выполнение задач, поставленных командованием и партийной организацией». 3 февраля 1942 года Галина получила благодарность от лица службы РККА. Позже, была награждена за свою самоотверженную работу в госпитале медалью «За оборону Ленинграда», учреждённую 22 декабря 1942 года.

2 марта 1942 года Галина была направлена по поручению в Дзержинский районный военный комиссариат. Выполнить поручение она должна была до истечения срока действия специального удостоверения, выданного для прохождения по Ленинграду в данное время. Срок его действия: с 8 до 15 часов дня. Мы знаем, что в тот день в 9 часов утра начался сильный артобстрел города, длившийся около часа (до 10 часов утра). Погода тоже не радовала: было очень пасмурно, ветрено, с утра шёл довольно обильный снег, временами поднимались вьюга и метель. Температура утром – 3°, днём – 1–2°, падал мягкий снег. Галина вместе с другими медсестрами принимала участие в заготовке дров на Синявинских болотах. Там она простудилась, и началось воспаление лёгких. К счастью, все обошлось, и в мае 1942 года Галине было предложено выехать в тыл, в г. Самарканд (Узбекистан). Скорее всего, что эвакуировалась она вместе со своей семьёй. Узбекистан был глубоким тылом, но это не помешало республике встать на защиту Советского Союза. Те, кто не ушел на фронт, «ковали Победу» в тылу: трудились в цехах промышленных предприятий, на полях колхозов и совхозов, в организациях и учреждениях. В Самарканде Галина тоже не собиралась бездействовать. Она устроилась на работу в госпиталь, стала инструктором горкома и организатором агитбригады. Из отзыва о её работе: «... Товарищ Генрихова является инициативным работником, хорошо справляющимся с ответственными поручениями». Девушку несколько раз вызывали обратно в Ленинград, в Юридический университет, но

уехать из Самарканда у неё не было никакой возможности. В это же время у её отца начинаются серьёзные проблемы со здоровьем. Чтобы в любой момент оказать ему медицинскую помощь она начала заниматься в Медицинском институте. Её обучение в этом вузе длилось всего полгода, а потом появилась возможность выехать обратно в Ленинград.

В январе 1944 года Галина вернулась в Ленинград. Первые полгода после возвращения она продолжила обучение в Медицинском институте. Потом у неё появилась возможность обучения прежней специальности, и она решила вернуться в Юридический институт. Но появляется проблема: весь коллектив ЛЮИ находился ещё в эвакуации. Зато в ЛГУ, в здании Двенадцати коллегий, был вновь открыт Юридический факультет. Его возглавил профессор А. В. Венедиктов. Впрочем, всё это время и ЛЮИ и ЛГУ действовали как единый университет: записи в зачётных книжках дублировались, а преподаватели совмещали работу в обоих заведениях. Осенью 1944 Галина поступает в ЛГУ. С 13 сентября 1944 года начинает обучаться на II курсе. В её университетском деле лежат два приказа: 1) об освобождении Генриховой Галины – студентки II курса – от военной подготовки (от 26 апреля 1945 года), 2) об освобождении Генриховой Галины Ивановны от оплаты за обучение, как инвалида Отечественной войны (от 5 декабря 1944 года). Видимо, война оставила тяжёлый след на здоровье Галины. В это же время её направляют на работу в газету «Смена». В архиве нашего музея, к сожалению, сохранилась только одна газета от 6 февраля 1944 года. На ней красным карандашом подчёркнуто две статьи, и Галиной рукой написано (скорее всего, маме): «Моя дорогая, прочитав две эти статьи, ты поймёшь, что мне доверяют в родном Ленинграде. Это моё начало работы, ты увидишь много интересного материала. А, пожалуй, такой дочкой можно гордиться. Галя». (Видимо, её родители остались в эвакуации). В этой газете можно прочитать две заметки Галины. Первая носит название «Отдадим все силы фронту», где она описывает работу цехов ленинградских заводов, молодёжь которых перевыполнила план работы на 200%–250%. Вторая заметка

посвящена отчётно-выборному комсомольскому собранию, где был выбран новый состав Комитета комсомола Невского завода. В 1945 году её стихотворения начинают печатать в университетской газете «Ленинградский университет». Всего, в библиотеке СПбГУ, мы нашли 5 выпусков этой газеты с её стихотворениями: от 11 мая 1945 года – стихотворение «Сердце ликует», от 17 мая 1945 года – «Возвращение», от 1 июня 1945 года – «Победный тост», от 5 октября 1945 года – «Комсомольско-молодёжная песня», от 21 октября 1945 года – «Это молодость наша».

В 1945–1946 годах здоровье Галины ухудшается. Зимой, во время сессии, она сдаёт лишь 3 экзамена. Видимо, она серьёзно заболела и перестала временно посещать Университет. В марте она сдаёт ещё один экзамен, но болезнь не отпускает её, она снова перестаёт посещать Университет. Несмотря на это, в апреле студентка находит в себе силы и приходит на встречу выпускников в родную школу, где читает свои стихи. 26 апреля 1945 года выходит приказ о предоставлении Галине отпуска с 18 мая по 18 июля 1946 года для лечения в санатории. Галина в своём заявлении просит перенести сессию на осень и оставить на стипендии. Она надеется, что всё сдаст. К сожалению, её планам не суждено было сбыться. У неё давно уже был обнаружен туберкулёз лёгких. Болезнь Галины прогрессировала, и, с каждым днём, ей становилось всё хуже и хуже. 13 августа 1946 года Галина, к сожалению, умерла.

История девушки очень трагична. Прожив всего 24 года, она много пережила. Наверное, сама Галина совсем не считала, что в ее биографии есть что-то выдающееся. Но все мы считаем, Галина Генрихова заслужила вечную Память. Такие короткие и яркие жизни прожили тысячи девушек тех трудных лет. Они достойны глубокого уважения. Вечная им Слава!

Использованная литература и источники:

1. Буров А.В. Блокада день за днём. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб. : Геликон Плюс, 2011. – 687 с.

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

1. Вне Университета. Война (1930–1944) // Санкт-Петербургский государственный университет Юридический факультет. – URL: http://law.spbu.ru/AboutFaculty/History/1930_1944.aspx (дата обращения: 09.11.2012).
2. Воеводская А. И. Четыре года жизни, четыре года молодости. – СПб.: Эклектика, 2005. – 374 с.
3. Горшков Н. П. Силою света в полсвечи : блокад. дневник, найден. через 50 лет. в секрет. архивах КГБ. – СПб. : БЕЛЛ, 1993. – 192 с.
4. Ильина Е. Четвёртая высота. – М. : Аст, 2009. – 319 с.
5. Традиции и история // Официальный сайт 138 школы г. Санкт-Петербурга. – URL: <http://school-138.ru/traditions> (дата обращения: 08.11.2012).
6. Ленинградский университет. – 1945. – 17 мая (№ 18), 1 июня (№ 20), 5 окт. (№ 37), 21 окт. (№ 39).
7. Материалы из фондов музея «История детского движения Красногвардейского района»:
8. Зачётная книжка Ленинградского государственного университета 1941–1946 года.
9. Копия комсомольского билета Г. Генриховой в альбоме 1976 года «Музей истории Выборгской стороны ДПШ Калининского района».
10. Рукописная биография Г. Генриховой.
11. Фотография Г. Генриховой от 12 июля 1939 г.
12. Удостоверение об окончании курсов медсестёр от 11 ноября 1941 года.
13. Временное удостоверение от 2 марта 1942 г.
14. Смена. – 1944. – 6 февр. (№ 26).
15. Ленинградский университет. – 1945. – 11 мая (№ 17).
16. Материалы дела Галины Генриховой из архива Санкт-Петербургского государственного университета:
17. Автобиография, написанная Г. Генриховой при поступлении в ЛГУ от 24 августа 1944 г.
18. Заявление Г. Генриховой в приёмную комиссию ЛГУ от 24 августа 1944 г.
19. Заявление Генриховой о предоставлении ей отпуска для поездки в санаторий от 24 апреля 1946 г.
20. Зачётная книжка Ленинградского Юридического университета 1941–1946 годов.
21. Приказ о зачислении Г. Генриховой в ЛГУ от 21 сентября 1944 года.
22. Приказ об исключении из ЛГУ Галины Генриховой (посмертно) от 15 августа 1946 года.
23. Приказ об освобождении Генриховой Галины от военной подготовки от 26 апреля 1945 года.

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

24. Приказ об освобождении Генриховой Галины от оплаты за обучение, как инвалида отечественной войны от 5 декабря 1944 г.
25. Справка о болезни Генриховой от апреля 1946 г.
26. Титульный лист дела № 511 1944–1946 гг.
27. Учебная карточка студента 1944–1946 гг.
28. Ходатайство профкома Юридического университета о продлении срока сдачи документов для получения стипендии для Генриховой от 12 апреля 1946.

Соколова Александра

9 класс, 560 школа,
Выборгский район

Из истории Выборгского Дворца культуры

Выборгский Дворец культуры невозможно не заметить: на улице Комиссара Смирнова он занимает центральное место, и каждый день к нему устремляются сотни петербуржцев. Это одна из лучших концертных и театральных площадок нашего города. Ежегодно здесь проходят не только мероприятия, устраиваемые городскими властями, но и гастроли ведущих театров страны, в том числе московских коллективов.

Для учащихся стоящей неподалеку школы № 560 Выборгский ДК – это еще и традиционное место проведения школьных праздников, а также центр дополнительного образования. С момента своего создания Выборгский Дворец культуры работал под разными названиями:

В 1927 г. – Выборгский дом культуры ленинградского губернского совета профессиональных союзов.

В 1928–1936 гг. – Выборгский дом культуры ленинградского областного совета профессиональных союзов.

В 1937–1939 гг. – Выборгский дом культуры ЦК профсоюза рабочих Военно-металлической промышленности СССР.

С 1939 года до окончания Великой Отечественной войны – Выборгский дом культуры ЦК профсоюза рабочих промышленности Вооружения СССР.

В любом случае под кратким названием ВДК подразумевался главный центр культурной жизни Выборгского района.

Открытие Дома культуры на Выборгской стороне состоялось в 1927 году, в день десятой годовщины Октябрьской революции. Здание было построено по проекту четырёх архитекторов: Г.А. Симонова, А.И. Гегелло, Д.Л. Кричевского, М.И. Китнера. Выборгский ДК был

построен руками рабочих Выборгского района и приехавших из области крестьян.

С самого начала своего существования ВДК стал главным культурным центром для большого района Выборгской стороны. Основным предназначением нового центра культуры в Ленинграде было формирование нового мировоззрения, отвечавшего интересам Советского государства. Поэтому среди направлений и форм работы, проводившихся в ВДК, были и расширяющие общий кругозор, и мероприятия пропагандистского, идеологического характера.

В 1930-е годы в ВДК находились тематические кабинеты, лекционные залы, «тихие комнаты», радиобаза, шахматно-шашечный клуб, антирелигиозный университет, райсоветы Общества пролетарского туризма и экскурсий, детские комнаты.

В ДК часто проходили различные праздничные мероприятия. Например, в 1935 году здесь проходили секции XV Всемирного конгресса физиологов с участием академика И. П. Павлова. Из сохранившихся довоенных документов можно узнать о праздничном вечере в честь открытия 1-й сессии Верховного совета СССР 1938 года и концерте 10 марта 1941 года в честь Международного Коммунистического Женского Дня, на котором выступал пионерский ансамбль песни и пляски Ленинградского Дворца Пионеров под руководством И. О. Дунаевского.

На третьем этаже ВДК был расположен Детский Клуб. Ежедневно около четырехсот мальчиков и девочек заполняли залы, игровые комнаты и мастерские Детского Клуба, работа которого была направлена на воспитание чувства любви к Родине, воли, высоких моральных качеств, трудовых навыков, расширении культурного кругозора. Так Выборгский ДК помогал «создавать» «нового человека» - советского гражданина.

Война застала Выборгский Дом Культуры в период широко развернутой культурно-политической работы. Лозунг «Всё для фронта, всё для Победы!» стал основой работы Дома Культуры в целом, каждого его участка, каждого работника. Многие из коллектива работников Дома

Культуры сразу же ушли в ряды Красной Армии. События на фронте, в частности, приближение врага к Ленинграду, максимально мобилизовали мысли, чувства и действия на оборону родного города и даже своего объекта. В саду ДК были вырыты траншеи, водоемы. Работники ДК поочередно направлялись на укрепление оборонительных рубежей на подступах к Ленинграду.

Важное значение во время войны имели агитационно-пропагандистская и массовая работа. Уже в период с 23 июня по 7 июля 1941 года сотрудниками ВДК были организованы и проведены: 12 бесед, докладов, лекций о великих русских полководцах и героических подвигах Красной Армии; 3 экскурсии в военно-исторические музеи; 46 концертов бригад художественной самодеятельности и джаз-оркестра на мобилизационных пунктах; 9 шефских концертов профессиональных артистов.

Большую работу проводили сотрудники библиотеки ДК. Ими были оформлены выставки литературы по военной тематике, уличные щиты с газетными вырезками «Последних известий», постоянно пополнялись литературой и печатными изданиями «передвижки», работавшие на мобилизационных пунктах и в частях Красной армии. Работа с населением также продолжалась. По словам одной из сотрудниц, Людмилы Васильевны Барабохиной, библиотека всегда была под присмотром. Каждый блокадный день в библиотеку приходила её тогдашний заведующий – Евгения Стратановская и постоянный читатель библиотеки Иван Ярьско.

В условиях блокады ВДК стал центром специальной подготовки ленинградцев. По отчету директора Дома культуры А. Шахматова, к январю 1943 г. во вверенном ему учреждении около 60 000 человек прослушали лекции специалистов «Как тушить зажигательные бомбы» (практические занятия по тушению настоящих «зажигалок» проходили в саду ДК). 18 000 человек прослушали лекции по оказанию первой помощи при ранениях и ожогах. Курсовая сеть Дома Культуры развернула занятия медсестёр и санитарных дружинниц и выпускала их по 350 человек.

Большая работа была проведена ДК по шефской работе с Выборгской ополченской дивизией и лётными боевыми частями. До 40 000 подарков с письмами трудящихся района, предприятий и заводов промышленного вооружения было отвезено на фронт и аэродром.

В здании самого ДК начали размещать для формирования воинские части. Группа самозащиты ДК погасила на своём объекте до 80 зажигательных бомб и ликвидировала последствия попадания двух фугасных бомб.

Так работал ДК до ноября месяца 1941 г. В ноябре в здании разместился военный госпиталь. Коллектив работников ДК сократился до 9 человек. Работала только библиотека с передвижниками по военным частям, на месте обслуживали в госпитале раненных и больных. В декабре в ДК перестали работать водопровод, паровое отопление, погас свет. Однако маленький коллектив принимал все меры по сохранению здания и имущества.

10 октября 1942 года с помощью руководящих организаций, после годового перерыва, после ряда организационных мероприятий и ремонтно-восстановительных работ, ДК был вновь открыт для трудящихся Выборгского и Красногвардейского районов. Тепло, светло и уютно было в ДК в день его второго рождения. С большим чувством удовлетворения, гордости и радости пришли в этот день трудящиеся Выборгского и Красногвардейского районов в свой Дом культуры. Повседневная большая работа ДК в условиях Великой Отечественной войны продолжалась.

Работала хорошо укомплектованная книгами библиотека и читальня. Ежедневно работал кинотеатр, 2–3 раза в неделю показывались спектакли в Большом театральном зале. Систематически в Лекционном зале проводились лекции: о международном положении, о защите Сталинграда, о Советском Кавказе, вечера поэтов и писателей. Приходили сюда трудящиеся и просто отдохнуть, чтобы на следующий день с новыми силами ковать оружие для победы над ненавистным врагом.

Можно привести много ярких примеров активного участия жителей города в работе ДК. Так, например,

31 октября для выбора юношеской секции В ДК собралось 2 000 молодых людей. Хорошо были организованы и проведены вечера женского начсостава, вечера встреч с Героями Советского Союза, вечера отличников боевой и политической подготовки бойцов МПВО, вечера итогов по подготовке жилищ к зиме по Выборгскому и Красногвардейскому районам. Много проведено вечеров отдыха для отдельных заводов, в частности завода им. Сталина, завода № 7. С 10 октября по 1 ноября 1942 года ДК посетили 48 000 человек, а в декабре учреждение обслужило 64 000 человек.

Нельзя пройти мимо того факта, что именно в Выборгском ДК начала свою трудовую деятельность великая русская оперная певица Галина Павловна Вишневецкая. Вот как она сама об этом вспоминала в автобиографической книге «Галина»: «Взяли меня в Выборгский дом культуры помощником осветителя сцены. В те времена на авансцене театров находилась осветительская будка, в ней – реостат с рычагами, дающими свет. Там, под сценой, я и сидела – давала свет в зал и на сцену. Нужно было только знать, как включать и выключать верхние софиты, прожектора справа и слева – в общем, работа не трудная, только вечерами, и – рабочая карточка. Днем я свободна и могу учиться, а вечером сижу в своей будке, смотрю драматические спектакли, концерты. Чаще всего выступали у нас тогда артисты Большого драматического театра им. Горького, что находится на Фонтанке. Были в нем тогда великолепные актеры – я впервые увидела искусство такого класса. И очень увлеклась драмой. Память у меня была всегда блестящая – с двух-трех раз я запоминала тексты пьес целиком, – и, если артисты забывали, я им подсказывала».

Известно, что в блокадном Ленинграде взрослые делали всё возможное, чтобы не только спасти детей от гибели, но и как-то скрасить их суровую военную жизнь. Одним из самых ярких воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду, остались новогодние «ёлки». Трудно представить, каких усилий стоило провести хотя бы один такой праздник на тему «Дед Мороз и русская зима помогают Красной Армии уничтожать фашистов», где «пришедшие дети смотрели детскую

художественную самодеятельность, ... затем персонажи из сценария вовлекали проходящих ребят принимать участие в самодеятельности вперемежку с играми и затейничеством. Затем ребят организованно, под музыку, вели в кинозал, где показывали им специальную эстрадную программу силами профессиональных артистов и, иногда, кино. По окончании всего этого ребята организованно подходили к специальному киоску, где из рук «снежинок» и «Деда Мороза», по билету, получали подарки ... Для школьников средних и старших классов ... были организованы новогодние балы». А ведь это было в первые январские дни 1943 года! До прорыва блокады Ленинграда оставалось еще две-три недели, а до полного освобождения – больше года!

В учреждении культуры в военный период проводилась также и спортивная работа. Например, по воспоминаниям М. П. Бутусова, с осени 1943 года в Выборгском ДК тренировались баскетболисты-динамовцы. Здесь же состоялся товарищеский матч «Динамо» с командой Эстонского корпуса, в составе которой были будущий судья Всесоюзной категории Ярослав Дудкин и Иван Лысов – будущий капитан олимпийской сборной СССР, ставшей в 1952 году серебряным призером XV Олимпийских игр.

Уже через несколько месяцев после освобождения Ленинграда от вражеской блокады Выборгский ДК восстановил основные направления традиционной деятельности. Из ленинградских газет известно, например, о гастролях в июне 1944 года Московского драматического театра с пьесами «Генерал Брусилов» и «Кинороман», Московского театра сатиры с комедиями «Чрезвычайный закон» братьев Тур и Л. Шейнина и «Нечистая сила» А. Толстого, также о концертах народной артистки Узбекской ССР, лауреата Сталинской премии, Тамары Ханум.

Особые чувства вызывают документы, рассказывающие о том, как коллектив ВДК восстанавливал изменённые войной помещения и территорию вокруг Дома культуры. Понятно желание ленинградцев как можно быстрее привести в нормальное состояние жилые помещения, наладить быт. Но втройне достойно восхищения стремление

возродить былую красоту города. В этой работе принимали участие и стар, и мал. В школьном музее хранится копия благодарности, выданная в мае 1944 года Дирекцией, Парткомом и Местным Комитетом Выборгского Дома Культуры педагогам и ученикам 1–3-х классов школы № 94 (под этим номером в то время работало наше образовательное учреждение) за оказание помощи в восстановлении сада при ДК.

Таким образом, даже в период ленинградской блокады В ДК продолжал выполнять свое главное предназначение и оставался Центром культуры и просвещения, что в сложнейших условиях военного времени может быть приравнено к подвигу.

Использованная литература и источники:

1. Благодарность директору 94 школы // Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 297. Оп. 10. Д. 79. Л. 5.
2. Отзыв о выступлении пионерского ансамбля песни и пляски Ленинградского Дворца Пионеров под художественным руководством композитора И.О. Дунаевского // ЦГАЛИ. Ф. 297. Оп. 10. Д. 44. Л. 2.
3. Отчет директора ВДК Чмутина в Центральный комитет Союза рабочих промышленности вооруженных сил СССР // ЦГАЛИ. Ф. 297. Оп. 10. Д. 41. Л. 3.
4. Отчет о проведении новогодних елок и вечеров в период школьных каникул 1–10 января 1943 г. // ЦГАЛИ. Ф. 297. Оп. 10. Д. 71. Л. 3.
5. Статья директора ВДК «ВДК в дни Великой Отечественной войны» // ЦГАЛИ. Ф. 297. Оп. 10. Д. 44. Л. 66.
6. Аннуда С. М. Библиотека и читатель. – М.: Профиздат, 1968. – 96 с.
7. Вишневская Г.П. Галина : история жизни. – М. : Вагриус, 2007. – 571 с.
8. Гастроли московских театров // Ленингр. правда. – 1944. – 23 июня; То же [Электронный ресурс] // Старые газеты : [сайт]. – URL: <http://oldgazette.ru/lenpravda/23061944/index1.html> (дата обращения: 20.01.2013).
9. Григорьян Н.А. XV Международный физиологический конгресс и традиции гуманизма и антимилитаризма советской науки. 1986-7-9. – URL: <http://ras.ru/FStorage/download.aspx> (дата обращения: 27.11.2012).

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

10. Помпеев Ю. А. От начала революции десятый // В пятницу после семи : сборник произведений участников лит. объединения «Выборгская сторона». – Л., 1967.
11. Попов Г. Баскетбол в блокадном Ленинграде [Электронный ресурс] // Невский спорт : [портал]. – URL: <http://zenit.nevasport.ru/articles.php?id=3932> (дата обращения: 17.01.2013).
12. Стратановская Е. А. Библиотека Выборгского Дома Культуры. – М. : Профиздат, 1955. – 96 с.
13. Чмутин Н. В. Выборгский Дом Культуры. – М. : Профиздат, 1950. – 148 с.

ИЗВЕСТНЫЕ ПЕТЕРБУРЖЦЫ

Менгель Виктория

9 класс, 233 школа,

ДДЮТ «На Ленской»,

Красногвардейский район

Петербург в жизни и деятельности П. И. Пестеля

Павел Иванович Пестель принадлежал к старинному немецкому роду Пестелей, выехавшему из Саксонии в Россию в XVIII веке. Павел Пестель родился 24 июня 1793 года в Москве в доме на Земляном валу в семье И. Б. Пестеля, московского почт-директора. Наряду со старшим сыном Павлом, фамилию Пестель носили еще три брата Борис, Владимир и Александр и сестра Софья.

В 1803 году Пестель вместе со своим братом Владимиром уехал в немецкий город Дрезден к своей бабушке по линии матери. В 1809 году братья Пестели вернулись в Россию для поступления в Пажеский корпус в Санкт-Петербурге, куда в недавнем времени переехала семья, и отец — И. Б. Пестель возглавил петербургское почтовое ведомство. Первым адресом П. И. Пестеля в Петербурге стал дом Голашевой на наб. реки Фонтанки, д. 24.

Пажеский корпус являлся элитным учебным заведением России. Как военно-учебное заведение корпус существовал с 1802 года. В 1810 году, в год поступления Пестеля, Пажеский корпус был переведен в Воронцовский дворец, сегодня это Садовая улица, дом № 26, это еще один адрес, связанный с пребыванием Пестеля в Петербурге.

В 1810 году Пестель с успехом выдержал вступительные экзамены, поступив сразу в верхний четвертый класс (в каждом классе срок обучения был двухгодичный) и был зачислен сверхкомплектным пажом в Пажеский корпус, в котором обучались представители самых знатных фамилий. Жизнь в Пажеском корпусе следовала установленному

порядку. Вставали в семь часов утра, с восьми до одиннадцати были уроки. После, в течение часа, была гимнастика, «фрунт» или танцы. В полдень – обед, потом свободное время. С двух до четырех дня вновь были уроки. Потом следовал отдых, и в пять часов – полдник. В шесть вечера юноши ужинали, до девяти часов вечера – свободное время, и в половине десятого – сон. Мальчики изучали иностранные языки, физику, географию, геометрию, алгебру, историю и право. Также фортификацию и геральдику, философию и мораль, генеалогию и юриспруденцию, государственный церемониал и каллиграфию, верховую езду, танцы и фехтование. Будущие пажи участвовали в торжественных выходах высочайших особ, в царских охотах и выездах. Среди учителей были профессора университетов и высших военно-учебных заведений Петербурга, такие, как В. Б. Броневский, А. Е. Измайлов, И. Ф. Ортенберг, Ф. И. Шебеко и, особенно, К. Ф. Герман, читающий лекции по политической экономии.

При выпуске в 1811 году Пестель набрал 1303 балла из 1360 возможных. Благодаря усердию и трудолюбию император приказал выбить его имя на специально установленной мраморной доске (в 1826 году, после казни декабриста, эта доска была уничтожена). Период обучения Пестеля в Пажеском корпусе можно назвать одним из самых важных. Оказавшись в Петербурге, после нескольких лет пребывания в Дрездене, обладая уже достаточно широким кругозором, он поступил в элитное учебное заведение, где с жадностью продолжил образование. Вольнолюбивые взгляды, интерес к политике формировались постепенно, и что совершенно ясно, не были следствием семейного воспитания, о чем говорит одно из писем его отца: «Продолжайте, мой добрый Друг, прилежно учиться, быть добронравным и послушным. Это самое верное средство заслужить одобрение ваших родителей и учителей. Просите Бога, чтобы он благословил ваши старания и ниспослал вам способности, необходимые, чтобы стать однажды человеком, полезным для ваших близких и для службы отечеству».

Большое влияние оказали на Пестеля лекции по политической экономии академика и профессора Пажеского корпуса К. Ф. Германа, придерживавшегося конституционных взглядов. Зимой 1816–1817 года Пестель вновь слушал курс политической экономии на квартире академика Германа на Васильевском острове (точное место пока установить не удалось). В годы учебы в Пажеском корпусе Пестель познакомился с книгой А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», которая «ходила» по городу в списках. Но окончательно республиканские взгляды сформировались у П. И. Пестеля уже после окончания корпуса, а также во время военных походов.

В Петербурге 14 декабря 1811 года Пестель начал свою службу прапорщиком в лейб-гвардии Литовском полку, где был позднее командиром стрелкового взвода 2-й гренадерской роты, вместе с которой прошел всю войну 1812 года. Литовский полк был создан в 1811 году из двух батальонов Преображенского полка. Дислоцировался в Петербурге, казармы Литовского (с 1817 года Московского) полка располагались по адресам: Загородный пр., 46, Звенигородская ул., 1. В марте 1812 года полк выступил в Виленскую губернию. Покинув Петербург 7 марта 1812 года в составе Литовского полка, Пестель вновь оказался здесь в декабре того же года после тяжелого ранения, полученного им в Бородинском сражении 26 августа (7 сентября) 1812 года. За проявленный героизм он был награжден золотой шпагой «За храбрость», которую ему вручил лично М. И. Кутузов. В этот свой приезд в Петербург, Павел пробыл здесь немногим более пяти месяцев. С 1810 года семья жила в трактире Демута (дом Тиране у Зимнего моста), по адресу набережная реки Мойки, дом 40.

Дом не сохранился до наших дней в том виде, который видел Пестель, он был перестроен.

Рана Пестеля оказалась очень серьезной, из-за нее он пролежал в госпитале почти 8 месяцев. Кстати, офицер был ранен в левую ногу, рана долго не заживала. Лучше ему стало только в апреле 1813 года, и 7 мая, с еще не зажившей

раной, он отправился за границу, чтобы продолжить свою службу в Литовском полку.

В августе 1814 году после победного завершения войны с Наполеоном, Павел Пестель был переведен в Кавалергардский полк, дислоцировавшийся в Петербурге (Шпалерная ул., д. 53), оставаясь адъютантом Витгенштейна. В это время, примерно на месяц, Пестель вновь приезжает в Петербург, чтобы повидать своих родителей, братьев и сестру. К этому времени родители переехали в дом Мижуева, по адресу: набережная Фонтанки, дом 26. Здесь они жили с 1813 по 1821 годы.

В Россию Пестель возвратился после пребывания в Европе, обогащенный новыми мыслями и впечатлениями. Этот его приезд в Петербург был коротким. В сентябре 1814 года Пестель вновь покинул Петербург, уезжая в Митаву, где находилась 1-я армия, которой командовал Витгенштейн. Этот короткий приезд в Петербург являлся попыткой введения Павла Пестеля в петербургское светское общество, но сам он не очень стремился к этому.

В конце 1811 года в Петербурге П.И. Пестель вступил в масонскую организацию «Соединенные друзья» («Lesamiesreunis»), созданную 10 июня 1802 года. Лидером этой ложи являлся русско-французский масон Александр Жеребцов. К сожалению, информация о конкретном месте встреч членов ложи достоверно неизвестна. П.И. Пестель входил в эту ложу уже после смерти ее основателя Александра Жеребцова. Членами ложи были П.Я. Чаадаев, А.С. Грибоедов, с 1810 года членом ложи «Соединенных друзей» был А.С. Пушкин. В 1816–1817 годах Пестель был членом ложи «Трех добродетелей», учрежденной в 1815 году князем С.Г. Волконским. Данный период сыграл достаточно большую роль в духовном развитии Павла Ивановича Пестеля. Возможно, идеология масонства вошла в основу и его дальнейшей декабристской деятельности. Много позже, в своих показаниях в 1826 году, Пестель указывал, что перестал быть масоном в 1817 году.

Вновь П.И. Пестель возвратился в Петербург в 1816 году через два года, после последнего своего посещения и

пробыл здесь с перерывами в общей сложности около года. По службе он числился по Кавалергардскому полку (Шпалерная ул., д. 41).

Приехав в Петербург, офицер появлялся на собраниях масонской ложи «Избранного Михаила», названной так в честь царя из дома Романовых – Михаила Федоровича. Павел и его собратья, посещавшие эту ложу, хотели тем самым показать свое негативное отношение к современному Правительству. Молодые люди ставили в противовес Александру I Михаила Федоровича, такого «разумного» и «доброжелательного» монарха, «избранника народа». В эту ложу входили А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, Ф. Глинка, Н. Греч, М. Загоскин, братья Брюлловы. Здесь Пестель познакомился с М. Н. Новиковым, который привел его в первое тайное общество «Союз спасения», по уставу «Общество истинных и верных сынов Отечества».

«Союз спасения» был образован 9 февраля 1816 года А. Н. Муравьевым. В состав тайного общества, созданного в Петербурге, входили Александр Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Никита Муравьев, Иван Якушкин, Сергей Трубецкой, Михаил Лунин, Павел Пестель, активно участвующий в составлении «Устава» и обсуждении его положений. Первое собрание общества состоялось на квартире С. и М. Муравьевых-Апостолов в Семеновском полку (Загородный пр., 46). Возможно, что Пестель бывал у Муравьевых-Апостолов после своего вступления в «Союз спасения». Определенно, что в свои приезды в Петербург, Пестель неоднократно бывал в доме Муравьевых на наб. Фонтанки, 25.

Пестель был принят в члены Общества в конце 1816 – начале 1817 года. Целью организации являлось введение в России представительного правления в форме конституционной монархии и уничтожение крепостного права. Тогда же Пестель принял в члены тайного общества своего младшего брата Владимира, служившего в Кавалергардском полку.

Как пишет автор статьи «Пестель Павел Иванович, полковник, командир Вятского пехотного полка, главный

деятель заговора декабристов» Павлов-Селиванский в Русском биографическом словаре, изданном в 1902 году, «устав этот, в подражание статутам некоторых масонских лож, был основан на клятвах, правилах слепого повиновения, и проповедовал насилие, употребление кинжала и яда... Для принятия в общество, опять в духе масонских лож, назначались торжественные обряды; члены давали клятву сохранять в тайне все, что им откроют, если оно будет и несогласно с их мнением. Первоначально, весьма короткое время, главною целью общества было освобождение крестьян. Но вместе с принятием устава, вероятно, под влиянием Пестеля, принято было целью общества введение конституционного правления».

Спустя почти десять лет, в 1826 году, в ходе следствия, находясь в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, Пестель показывал, что «в конце 1816 года или в начале 1817 я узнал о тайном обществе от г. Новикова, правителя канцелярии князя Репина и им был в оное принят. Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способом достижения сего – убедить дворянство сему содействовать и от всего сословия нижайше об оном просить Императора».

В конце 1817 года Пестель вновь вернулся в Петербург, но в это время большая часть членов общества находилась в Москве, где они вместе с московскими членами организации преобразовали Союз спасения в Союз Благоденствия, выработав новый устав, так называемую «Зеленую книгу». Находившиеся в Петербурге члены общества, в том числе Пестель, изъявили согласие на преобразование общества и приняли новый устав. В этот свой приезд в Петербург Пестель жил у своих родителей на Фонтанке, 26.

В начале 1818 года Пестель надолго покидает Петербург, направившись в Митаву, в распоряжение генерала Витгенштейна.

В 1819 году Павел Пестель вновь по делам службы оказался в Петербурге, пробыв в городе несколько месяцев. Родители Пестеля вплоть до 1821 года жили в Петербурге, в

доме Мижуева на Фонтанке, а после отставки И. Б. Пестеля переехали в Смоленскую губернию.

В январе 1820 года в квартире полковника Ф. И. Глинки на Театральной площади, 26 было назначено собрание членов Коренной управы «Союза благоденствия»: так называлось собрание всех наличных в Петербурге членов союза, которые присутствовали при его создании. Согласно показаниям Пестеля, данным им весной 1826 года в ходе следствия, он выступал на этом собрании, излагая доводы в пользу как монархического, так и республиканского правлений, убедив присутствующих в пользу последнего. В августе того же года Пестель подготовил проект российской конституции.

Однако среди членов общества возникли разногласия, и в январе 1821 года на московском съезде «Союз благоденствия» был распущен. В 1821 году Пестель создает новое общество – Южное, целью которого была республика. В 1822 году в Петербурге было создано Северное общество, которое ратовало за установление конституционной монархии. В последующие месяцы руководители обоих обществ пытались выработать общие положения конституции. Впоследствии, неоднократно вставал вопрос о слиянии Южного и Северного обществ. В феврале 1824 года П. И. Пестель отправляется в Петербург на собрание Северного общества, с руководителями которого появились большие разногласия. Павлов-Сильванский в статье о Пестеле в Русском биографическом словаре, изданном в 1902 году, пишет о напряженных отношениях между Пестелем и членами Северного общества, о предостережениях, которые высказывал Никита Муравьев о том, что Пестель «человек опасный и себялюбивый». Сразу по прибытии в Петербург, в начале 1824 года, Пестель посетил члена Северного общества князя Трубецкого и имел с ним продолжительную беседу. Встреча состоялась в доме Трубецкого на Галерной, 3. Вскоре на собрании Северного общества, которое происходило в доме Рылеева (дом Российско-Американской компании, Мойка, 72), Пестель представил «Русскую правду», программный

документ Южного общества. Об этом писал, характеризуя деятельность Северного общества, Александр Бестужев: «Признаться, наш разговор состоял преимущественно в болтовне, существенно мы ничего не сделали, да и не делали. Зато на юге дело шло серьезнее. Там ужаснейший честолюбец Пестель написал даже русскую правду, или устройство правления... Себя считал он вторым Наполеоном, был уверен, что непременно будет сперва президентом временного правительства, а потом и государем».

«Русская правда» Пестеля устанавливала республиканское правление и предусматривала физическое уничтожение всей царской семьи. Цареубийство в планах Пестеля было только началом репрессий. «Он [Пестель], искореняя самодержавие, мог залить кровью Петербург», – писал в своих воспоминаниях о суде над декабристами его председатель князь Петр Лопухин. На совещании в доме Рыльева Пестель выдвинул и идею объединения двух обществ.

Вскоре состоялась еще одна встреча с руководителями Северного общества, в которой участвовал Пестель. Произошла она на квартире Тургенева (наб. р. Фонтанки, 20) Снова поднимался вопрос о соединении двух обществ, против которого решительно выступил Н. Муравьев. Он стремился доказать, что нельзя соединить два общества, разделенные столь большим расстоянием и по-разному организованные: «в Северном – свобода мнений, в Южном – власть вождя». В дальнейшем было решено, что формальное объединение обществ произойдет в 1826 году, чего, как мы знаем, не случилось. Другие вопросы (например, о дальнейших действиях после выступления), в обсуждении которых принимал участие Пестель, решались опять же у Рыльева (Мойка, 72) и у князя Оболенского (Марсово поле, д. 3).

В очередной приезд в Петербург Пестель для распространения своих действий на Петербург при помощи членов Северного общества М. Муравьева-Апостола и Ф. Вадковского создал Петербургскую управу Южного общества в Кавалергардском полку (Шпалерная, 41), – секретную, скрытую от остальных «северян».

Следует признать, что пребывание Пестеля в Петербург весной 1824 года, и встречи с руководителями Северного общества, только усилили разногласия между ними. Таким образом, последнее посещение руководителем организации Петербурга, где он представлял программу Южного общества, закончилось неудачно. В апреле 1824 года Пестель уехал из столицы, пробыв здесь около двух месяцев.

В середине 1825 года последовало несколько доносов, и власти узнали о готовящемся перевороте. К этому времени Пестель несколько охладел к делам общества. Но впереди был еще целый год жизни, и ход событий было не предугадать, не остановить было невозможно.

19 ноября 1825 года в Таганроге внезапно умер Александр I, наследовать престол должен был цесаревич Константин, тайно отрекшийся от престола. Поскольку, все держалось в секрете, армия присягнула новому императору Константину Павловичу. 6 декабря 1825 года к присяге был приведён Вятский полк, которым командовал Пестель. Вечером того же дня Пестель получил записку от одного из главных деятелей Южного общества – Сергея Муравьева-Апостола о том, что в случае арестов он начнет выступление. 13 декабря 1825 года Пестеля арестовали и повезли в Петербург, а 14 декабря состоялось выступление на Сенатской площади, закончившееся разгромом восставших и арестами. Офицера поместили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

Семь месяцев длилось следствие. На первом же допросе 4 января 1826 года Пестелю стало ясно, что Тайный комитет знает всё, и он счёл дальнейшее заpiresательство бесполезным. Более того, он решил использовать своё присутствие на заседаниях Тайного комитета в интересах дела: открыто высказать представителям власти свою точку зрения на государственное устройство. Пестеля вызывали для очных ставок и допросов с января по апрель 1826 года.

1 июня вышел указ о назначении Верховного уголовного суда над декабристами. Верховный уголовный суд был составлен из членов Государственного совета, Синода, Сената и «особо назначенных высших военных и гражданских

чинов». В него вошли семьдесят два человека. 30 июня было проведено утреннее заседание Верховного уголовного суда. Там собрались только судьи, которые решили, что Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин, Петр Каховский должны быть преданы «к смертной казни четвертованием», впоследствии замененным повешением. Приговор был объявлен в ночь с 12 на 13 июля 1826 года в Комендантском доме Петропавловской крепости. Последние часы своей жизни приговоренные к смерти провели в казематах Кронверкской куртины Петропавловской крепости, после чего их проводили в полуразрушенное здание училища мореплавания, расположенное на кронверке Петропавловской крепости.

Казнь описывает в своей книге «Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы» Н. Эйдельман. Верховным уголовным судом было декабристов повесили в четыре, сняли в шесть, а после уничтожили следы казни и похоронили в ранее задуманном месте. Идя на казнь, Пестель воскликнул: «Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни от пули, ни от ядер. Можно было бы нас и расстрелять». Далее Эйдельман пишет: «Когда они собрались, приказано было снять с них верхнюю одежду, которую тут же сожгли на костре, и дали им длинные белые рубахи, привязали четырехугольные кожаные черные нагрудники, на которых белую краской написано было «преступник Сергей Муравьев», «преступник Кондрат Рылеев...». Как известно, трое из осужденных, – Пестель, Муравьев-Апостол, Рылеев – сорвались во время казни. Тогда их повесили второй раз. В шесть часов по плану всех сняли, после чего мертвые тела поместили на телегу.

Но хоронить их повезли только на следующую ночь, чтоб никто не узнал о месте захоронения. В 1975 году к 150-летию восстания декабристов над предполагаемым местом захоронения декабристов на острове Голодай, установили мемориальный обелиск. О чем думал П. И. Пестель в последние месяцы своей жизни, о чем размышлял? Об этом свидетельствуют материалы следствия, в которых Пестель писал, что «страстно любил мое отечество, я желал

его счастья с энтузиазмом, я искал этого счастья в замыслах, которые побудили меня нарушить мое призвание и ввергли меня в ту бездну, где нахожусь теперь».

В своём последнем перед казнью письме от 1 мая 1826 года из Петропавловской крепости к родителям звучат слова раскаяния и признания вины перед близкими людьми: «Я должен был раньше понимать, что необходимо полагаться на Провидение, а не пытаться принять участие в том, что не является прямой нашей обязанностью в положении, в которое Бог нас поставил, и не стремиться выйти из своего круга. Я чувствовал это уже в 1825 году, но было слишком поздно!»

Значение Петербурга в жизни и деятельности П. И. Пестеля велико. В Петербурге покоится прах Пестеля, здесь он остался навсегда.

Использованная литература и источники:

1. Брачев В.С. Мasons в России: от Петра I до наших дней [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер : [сайт]. – 2010–2013. – Из содерж.: Гл. 8 : Мasons и дворцовый переворот 11 марта 1801 года. Возрождение и расцвет масонства в первые годы царствования Александра I (1801–1810). – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/9.php (дата обращения: 22.02.2013).
2. Из писем и показаний декабристов : критика соврем. состояния России и пл. будущего устройства / под ред. А. К. Бороздина. – СПб.: М. В. Пирожков, 1906. – [2], IV, 196 с. – Из содерж.: X. Показания полковника Вятского полка, Павла Ивановича Пестеля ; То же [Электронный ресурс] // Виртуальная энциклопедия декабристов : [сайт] / Алла Самаль. – 1996–2003. – URL: <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?archive/pokaz6> (дата обращения: 07.03.2013).
3. Карташев Б. И. Пестель. – М.: Мол. гвардия, 1958. – 333 с. – (Жизнь замечательных людей).
4. Киянская О.И. Пестель. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 357 с. – (Жизнь замечательных людей).
5. Медведская Л.А. Павел Иванович Пестель. – М.: Просвещение, 1967. – 142 с. – (Историческая библиотека школьника).
6. Павлов-Сильванский В.П. Пестель Павел Иванович, полковник, командир Вятского пехотного полка, главный деятель заговора декабристов // Русский библиографический словарь ; То же [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. – 1997–2013. – URL:

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/100102/Пестель (дата обращения: 07.03.2013).

7. Пажеский Его Величества корпус [Электронный ресурс] // Русская императорская армия : [сайт]. – 2004–2013. – URL: <http://www.regiment.ru/reg/VI/C/1/1.htm> (дата обращения: 07.03.2013).
8. Черная книга имен, которым не место на карте России / [сост. С. В. Волков]. – М. : Посев, 2005. – 288 с.
9. Эдельман О. Старые письма моих родителей: переписка Пестелей [Электронный ресурс] // Perspectivia.net, Publikationsplattform für die Geisteswissenschaften : [сайт]. – 2012. – URL: http://perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/edelman_briefe?searchterm=%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%8B%D0%B5 (дата обращения: 07.03.2013).
10. Эйдельман Н. Я. Удивительное поколение: Декабристы: лица и судьбы. – СПб. : Изд-во Пушкинского фонда, 2001. – 347 с.

Соколова Ольга

10 класс, 177 гимназия,
Красногвардейский район,
Юношеский университет
Петербурга,
Санкт-Петербургский городской
Дворец творчества юных

**«Сын драматического столетия»
(Пушкиниана скульптора М. К. Аникушина)**

Имя Михаила Константиновича Аникушина всемирно известно. С ним связана целая эпоха в развитии современного изобразительного искусства. Произведения скульптора возвышаются на городских площадях, стадионах, в парках – не только России, но и других стран мира. Особенно много мастер работал для Петербурга, который любил, и с которым была тесно связана его жизнь. Какой бы работой Михаил Аникушин не занимался, одна мечта не покидала его, один образ властно владел всеми его помыслами – это образ великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Все двенадцать лет, начиная с 1937 года, были для Михаила Константиновича годами постоянного изучения и познания великого сына России. С самых юных детских лет поэзия Пушкина увлекла и покорила будущего скульптора. Годы учёбы в Ленинграде помогли Аникушину ещё лучше узнать, изучить, понять, ещё больше полюбить творчество гениального поэта. В декабре 1936 года Совет Народных Комиссаров СССР вынес постановление о сооружении памятника А. С. Пушкину в Ленинграде, тем самым желая увековечить в бронзе великого родоначальника русской литературы. Многие деятели культуры России – писатели, поэты, артисты, художники и архитекторы – приняли в этом деле самое активное участие. Безусловно, много дискуссий было о выборе места для памятника. Членами пушкинской юбилейной комиссии назывались в Ленинграде различные места, где предполагалось установить памятник

поэту. Одним из наиболее удачных мест считалась Стрелка Васильевского острова, на площади перед зданием бывшей фондовой биржи. Надежды многих поколений, мечтавших видеть в городе на Неве памятник Пушкину, теперь обрели реальность воплощения.

Следует вспомнить, что друзья и почитатели великого поэта неоднократно пытались увековечить его память, как в Петербурге, так и в Москве. Личность Пушкина, его непревзойдённые произведения во все времена волновали воображение художников, на протяжении многих десятилетий служили источником вдохновения для мастеров различных поколений. Его рисовали при жизни, к его образу обращались позднее многие художники. Хорошо известны прижизненные работы Е. И. Гейтмана, О. А. Кипренского, В. А. Тропинина, Г. Г. Чернецова, Г. А. Гиппиуса, И. Л. Линева, Т. Райта, а в более поздние годы – работы, созданные С. И. Гальбергом, И. П. Витали.

Пушкинская тема нашла отражение в произведениях таких известных художников и скульпторов, как И. Е. Репин, Н. Н. Ге, В. А. Серов, А. Н. Бенуа, М. М. Антокольский, П. П. Забелло, Р. Р. Бах, П. П. Трубецкой, Л. В. Шервуд, В. А. Андреев и многих других.

Москва стала первым городом, в котором 6 июня 1880 года был открыт памятник А. С. Пушкину работы известного скульптора А. М. Опекушина. Это открытие стало знаменательным культурным событием. На открытие памятника пришла вся литературная общественность Москвы того времени. У подножия монумента собрались виднейшие русские писатели, поэты и литературные критики – А. Н. Островский, И. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Майков, А. Ф. Писемский, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, И. С. Тургенев и другие. Известный общественный деятель, литератор, академик А. Ф. Кони позднее вспоминал, что открытие памятника А. С. Пушкину «было одним из незабвенных событий русской общественной жизни последней четверти прошлого столетия...».

Так начиналась пушкиниана – гордость русского искусства.

В конце XIX века были установлены небольшие скульптуры А. С. Пушкину в Петербурге работы А. М. Опекушина и Р. Р. Баха.

В январе 1905 года редактор А. Суворин писал, что 23 января 1899 года «Новое время» открыло подписку на памятник А. С. Пушкину для Петербурга. Было собрано более 50 тыс. рублей. В объявленной подписке приняли участие более 9000 человек. Причём пожертвования были самые различные – от 2 копеек до 100 рублей.

Тогда же редактор отмечал, что «Московский памятник Пушкину стоил около 80 тыс. рублей. Естественно, что Петербург обязан превзойти Москву в этом отношении. Родившись в Москве, Пушкин все зрелые свои произведения написал в Петербурге или в деревне». Однако до революции в Петербурге, несмотря на сбор средств и усилия Академии наук, памятник А. С. Пушкину так и не удалось воздвигнуть.

В известном постановлении Совета Народных Комиссаров СССР от 30 июля 1918 года в списке лиц, «коим предположено поставить монументы в городе Москве и др. городах», в разделе «Писатели и поэты» стояло имя А. С. Пушкина. И только через двадцать лет, в 1937 году по постановлению Правительства к столетию со дня гибели поэта был объявлен Всесоюзный конкурс на проект памятника А. С. Пушкину для города Ленинграда на стрелке Васильевского острова. В конкурсе приняли участие многие ведущие скульпторы страны.

Для молодого студента Аникушина, не принимавшего участие в конкурсе, первые творческие поиски в пушкинине были лишь намечены в его эскизе проекта памятника, выполненном в 1937 году. По собственному признанию скульптора, «сделал он это не столько потому, что хотел принять участие в объявленном в то время конкурсе на лучший проект памятника, сколько потому, что так велела душа».

Победило сильное желание попробовать силы и выразить в рисунке и пластике своё творческое понимание образа великого поэта. Однако это были лишь первые робкие

шаги. Тема была трудна, сложна не только для молодого скульптора. Многие видные скульпторы того времени, такие как С. Д. Меркуров, Б. Д. Королёв, В. А. Синайский, Г. И. Мотовилов, А. Т. Матвеев, В. В. Лишев, И. Д. Шадр, М. Г. Манизер, С. М. Орлов и Н. В. Томский, в своих поисках образного решения, скульптурной композиции не смогли удовлетворить требований жюри. И ни один проект, как довоенный, так и послевоенный – 1948 года, принят не был.

Поэтому весной 1949 года, к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, был объявлен второй тур открытого конкурса. Наряду с известными участниками Л. В. Шервудом, Л. А. Дитрихом, Н. В. Дыдыкиным, Н. В. Томским, М. Г. Манизером, В. В. Лишевым, Г. И. Мотовиловым были допущены и молодые скульпторы В. И. Сычев, Г. В. Косов, Л. М. Торич, М. К. Аникушин и другие.

На этот раз единодушно место будущему памятнику отводилось на площади Искусств, напротив Государственного Русского музея.

Михаил Аникушин, как и его молодые товарищи, выступили на конкурсе со встречными проектами. В мае 1949 года все проекты были выставлены в помещении Государственного Русского музея. «Там можно было увидеть проекты почти всех выдающихся мастеров Советского Союза, – вспоминала директор Музея городской скульптуры Г. Д. Нетунахина. – И когда М. К. Аникушин, почти опоздавший, вошёл в выставочный зал и представил свой эскиз, все повернулись к нему, и я лично искала, куда его поставить, потому что ни места, ни постамента для его проекта не было. А когда всё уладилось, подойти к нему было невозможно, все окружили проект и долго смотрели, привлечённые пушкинской поэтичностью и глубоким внутренним содержанием».

Выступивший на обсуждении профессор Академии Художеств архитектор Виктор Фёдорович Твелькмейер сказал: «В работе Аникушина мы видим наибольшую удачу. Здесь образ Пушкина дан с предельной выразительностью, лаконичностью и ясностью».

Было решено поручить разработку проектов Н. В. Томскому и М. К. Аникушину. Вскоре Н. В. Томский официально отказался от участия в дальнейшем конкурсе. 9 июня 1950 года проект М. К. Аникушина и архитектора В. А. Петрова был признан лучшим и утверждён как эскиз будущего памятника. Более чем двенадцатилетний творческий этап работы над образом Пушкина для скульптора закончился успешно, но сам он прекрасно понимал, что это было только начало. Возникает вполне закономерный вопрос: как молодому, никому тогда не известному скульптору удалось выиграть конкурс, продолжавшийся многие годы, конкурс, в котором участвовали тогда лучшие художественные силы страны?

Если обратимся к истории, то вспомним, что создание памятника А. С. Пушкину для Москвы тоже было делом нелёгким, тоже организовывалось три конкурса, и, в конце концов, победил молодой, немного старше тридцати лет, художник А. М. Опекушин.

В ленинградском конкурсе многим участвовавшим скульпторам старшего поколения не удалось в достаточной мере понять и показать в своих проектах современное представление о великом поэте. Об этом очень убедительно и просто говорит победитель конкурса, выступая на обсуждении: «Пушкин очень яркий человек по своему характеру, прост в своих действиях и ясен в мыслях, поэтому я старался отбросить все детали, которые заслоняли бы ясное изображение нашего великого поэта... Пушкин живёт вместе с нами, со всем народом, сливается с ним... Я хотел бы, чтобы от памятника, от фигуры Пушкина веяло какой-то радостью и солнцем».

За этими словами художника чувствуется огромный накопленный арсенал: личные впечатления от всего изобразительного наследия, оставленного нам современниками поэта, от проникновения в его поэтическое наследие, которое стало для скульптора глубоким источником познания образа, от многочисленных воспоминаний современников, в которых помимо живых, ярких зарисовок автор находил черты поэта и гражданина. Работая над образом

Пушкина, Аникушин много читал, скрупулезно познавал творчество поэта и его личность, пристально вглядывался в изображения Пушкина, созданные русскими живописцами. Скульптор буквально жил в атмосфере пушкинской поэзии, и он пришёл к осознанию, что Пушкина можно отнести к числу гениальных творцов, «которые, работая для настоящего, приготавливают будущее, и по тому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему...».

Аникушин полагал, что новое в памятнике поэту должно быть связано с современным представлением о Пушкине, его жаждой свободы и верой в светлое будущее. Для Аникушина – художника работа над образом Пушкина для Ленинграда была тем гигантским импульсом, в который он вкладывал все свои молодые силы.

Начался новый длительный этап поисков, находок, в которых постоянно менялось движение фигуры, жест правой руки, наклон и поворот головы. Наряду с этим росла творческая целеустремлённость Аникушина, обогащалось чувство пластичности, продуманность формы, выразительность приёмов лепки и рисунка. Поиски образного решения памятника для Ленинграда шли у художника одновременно с созданием фигур – одной для нового здания Московского государственного университета на Ленинских горах (1953 г.) и другой для подземной станции Ленинградского метрополитена «Пушкинская» (1955 г.). Эти два совершенно разные по композиции и творческому решению произведения можно рассматривать как варианты подхода художника в решении темы. Для Московского университета Аникушин изобразил поэта стоящим, облокотившимся на тумбу, в левой руке книга. Голова поэта характерно повернута влево, пытливый взор устремлен вдаль. За внешним спокойствием улавливается внутреннее напряжение поэта, охваченного потоком чувств и размышлений. Совершенно отлична по содержанию и образу была статуя для ленинградской станции метро. Здесь Пушкин изображен сидящим на камне, глубоко задумчивым, в момент творческого замысла. В облике поэта ощущается работа ума, движение души. По этим двум работам видно, как обогатились

познания автора, как уверенны и точны стали пластические образные характеристики. Однако Аникушин не желал останавливаться на достигнутом. Упорно и много работая, скульптор находился в постоянном поиске новых граней светлого пушкинского гения.

В марте 1956 года, после долгих лет вдохновенного труда над совершенствованием воплощения образа поэта, автор заявил, что будет работать над новым вариантом памятника, потому как ранее представленная модель ему совершенно не нравится. Он с большим трудом добывается разрешения начать лепить новую фигуру для памятника. Самоотверженно приступает к работе, переживая творческий порыв и духовный взлет.

Осенью 1956 года вместе с группой художников М. К. Аникушин совершил кратковременную поездку в Италию. Именно там, в Италии – в Венеции, Флоренции, Риме и Милане, – Аникушин получил возможность как бы заново познакомиться с творениями великих мастеров Возрождения. Эта поездка была очень полезна для Михаила Константиновича. Она обогатила Аникушина необычайно сильными впечатлениями, обострила его художественное зрение. Быстрый осмотр городов и музеев не давал возможности длительного изучения памятников скульптуры и живописи, и поэтому Аникушин, чтобы закрепить в памяти свои наблюдения, делал с них рисунки: «Колизей», «Венеция», несколько римских пейзажей. Скульптор рисовал только для себя. Это был своеобразный изобразительный дневник его путешествия. В непринужденных набросках видны острота и меткость графического языка, и вместе с тем они несут в себе переживания самого скульптора. Возвратившись домой, художник мог сказать: «Задуманное надо сделать гораздо лучше».

За короткий срок скульптор с большим душевным подъемом вылепил заново модель памятника из глины, где, по словам автора, «движение, характерные черты раскрылись теперь по-другому. Образ стал естественнее, жест свободнее, исчезла мешавшая мне прежде некоторая натянутость».

Художник теперь часто стал бывать на площади Искусств, делал рисунки, стараясь зрительно представить свой будущий памятник в классическом архитектурном ансамбле К. И. Росси. Вместе со своим другом архитектором В. Петровым Михаил Константинович выполнил рисунки постамента для памятника, предложив товарищу сделать его четырехгранным с ритмическими членениями. Это придало постаменту декоративность, сохранив и подчеркнув динамичность фигуры.

В скульптурной композиции, созданной Аникушиным, видно, как мастер, основываясь на лучших русских художественных традициях, в понятной и доступной форме выразил свое художественное представление о великом русском поэте «как явлении чрезвычайном». Скульптор и архитектор удачно вписали бронзовый монумент в окружающий архитектурный пейзаж площади Искусств. Расположенный в центре площади богатый цветами зеленый сквер давал новые краски, вносил в пейзаж элемент поэзии, столь созвучный сущности памятника. Постигание скульптором нравственной сути Пушкина и высокое художественное обобщение позволили художнику успешно реализовать свой творческий замысел. В образе Пушкина, созданном Аникушиным, непосредственно и просто раскрывается великий поэт, чувствующий, думающий, творящий. Углубленное образно-поэтическое решение, пластичность фигуры поэта и найденные пропорции – особая удача Аникушина. Разворот фигуры в пространстве предусматривает множественность точек зрительного восприятия памятника. Его круговой осмотр дает возможность ощутить многоплановость композиции, по-настоящему оценить разнообразие ее пластических аспектов и красоту силуэтной линии. Великолепное соотношение фигуры и постамента позволяют рассматривать памятник как цельное монументальное произведение.

Скульптура отличается высокими художественными достоинствами. По сравнению с предыдущей моделью художник значительно обогатил пластическое решение: энергичный разворот головы по отношению к торсу, движение

фигуры естественное и свободное, артистичный жест правой руки, несущий психологическую нагрузку, лаконично подчеркивают состояние поэта в момент наивысшего творчества. Фигура поэта передает состояние пламенного вдохновения, его движения свободны, гармоничны и легки, портретная характеристика необычайно точна, наиболее выразителен фас фигуры. Огромной творческой удачей художника является прекрасно исполненная голова поэта. Ее поворот, выражение лица, взгляд отражали приподнятое, взволнованное состояние Пушкина. Это был поэт, разговаривающий с народом... «Мне хотелось, – говорил Аникушин, – показать Пушкина необыкновенным, но земным и человеческим, каким он был, каким я его представляю. И в то же время скульптура должна показать не миг, а долго длящееся состояние».

Длительный напряженный творческий поиск закончился блестящим успехом. Памятник прекрасно вписался в старый архитектурный классический ансамбль площади Искусств, отлично смотрелся на фоне фасада Михайловского дворца, создав новый композиционный центр.

Все, кто присутствовал 19 июня 1957 года на торжественном открытии памятника в Ленинграде, были поражены, увидев великолепное произведение, которое стало замечательным подарком городу. День открытия памятника был и началом торжеств в честь 250-летия города на Неве.

Все отмечали, что являются свидетелями рождения одного из лучших произведений советской и мировой пластики XX века. Наверное, самым дорогим было для художника поздравление от первого учителя – Григория Андреевича Козлова: «Радостно взволнован твоим хорошим памятником Пушкину». Поэт Всеволод Рождественский тогда же писал: «В сквере перед Русским музеем стоит на высоком пьедестале в бронзе поэт, вдохновенно созданный скульптором М. Аникушиным. Художник изобразил его читающим стихи. И хочется думать, что эти стихи обращены к великому городу на Неве. Солнце русской поэзии – Пушкин – всходил здесь. Здесь встретил Александр Сергеевич расцвет своей славы и пережил самые горькие минуты своей

жизни. Но он, как гений поэзии, провидел будущее, самодержавию не в силах было погасить, растоптать его мечты. Он стоит перед нами как живой, с вознесенной приветственно рукой, с лицом, обращенным к городу всенародной героической судьбы».

Художник показал поэта как родоначальника новой русской литературы, призванной сказать свое слово о самой жизни, проникнутой живым интересом и вниманием к простым людям. Справедливы слова Н. В. Гоголя, сказанные о великом поэте России: «Пушкин был знаток и оценщик верный всего великого в человеке». Скульптор Аникушин стал одним из советских художников, который смог увидеть и показать это великое и прекрасное в образе поэта. В связи с этим на память приходит другое высказывание Н. В. Гоголя: «Художник может изобразить то, что он почувствовал, и о чём в голове его составила уже полная идея». С этими словами великого писателя перекликаются слова автора памятника А. С. Пушкину: «Каждое произведение должно быть пережито, каждая созревшая в душе художника мысль должна светиться силой его личной убежденности. Искусство не делается только из чувства долга. Оно возникает из внутренней потребности художника, из его любви к народу, к стране. Без этого оно не может заражать и убеждать своей правдивостью».

«Мне хотелось, – говорил Михаил Константинович, – выразить в памятнике обаяние Пушкина, благородство характера, его любовь к свободе, мечты о светлом будущем России». Работа художника получила высокую оценку общественности – в апреле 1958 года М. К. Аникушину была присуждена Ленинская премия. Памятник А. С. Пушкину в Ленинграде принес художнику всемирную известность, сразу выдвинув его в ряд ведущих скульпторов страны. Мастеру шел всего лишь сороковой год. Уже десять лет Аникушин работал как художник, из них восемь лет были посвящены Пушкину.

Ему, как и крупнейшим русским и советским мастерам старшего поколения, с самого начала была присуща неторопливость при работе над выбранной темой. Глубокое

усвоение материала, всестороннее изучение выбранного героя, многочисленные творческие поиски при наличии могучего таланта были залогом к будущему успеху. Этот путь исканий и творческих находок был продолжен Аникушиным в последующих работах над памятником Пушкину. Ещё в течение многих лет художник не расставался с любимым образом поэта. Он сделал памятники для Гурзуфа и Ташкента. А в 1983 году, в день 145-й годовщины со дня смерти поэта – в день памяти А. С. Пушкина – на станции метро «Чёрная речка» была установлена на постаменте из белого мрамора бронзовая статуя великого поэта. «Это последняя моя работа по-особому мне дорога, – говорил Михаил Константинович тогда корреспонденту С. Моторовой. – Она дорога мне, прежде всего, потому, что продолжает биографию поэта в моем творчестве. Был у меня Пушкин молодой, пылкий, романтический, был и зрелый, вдохновенно отдававшийся своему творчеству, но Пушкин перед дуэлью... Как изобразить его? О чем думал он в минуты перед смертельным поединком здесь, на Черной речке? Далеко не сразу пришло решение, как и какое душевное состояние передать в лице, фигуре, позе поэта». Михаил Константинович рассказывал далее, что он еще и еще раз обращался к творчеству великого поэта. Ему запомнились слова современников, которые отмечали, что поэт словно предчувствовал трагический исход дуэли. Но в тоже время он был внутренне собран, внешне спокоен. Таким я и изобразил его, – говорил художник. – Он стоит, закутавшись в шубу, ниспадающую до самой земли. Мудрая ясность и чувство собственного достоинства во взгляде. Он как бы выше всего происходящего вокруг, он уже там, в вечности, но не безысходность, а едва уловимая печаль на его лице.

«Мир Пушкина бескрайне широк, непостижимо ярок. Работая или приступая каждый раз к очередной скульптурной композиции, посвященной А. С. Пушкину, я каждый раз открывал для себя великого поэта, находя главный источник вдохновения все-таки в самих его произведениях, его многогранной и неповторимой личности».

Это новое произведение художника подтверждает нашу мысль – аникушинская пушкиниана продолжается! Прав Аникушин – пушкинская тема безгранична и неисчерпаема.

Использованная литература и источники:

1. Азаров В. Б. Творчество. – Л. : Лениздат, 1961. – 56 с.
2. Алянский Ю. Л. В мастерской на Петроградской стороне. – М. : Сов. художник, 1985. – 144 с.
3. Аникушин М. К. Монументальный образ возник // Коммунист. – 1981. – № 11. – С. 72–73.
4. Виноградов И. И. Пушкин и Аникушин // Аврора. – 1996. – № 11/12. – С. 15–17.
5. Гдалин А. Д. Памятники А. С. Пушкину : История. Описание. Библиогр. / Рос. акад. Наук, Отд-ние лит. и языка, Пушк. комис. – СПб. : Акад. проект, 2001.
6. Замошкин А. И. Михаил Константинович Аникушин. – Л. : Художник РСФСР, 1979. – 343 с.
7. Михайлова Р. Ф. Величие и подвигу человека : докум. рассказ о скульпторе М. К. Аникушине. – Л. : Лениздат, 1983. – 167 с.
8. Московская изобразительная пушкиниана : [альбом : в 2 вып.] / авт. коллектив: Л. И. Вуич, И. А. Гладыш, Е. В. Муза, Е. В. Павлова ; науч. ред. Е. В. Муза ; Гос. музей А. С. Пушкина. – М. : Изобраз. искусство, 1975. – Вып. 1.
9. О Пушкине слово // Вечерний Ленинград. – 1983. – 10 февр. (№ 33).

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА

Мичанович Христина,
10 класс, 190 гимназия,
Центральный район,
Юношеский университет
Петербурга,
Санкт-Петербургский городской
Дворец творчества юных

История дома на Фонтанке, 22

Вот уже второй год я занимаюсь в художественно-эстетической гимназии № 190 при Государственной Художественно-Промышленной Академии им. Штиглица. Эта гимназия располагается на набережной реки Фонтанки, 22. Своим светлосалатным цветом, четырехколонным портиком и треугольным фронтоном дорического ордера, рустовкой первого этажа, сандриками и наличниками окон второго этажа это здание напоминает классические постройки начала XIX века, стоящие рядом: дома № 16, 18 и 20. Между тем, это здание было построено в первые послевоенные годы, так как стоявший на его месте дом был разрушен во время Великой Отечественной Войны. На фасаде гимназического здания помещены две мемориальные доски. Одна из них сообщает, что «В этом доме жил благотворитель и меценат, русский купец Василий Федулович Громов (1796–1869), а из текста другой – мы узнаем, что «Михаил Иванович Пыляев (1842–1899), историк и краевед Петербурга», также «жил в этом доме». Понятно, что и Василий Федулович Громов и Михаил Иванович Пыляев проживали не в этом здании, а в доме, который находился на его месте с середины XIX века. Вот тогда-то у меня и возникло желание узнать его историю. Но во всех путеводителях и популярных очерках по набережной реки Фонтанки об этом доме или вообще ничего не говорится, или повторяется информация, содержащаяся в текстах его мемориальных досок.

До середины XVIII века река Фонтанка служила южной границей города. Только в 1760-е годы эта граница была передвинута к современному Загородному проспекту, и Фонтанка вошла в городскую черту. Ее массовая застройка началась вместе с созданием гранитной набережной в 1780–1790-е годы.

Подрядчиком на сооружении этой набережной был Иван Долгов, который, преследуя свой интерес, соорудил на ней рядом два собственных дома на участках 22 и 245. Первый из них он выгодно продал графу А. К. Разумовскому. Граф, а позже князь, Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836) был третьим сыном гетмана Украины графа Кирилла Григорьевича Разумовского от брака с Екатериной Николаевной Нарышкиной.

Прославился он на дипломатическом поприще, был назначен сначала посланником в Неаполь, затем в Данию, Швецию, и, наконец, в Вену. Он был другом Гайдна и Бетховена, и сам хорошо играл на скрипке. Его дворец в Вене был настоящим «храмом искусств»; его библиотека и оранжереи поражали всякого своим богатством. Как пишет биограф князя, «Забывая, что его отец был пастухом, прежде чем сделаться гетманом и фельдмаршалом, Разумовский считал себя чистокровным аристократом и находил достойным себя лишь общество «маркизов и шевалье». В его посольском дворце этикет строго соблюдался, вопреки новой моде держались пудра и букли, и жители Вены не без основания окрестили великолепного и чопорного посла именем «Erzherzog Andreas» (Эрцгерцог Андреас нем.). В 1815 году, после Венского конгресса, участником которого он был, Андрей Кириллович продал все свое имущество в России, в том числе и дом на Фонтанке, 22, и навсегда уехал за границу.

В середине XIX века, как это видно из «Атласа 13 частей Санкт-Петербурга» Цылова, участок по Фонтанке, 22 приобрел почетный гражданин Василий Федулович Громов. Первое же упоминание о купеческой семье Громовых я нашла в «Книге адресов Санкт-Петербурга на 1837 год». В ней содержится информация о купце 1-й гильдии Феделе

Григорьевиче Гронове, его сыне Василии Федуловиче и брате, купце 2-й гильдии Сергее Григорьевиче. Тогда еще они жили вместе в собственном доме в 4 квартале Рождественской части на Орловской улице (участок 475).

Федул Григорьевич Громов (1763–1848) был крепостным из Гуслиц. Там он стал заниматься торговлей и, накопив денег, выкупился из крепостной зависимости. Вместе со своим братом, Сергеем Григорьевичем Громовым (1770–1840), он принадлежал к старообрядцам. Купцы-миллионеры, владельцы Громовской лесной биржи, Громовы были главными фигурами поповской общины столицы (старообрядцев).

С юности Василий Громов участвовал в семейном деле, вел учет лесных материалов и денежную переписку предприятия. В 1829 году он женился на Федосье Тарасовне Лесниковой (1812–1856), одним из условий брака был его переход из старообрядчества в официальное Православие, что и было им выполнено. Вместе с первой женой Василий Федулович активно участвовал в благотворительности, особое внимание уделял учреждениям для детей. Ими был основан Громовский детский приют св. Сергия, более 10 лет оказывалась помощь Дому призрения малолетних бедных.

Его вторая жена, Александра Демьяновна Громова, также занималась благотворительной деятельностью: она являлась активным деятелем Главного попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов, Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, Санкт-Петербургского Дамского комитета Общества попечительного о тюрьмах, помогала Евгениевскому приюту для арестантских детей-девочек.

В ноябре 1848 года Василий Федулович Громов был введен во владение унаследованным имуществом, оцененным в 1 200 000 рублей серебром, находившимся в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургской и Выборгской губерниях, в Великом княжестве Финляндском.

По данным «Атласа 13 частей Санкт-Петербурга» Цылова, в собственности наследника были Громовская лесная биржа – огромные торговые склады близ Смольного; еще одна биржа расположилась на левом берегу Фонтанки,

напротив Апраксина двора; еще одну биржу он открыл в Литейной части, в районе Манежной улицы, наконец, на Петроградской стороне, вблизи Каменноостровского проспекта. Ему принадлежали также 2 доходных дома в Коломне, дома на Невском проспекте и Гончарной улице, 2 дачи с садами на Аптекарском острове, на берегу Большой Невки и на Муринском проспекте, 11.

Что касается интересующего нас дома, то по данным все того же «Атласа 13 частей Санкт-Петербурга», это было «двухэтажное каменное строение». Таким мы видим его и на более ранней литографии А. Мартынова «Вид на Симеоновский мост, набережную Фонтанки и Михайловский замок», созданной в 1820 году.

Как видно из архивного дела, через 16 лет, в 1865 году, Василий Федулович впервые обращается в правление Городского Кредитного Общества за ссудой под залог своего дома и земли. Из «Описи имущества Громова», составленной 30 августа, известно, что дом этот «каменный в 2 этажа недавней постройки». Из этого следует, что к тому времени к набережной Фонтанки был обращен не старый «долговский», а совершенно новый «громовский» дом, оцененный комиссией в немалую сумму 103 536 рублей, 30 копеек, а вместе с землей в 207 063 рубля, 50 копеек. Поражает точность, с которой был сделан этот расчет!

Каким же был этот дом? Согласно описи, «каменный в 2 этажа и полуэтажом во дворе на жилых подвалах со сводами... с таковыми же флигелями... Наружные стены оштукатурены. Фасад украшен наличниками в круге окон стены рустами и пилястрами».

В фонде 513, оп. 102 городской управы хранится дело под №4502, где среди 10 планов представлены фасад лицевого дома Громова, ранее нигде не воспроизводимый. «Общим присутствием правления 1 округа путей сообщения фасад сей рассмотрев по журналу, состоявшемуся 15 июня 1849 и найден как в частностях так и в общих видах одобрить». Этот документ датирован 23 июня 1849 года и под ним стоит подпись архитекторов Железевича и Трусова. Таким образом, именно 1849 год является годом

постройки дома, просуществовавшего без малого 100 лет до начала Великой Отечественной войны без существенных изменений фасада. Как видно из рисунка фасада дома, он был очень нарядным: 17 полуциркульных окон, 2 этажа, обрамленных богатыми наличниками и пилястрами, эффектно смотрятся на рустованном фасаде. Окна 1 этажа также оформлены наличниками, а снизу такими архитектурными элементами как полотенца. Богато украшен и парадный подъезд.

В упомянутом деле из фонда 515, оп. 1 имеется описание интерьеров громовского дома: «стены и плафон парадной лестницы украшены живописью в помпейском стиле. Танцевальный зал с пятью зеркальными простенками и двумя большими зеркалами, вделанными в стену, украшены также новыми карнизами, со стенами и плафоном, вызолоченными лепными орнаментами. Двери с позолоченною резьбой. Отделка других парадных комнат также роскошна, с живописью и позолоченными тягами».

По описи архивного дела Городской управы мне впервые удалось установить имена архитекторов, строивших и перестроивших этот дом: А. И. Ланге, Е. Е. Аникин, Е. М. Ферри де Пиньи, Н. Н. Горностаев.

Из «Описи о доходах с дома», составленной архитектором Городского Кредитного общества, известно, что «все квартиры и жилые помещения в доме заняты домовладельцем, его конторою и занимающимися его делами и служащими лицами». В общей сложности Василий Федулович Громов владел этим домом не менее 30 лет. Возможно, его имя кануло бы в лету, как имена тысяч домовладельцев петербургской недвижимости, если бы не его неутомимая, поражающая своим размахом деятельность на поприще благотворительности и меценатства.

Умер Василий Федулович Громов в 1869 году, в Санкт-Петербурге. В 1996 году по инициативе Независимой научно-исследовательской группы «Музей милосердия» была установлена упомянутая выше мемориальная доска.

После смерти Василия Федуловича большую часть семейного имущества, в том числе и особняк на набережной

реки Фонтанки, унаследовал его младший брат, Илья Федулович Громов, который продолжил активную благотворительную деятельность.

Весной 1878 года участок перешел во владение княгини Марии Михайловны Голицыной (1813–1878), жены генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта, члена Военного ученого комитета генерального штаба, князя Николая Сергеевича Голицына (1809–1892). В собственности княгини Голицыной дом был 9 лет. Новая домовладелица первой превратила дом на Фонтанке, 22 в доходный, и начала сдавать квартиры в наем. В июле 1887 года она продала его жене отставного гвардии полковника Надежде Семеновне Вонлярлярской. Вонлярлярские принадлежали к древнему дворянскому роду.

В доме, принадлежавшем Н. С. Вонлярлярской, проживали ее муж Владимир Михайлович, отставной гвардии полковник, состоящий в должности шталмейстера высочайшего двора, а также их сын, Дмитрий, поручик лейб-гвардии Преображенского полка и дочь Мария.

Муж домовладелицы, Владимир Михайлович Вонлярлярский, был незаурядной личностью. По данным адресной книги «Весь Петербург» за 1898 год он был почетным мировым судьей, председателем Новгородского общества сельскохозяйственной промышленности, членом правления Санкт-Петербургского общества содействия физическому развитию, российского общества рыбоводства и рыболовства, Атлетического общества, занимался благотворительностью, состоял в Обществе Вспоможения нуждающимся ученикам Боголовского технического железнодорожного училища и убежища для детей слабых и выздоравливающих, Общества пособия бедным женщинам. В последнем Обществе активно работала также сама домовладелица Надежда Семеновна Вонлярлярская.

В этом списке жильцов я нашла имя Санкт-Петербургского 2-й гильдии купца Михаила Ивановича Пыляева, известного писателя и краеведа. Информация о нём содержится в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, энциклопедии «Санкт-Петербург», в

Биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917». Из этих изданий известно, что Михаил Иванович Пыляев был известным российским писателем, журналистом, историком и краеведом, знатоком российской старины. Родился он в 1842 году в уездном городе Гдове в купеческой семье. Его отец владел парфюмерным магазином в Гостином дворе Санкт-Петербурга. Михаил Пыляев учился в реформаторском училище, а после его окончания слушал лекции в университетах Европы. Его труды печатались в «Искре», «Сыне Отечества», «Петербургском листе», «Суфлёре», «Петербургской газете», «Театральном мирке», «Труде», «Севере» и многих других изданиях. Особенно интересовался Пыляев театральной и художественной жизнью столицы, о чем свидетельствуют его многочисленные статьи, посвященные истории театра, и газетные отчеты о художественных выставках.

Михаил Иванович Пыляев скончался в 1899 году в доме на Фонтанке, 22 и был похоронен на Митрофаниевском кладбище. В 30-х годах прошлого столетия он был перезахоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища. В «Историческом Вестнике» № 3 за 1899 год был опубликован некролог на смерть М. И. Пыляева, написанный А. А. Плещеевым, писателем, театральным критиком, драматургом, близко знавшим Михаила Ивановича и, более того, жившим с ним в одном доме на Фонтанке, 22. Особенно ценны в этом некрологе бытовые подробности жизни Пыляева и его творческого метода. Как пишет А. А. Плещеев, «Пыляев скончался, как солдат на своем посту, среди книг, оставив на столе половину написанной им новой рукописи «Анекдоты и случаи из жизни Пушкина», которую намеревался выпустить отдельным изданием к предстоящим пушкинским торжествам.

Смерть, да еще такая неожиданная, симпатичного, милого человека, глубоко опечалила всех знавших М. И. Пыляева и его обширную аудиторию читателей. 1 февраля в 4 часа дня, его видели работавшим в Публичной библиотеке, а 3 февраля он навсегда закрыл глаза.

Сосед М. И. Пыляева по дому и близкий его знакомый Александр Алексеевич Плещеев (1858–1944), сын известного поэта, в юности увлекся театром. В 1870-е годы он играл на провинциальной сцене: в Ростове-на-Дону, Ковно и др. В 1879 году Плещеев дебютировал в московском Малом театре в роли Платона Зыбкина в пьесе А. Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше», а затем, в 1883 году, в петербургском частном театре играл Хлестакова, в Александринском театре, – Белугина («Женитьба Белугина»). В последующие годы (1891–1896) он на время отходит от театра, исполняя обязанности канцелярского служащего 1 разряда в Горном департаменте, а с 1899 года – члена Попечительского совета приюта принца П. Г. Ольденбургского. Но в 1900-е вновь возвращается в театр, уже в качестве администратора: в 1907–1909 годы он директор русской драматической труппы, гастролировавшей в Варшаве, а с 1912 года – помощник директора театральной школы Литературно-художественного общества (школы А. С. Суворина). Велик его вклад в создание театрального музея в Москве: как коллекционер и посредник он помогал основателю музея А. А. Бахрушину. Отказавшись от карьеры артиста, А. А. Плещеев ярко проявил себя как театральный критик и драматург, активно участвовал он и в закулисной жизни.

Но вернемся к истории дома. Вонлярлярская владела домом на Фонтанке, 22 до 1910 года. О ее дальнейшей судьбе я узнала из мартиролога В. Чувакова «Незабытые могилы»: Вонлярлярская (урожд. Голенищева) Надежда Семеновна (? – 2 мая 1927 г., Берлин). Панихида состоялась 8 мая 1927 года.

С 1910 года в доме разместился Кабинет Его Императорского величества, точнее, одно из его отделений. Бывший доходный дом Вонлярлярской был перестроен под нужды Кабинета архитектором управления императорских дворцов Ю. Ю. Бенуа. В ведении кабинета этот дом был до Февральской революции, когда было ликвидировано само это учреждение.

С домом на Фонтанке, 22 связаны последние годы работы Археологического института. Из адресных книг «Весь Петербург» и «Весь Петроград» известно, что этот институт готовил специалистов по разным отраслям археологии и архивоведению. В институт принимались окончившие курс высших учебных заведений, а так же, по усмотрению совета института, и лица, не получившие высшего образования в качестве вольнослушателей. Курс учения был двухлетним. В состав института, кроме слушателей, входили почетные и действительные члены (лица с высшим образованием, окончившие курс наук в Институте, а также вольнослушатели, успешно выдержавшие испытания). Многие годы Археологический институт возглавлял известный историк, профессор Н. В. Покровский. Помимо него профессорами и преподавателями института были такие знаменитые ученые, как И. Е. Андреевский, С. Ф. Платонов, И. И. Срезневский и другие. Институт издавал «Сборник Археологического института» и «Вестник археологии и истории» (1885–1918). При институте был свой музей.

В 1922–1923 учебном году институт был преобразован в отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук Петроградского Университета.

Из адресных книг «Весь Ленинград» за 1920–1930-е годы следует, что дом был превращен в жилой, а в годы войны прямым попаданием бомбы лицевой дом был разрушен. В ходе обследования его территории мне удалось обнаружить сохранившиеся дворовые флигели дома.

Как мы уже отмечали, дошедший с середины XIX века каменный двухэтажный дом в годы войны был разрушен. В 1949 году на его месте по проекту архитектора Н. П. Всеволожского (1904–1971) было возведено здание школы. Мужская средняя школа № 190 была открыта в новом здании на Фонтанке, 22 – 1 сентября 1949 года. Позже она была преобразована в обычную среднюю школу с совместным обучением мальчиков и девочек. Около 60 лет назад, учитывая ее близкое расположение к Высшему художественно-промышленному училищу им. Мухиной, в ней были открыты художественные классы. Более 40 лет школа

сотрудничает с Санкт-Петербургской Государственной Художественно-Промышленной Академией им. А.Л. Штиглица (бывшим Мухинским училищем).

С 1 сентября 1991 года моя школа получила статус «Школа с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла», что позволило расширить учебные программы в области искусства и гуманитарных дисциплин во всех классах. С 2000 года школа стала «Художественно-эстетическим лицеем», а с 2011 – «Художественно-эстетической гимназией».

Следует отметить, что в ходе краеведческого поиска удалось проследить историю участка на набережной реки Фонтанки, 22 более чем за два столетия; по архивному делу и адресным книгам установить ранее не известные имена владельцев стоявшего здесь дома, рассказать о наиболее выдающихся личностях, связанных с ним, о деятельности Археологического института и художественно-эстетической гимназии, располагающейся ныне в здании, построенном в послевоенные годы. Надеюсь, что последующий поиск поможет мне установить имена жильцов дома, проживавших здесь в предвоенные годы.

Использованная литература и источники:

1. О залоге имущества купца 1-й гильдии В.Ф. Громова по Фонтанке, 22 // ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1287. Л. 3, 5–8, 23, 38.
2. О залоге имущества купца 1-й гильдии В.Ф. Громова по Фонтанке, 22 // ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1287-а. Л. 7, 15, 25.
3. Чертежи дома жены полковника Н.С. Вонлярлярской по наб. р. Фонтанки, № 22 : фасады, разрезы, поэтажные планы // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4502. Л. 15–16.
4. Векслер А. Ф. Фонтанка : петроградское десятилетие // Фонтанка : историко-культурный альманах. – 2010. – № 5. – С. 5–19.
5. Знаменитые россияне XVIII–XIX веков : биографии и портреты : по изданию Великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII–XIX столетий» / [сост. Е.Ф. Петинова ; ред. Э.Ф. Кузнецова]. – СПб. : Лениздат, 1995. – 958 с.
6. Зодчие Петербурга. XX век / сост. В. Г. Исаченко. – СПб. : Лениздат, 2003. – 714 с.
7. Иванов А. А. Все начиналось в Петербурге : рассказы из русской истории. – М. : Центрполиграф, 2005. – 329 с.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА

8. Канн П. Я. Прогулки по Петербургу. – СПб. : Лениздат, 1994. – 413 с.
9. Кобак А. В., Пириутко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. – М. : Центрполиграф, 2009. – 798 с.
10. Ленинград : путеводитель / сост. В. А. Витязева, Б. М. Кириков. – Л. : Лениздат, 1986. – 366 с.
11. Мемориальные доски Санкт-Петербурга. – СПб., 1999. – 607 с.
12. Незабываемые могилы. Российское зарубежье : некрологи, 1917–1997 / сост. В. Н. Чуваков. – М. : Пашков дом, 1999. – Т. 1. – 659 с.
13. Нистрем К. М. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год, изданная с разрешения и одобрения с. петербургского г. военного генерал-губернатора Карлом Нистремом. – СПб., 1837. – XII, 1464 с.
14. Плещеев А. А. Некролог на смерть М. И. Пыляева // Ист. вестн. – 1899. – № 3. – Цит. по: М. И. Пыляев Старый Петербург. – СПб., 1990. – С. I–XI.
15. Разумовская М. А. Разумовские при царском дворе : главы из российской истории (1740–1815). – СПб. : Петербург – XXI век, 2004. – 271 с.
16. Русские писатели, 1800–1917 : биографический словарь. – СПб., 1999. – Т. 4. – 703 с.
17. Санкт-Петербург : энциклопедия. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; СПб., 2006. – 1024 с.
18. Справочная книга о лицах, получивших в течение 1873 года купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в 1874 г. – СПб., 1874. – [3], 620 с.
19. Фокин М. М. Путешествие по набережным Фонтанки. – М. : Центрполиграф, 2010. – 318 с.
20. Цылов Н. И. Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов. – СПб., 1849. – [20] л., 407 л. разд. паг.

Шушкова Ольга

8 класс, 387 лицей
им. Н. В. Белоусовой
Кировский район,

клуб «Петрополь»,»

Санкт-Петербургский городской
Дворец творчества юных

Деятельность Александра Сергеевича Александрова-Серж в Петербурге

Я выбрала эту тему неслучайно. С детства посещаю цирк и восхищаюсь цирковыми артистами. Изучая биографии артистов, я прочитала про жизнь и деятельность Александра Сергеевича Александрова-Серж. Его биография произвела на меня впечатление потому, что это был необыкновенно деятельный человек, творчество, которого меня заинтересовало сразу. За свою жизнь он много раз выступал в Петербурге, и не только в жанрах циркового искусства. Он открылся Петербургу как превосходный актер, учитель, дрессировщик, воздушный гимнаст, акробат, наездник.

Биография Александра Сергеевича хорошо изучена, но его деятельность в Петербурге освещена лишь поверхностно. По-прежнему люди ходят в цирк и восхищаются тем, что происходит на арене. Сейчас никто даже не догадывается, насколько изменился цирк за столетие. Проследить это очень интересно.

Александр Сергеевич Александров-Серж – известный цирковой артист. Он с первого до последнего дня был связан с цирком. Я хочу коротко рассказать о той династии, к которой относится Александр Александров-Серж.

Его отец был цирковым артистом, его дело и продолжал Александр. Сергей Алексеевич Александров родился в середине XIX века. Создав свой передвижной цирк, он гастролировал по городам Сибири. Он работал во многих жанрах циркового искусства: акробатика, клоунада, воздушная гимнастика, дрессировка лошадей. У Сергея Алексеевича был

свой творческий псевдоним «Серж». Вызывая циркача на арену, его так и называли «Александров-Серж». Этот псевдоним стал частью фамилии всей династии. Современные продолжатели его дела также выступают под именем «Александровы-Серж». Я связывалась по электронной почте с Виолеттой Святославовной Александровой-Серж, и она мне сообщила, что начиная с Юрия Александровича Александрова-Серж все представители династии стали официально (по паспорту) «Александровы-Серж».

Первыми учениками Сергея Алексеевича были его жена и дети. Он научил свою жену танцевать на лошади и исполнять на ней сложные трюки. У Сергея Алексеевича было четверо детей. Сыновья Николай, Константин и дочь Варвара работали в тех же жанрах, что и отец. Они были воздушным гимнастами, акробатами, работали с лошадьми. А вот сын Александр не только продолжил дело отца, но и стал новатором в цирковом искусстве.

На этом династия не прервалась. Сыновья Александра Сергеевича Святослав и Юрий выступали вместе с отцом. Они работали только с лошадьми. Но трюки, которые исполнялись ими на этих лошадях, приводили зрителей в восторг. Восхищались номерами Александровых-Серж не только зрители, но и профессиональные циркачи. Также в цирке выступала жена Святослава Александровича Наталья Георгиевна Александрова-Серж. После смерти мужа ей перешел его цирковой номер, она также достигла больших успехов в работе с лошадьми.

Следующий почетный член этой династии – Святослав Юрьевич Александров-Серж, внук героя моего исследования. Его называли «учеником деда» – Александра Сергеевича. Им были созданы такие номера, как «Казачи», «Кавказ» и «Конница Рима». В этих номерах принимали участие жена Святослава Юрьевича Марина Николаевна Александрова-Серж и дочь Виолетта Святославовна. В наше время Виолетта Святославовна также работает в цирке, занимается лошадьми. 11 августа 2012 г. родился новый член семьи Серж – Мирослав. Можно предположить, что он унаследует дело своих предков. Виолетта

Святославовна хочет, чтобы ее сын продолжил семейное дело. Сейчас он уже не раз бывал в цирке, и ему очень нравятся лошади.

На данный момент семья Александровых-Серж по-прежнему связана с цирковым искусством. Пять поколений этой семьи – известные циркачи, шестое поколение ещё подрастает. Как мне сообщила Виолетта Святославовна Александрова-Серж в 2012 году династии Серж исполнилось 124 года. Я искренне надеюсь, что представители этой семьи в будущем не прекратят выступать в цирке, и мы увидим ещё много красивейших и сложнейших номеров.

Мой рассказ посвящен одному члену этой великой династии – Александру Сергеевичу Александрову-Серж. Вся его жизнь прошла в цирке. Рождение, детство, юность, взрослые годы, старость и даже смерть... И началась жизнь этого творческого человека очень необычно. В 1892 году 23 ноября Сергей Алексеевич Александров-Серж выступал в городе Тифлис (ныне – Тбилиси, Грузия). Именно там во время представления своего отца и появился на свет Александр. Он родился за кулисами, его крика не было слышно только потому, что играл цирковой оркестр. Человек только родился, но уже был в цирке. Возможно, это и повлияло на его дальнейшую судьбу.

Впервые Александр вышел на арену в возрасте 5–6 лет. Во время клоунского антре один из клоунов выносил на манеж плетеную корзину. Оттуда под смех зрителей вылезал «безбилетный пассажир», исполнял несколько несложных акробатических номеров и убегал за кулисы. Кто бы тогда мог подумать, что в этот день перед зрителями дебютировал великий артист Советского цирка – Александр Сергеевич Александров-Серж!? Уже тогда люди признавали, что маленький циркач ещё и превосходный актёр.

Через три года Александр начал работать с лошадьми. В то время никто даже не догадывался, как тяжело живётся цирковым артистам. В дореволюционное время артисты жили почти впроголодь. Работать с хозяевами, которые жестоко эксплуатировали циркачей, было практически невозможно. Поэтому семья Серж была вынуждена

объединиться в товарищество с другой цирковой семьёй и создавать свою программу. А это было очень непросто. Программа состояла из двадцати-тридцати номеров. То есть каждый артист участвовал в нескольких номерах и должен был освоить разные жанры циркового искусства.

Александр, несмотря на свой возраст, работал весь день. С восьми утра он репетировал свой конный номер. С девяти до одиннадцати Александр помогал своему отцу и братьям с дрессировкой лошадей. С одиннадцати до двенадцати шла общая репетиция ансамблевых номеров. С двенадцати до часу дня репетировали балет. Далее до трех шла общая репетиция пантомимы. Затем вся молодежь собиралась на арене и тренировалась в акробатических прыжках. А с семи часов вечера начиналась подготовка к вечернему представлению, в котором каждому артисту приходилось выступать с 3–4 номерами, и после ещё предстояло отыграть свою роль в пантомиме. Трудно себе представить, как нелегко жилось циркачам того времени. Но даже такой ежедневный, изнуряющий труд и голод не смогли отвратить Александра от цирка. Он был по-прежнему готов работать над новыми номерами. Многие знакомые Александра признавали, что его жизненной силе можно было позавидовать.

Очень важное для Александра событие произошло в Уфе в 1913 году. Во время гастролей у него появилась первая собственная лошадь. Это был рыжий конь в яблоках, которого назвали Баязет. В течение всей своей жизни Александр Сергеевич больше всего любил работать именно в конном жанре. В 1914 году началась первая Мировая война. Тогда Александр впервые попал в Петроград.

В возрасте 22 лет Александр Сергеевич был направлен на службу в инженерно-воинскую часть, которая находилась в окрестностях Петрограда. Будучи солдатом, Александр выступал на подмостках Петровского острова. Именно во время Первой Мировой войны окончательно распалась семья Серж. Представители династии начали выступать по отдельности, а некоторые и вовсе оставили цирк. Но впоследствии Александр Сергеевич будет выступать со

своими сыновьями, и на цирковых афишах снова появятся имена Александровых-Серж.

Мне удалось выяснить, как цирковой артист Александр Сергеевич впервые выступал в Петрограде в 1917 году. Именно тогда он приехал сюда на гастроли. Александр участвовал в номере «Четыре черта». В этом номере участвовали 3 вольтижера: Головин, Емельянов и Александров, а также ловитор (тот, кто ловит вольтижеров) Краузе. Из четырех выступавших воздушных гимнастов Александр был рад поездке в Петроград больше всех. В Петроградском цирке был самый большой купол в стране. В финале выступления партнеры Сержа покидали трапецию и «шли в сетку», а Александр поднимался под самый купол. Далее он плотно прижимал руки к туловищу и бросался вниз головой. У самой сетки артист группировался и приходил на спину. Александру Сергеевичу очень нравилось «поиграть на нервах» зрителей. Возможно, поэтому он очень любил эти «затяжные» прыжки вниз головой. Но однажды Александр слишком увлекся полетом и чуть не погиб. Он успел сгруппироваться в самый последний момент, когда сетка уже сорвала кожу с его лба. Вероятно, его спасли добросовестное отношение к репетициям и хорошая физическая форма.

На волне всеобщего воодушевления Александр решил попробовать себя в качестве актера. Но поначалу он ещё пробовал свои силы в разных жанрах циркового искусства. Александр Сергеевич режиссировал цирковые парады и пантомимы, работал как акробат и преподавал гимнастику балтийским краснофлотцам. Летом 1919 года он работал в саду «Аквариум» (Каменноостровский проспект, 10–12), продолжал выступать в номере «Четыре черта». Александр Сергеевич вступил в труппу, только что открывшегося в Петрограде Театра народной комедии. Серж вносил в спектакли элементы близкого ему циркового искусства: акробатические трюки, клоунаду, эквилибристику. Тогда Александр Сергеевич участвовал в спектаклях «Невеста Мертвеца» и «Приёмьш». В «Невесте Мертвеца» он играл старушку, которая преследовала матроса, влюбленного в его внучку. В одной сцене Серж выпрыгивал с верхнего

этажа домика банкира. В этот момент эта старушка была больше похожа на олимпийского чемпиона, чем на пожилую женщину. Может показаться нелепым, что старушку играет мужчина, да ещё и очень крепкого телосложения. Но Александрову-Серж это прекрасно удавалось. Он настолько глубоко был заинтересован своей ролью, что даже зрители, которые видели эту «мускулистую старушку», не обращали внимания на то, кто на самом деле её играет.

Играя в спектаклях, Серж всегда много импровизировал. Только благодаря Александру Сергеевичу прошёл спектакль «Женитьба». Участвовать в этом спектакле, его пригласил Л.З. Трауберг. Опираясь на воспоминания Трауберга, можно представить, как выглядел этот спектакль: «Второй акт прошёл только благодаря Александру Сергеевичу. <...> Когда зрители, а в основном это были актеры питерских театров, несколько зашумели в рядах, Серж совершенно спокойно прервал действие, подошел к рампе и сказал столь привычным для него фальцетным тоном (признаю, грубовато, но это было в обиходе только цирка): «Альберт!» – «А?» – «Ты видишь этот соловей в первом ряду?» – «Какой соловей?» – «Такой, с длинными уши». Ответом на вольность Сержа был общий веселый смех, и спектакль продолжился. Хотя в целом, по воспоминаниям, спектакль всё-таки не удался. Удивительно что, так и не получив гонорара, Серж, с подлинно вдохновившим нас дружелюбием, сказал: «Это ничего, что первый блин комом! Главное, дело – кураж!». Через полгода он принял участие во втором спектакле Л. З. Трауберга: «Внешторг на Эйфелевой башне». Здесь он, аллах знает почему, играл девочку – делегатку Наркомвнешторга. Какое-то оправдание этой эксцентриады найти можно – по сюжету требовалась конспирация. Роль свою Александр Сергеевич, в парике с длинной косичкой, в юбочке, с голыми мускулистыми ногами, исполнил с таким чудесным весельем, что и сейчас я полагаю этот день началом нашей работы в театре и в кино». Но больше Александр Сергеевич с Траубергом не работал, так как тот ушел в кино. А Александр Сергеевич очень хотел вернуться в цирк.

В процессе исследования мне приходилось очень много работать с воспоминаниями знакомых Александра Сергеевича, благодаря им мы можем представить каким человеком был Серж, как он выглядел. Всю жизнь Александр был очень скромным и организованным человеком. Трауберг вспоминал, что он даже не употреблял слова «играть», «исполнять», а уж тем более «творить». Он говорил: «Работать». К его улыбке подходило слово «осклабился», к фигуре – «коренастый», точнее коренастенький. Александр Сергеевич был небольшого роста, с коротко подстриженной головой, с маленькими полными доброты и ума глазами. Напоминал подростка, из детей питерских рабочих. Также хорошо о Серже отзывался и А. В. Рыков. Рыков признавался, что Серж изумлял «своей техникой и чисто внешней буффонадой» (хотя по существу он не буффон) (буффонада – прием художественного изображения, основанный на преувеличении, окарикатуривании персонажей).

Выступая в театрах, Александр Сергеевич познакомился с Максимом Горьким. И с 1920 года часто бывал в его доме на Кронверкском проспекте, 23. Здесь собирались артисты. Максим Горький написал пьесу «Работяга Словотеков» для театра Народной комедии, в которой Александр Сергеевич принял участие. После работы в Театре народной комедии Александр Сергеевич выступал в летних садах и на эстраде, преподавал акробатику в ФЭКС (Фабрика эксцентричного актера).

В начале XX века русский театр стал очень существенно меняться. В театральном искусстве появилось огромное количество элементов цирка. Актеры выполняли прыжки, сальто и другие трюки. Многие цирковые артисты того времени играли в театре, возможно, именно поэтому театр изменился. Александр Сергеевич Александров не был исключением.

Постановки многих современных театральных режиссеров обогащены элементами циркового искусства. Мне кажется, что такая взаимосвязь между театром и цирком – это неотъемлемая часть современного искусства. Сейчас, придя в цирк, вы, скорее всего, увидите не просто набор цирковых

номеров, а целый спектакль. Как раз в начале XX века и стали появляться тематические цирковые программы, в которых циркачи не были просто циркачами, а исполняли целые роли.

В 1920-х годах Александр Сергеевич вернулся на манеж. С этого момента в его цирковых номерах будут появляться элементы театрального искусства. В своей дальнейшей жизни Александр Серж больше не возвращался к работе в театре, а полностью был погружен в цирк. Но нельзя однозначно сказать, в каком искусстве он был лучше. Он всегда качественно работал, поэтому добивался больших успехов в любом жанре.

Александр Сергеевич Александров-Серж стал новатором в цирковом искусстве. Он был одним из тех, кто первыми начали борьбу с рутинной, с принципами так называемой «чистоты жанров». Имелось в виду, к примеру, что жонглер ни в коем случае не может ввести в свой номер элементы акробатики, а клоун не может выступать с животными. До нововведений Александра Сержа исполнитель того или другого номера в течение десятилетий повторял раз и навсегда установленные упражнения и трюки в определенной последовательности, в которой работали деды и прадеды артиста. Личной инициативы артиста цирк не допускал. Проявление её считалось «дурным тоном». Александр Сергеевич - один из тех, кто разрушил этот стереотип. Его номера соединяли в себе разные жанры циркового искусства. Эти изменения увеличили количество возможных комбинаций и вариантов номера.

Мне кажется, что именно тогда у людей проснулся интерес к цирку. Ведь если ты приходишь в цирк и видишь одни и те же номера, тебе становится просто неинтересно. Поэтому, когда пошли слухи и люди увидели на афишах объявления о том, что в цирке выступают артисты со «смешанными» номерами, должен был проснуться интерес.

В 1924–1925 годы в цирковых программах крайне не хватало конных номеров. Александр Сергеевич провел свои реформы ещё и в конном цирке. Ему первому удалось создать зрелищный и увлекательный конный номер,

в котором демонстрация высоких спортивных достижений удачно сочетается с элементами театрализации. В его номере включены: вольтижировка, гротеск, акробатика, прыжки, дрессировка.

В 1924 году Александр Сергеевич отправляется на конкурс в Киев, здесь он встречается с такими мастерами, как Соболевский и Ормандо. Но, несмотря на конкуренцию, первое место достается Александру Сергеевичу. Единственное упоминание об этом конкурсе я нашла в статье «Советского цирка» Э. Кролле и Е. Ленника. Эта статья открыла мне много нового, так как авторы статьи общались с Александром Сергеевичем, но и вызвала недоверие. Я обнаружила в ней ошибки. Но большинство фактов, приведенных в статье, достоверны.

Этот год стал знаменательным для Сержа не только из-за победы в серьезном конкурсе, но и потому, что у него появилась очередная идея создать групповой жокейский номер. В 1926 г. Александр Сергеевич создал свой знаменитый конно-акробатический ансамбль «Жокеи-наездники». В состав этого ансамбля входили: Александр Сергеевич Александров-Серж, его сыновья Святослав и Юрий, А. М. Николаев – старейший из воспитанников Александра Сергеевича, жокей Юрий Ахматовский, Зоя Хохлова, юные наездники Вова и Витя. На протяжении всего исследования, я изучила много литературы, посвященной творчеству Александра Сергеевича. И в каждой статье, где говорилось про его цирковую деятельность, упоминался ансамбль «Жокеи-наездники». Мне бы хотелось сказать несколько слов о трюках, которые выполнял данный ансамбль. Один трюк выглядел со стороны совершенно простым, но исполнять его было очень сложно. Ровным размеренным галопом бежит по кругу лошадь. На ее спине стоит жокей, на спине которого застыл другой жокей – «верхний». Стоит «верхний» абсолютно непринужденно, как будто чувствует под собой твердую почву. Опираясь на голову своего партнера «верхний» подтягивается, выпрямляет тело и делает стойку. Лошадь по-прежнему продолжает свой бег. Неожиданно «верхний» взлетает с головы партнера и делает сальто в

воздухе. В это мгновение «нижний» спрыгивает с лошади на манеж, а на его место опускается «верхний». Для того, чтобы добиться такой кажущейся непринужденности и изящества, понадобились месяцы и годы упорного труда, тренировок и репетиций.

Ансамбль «Жокеи-наездники» неоднократно выступал в Ленинграде. Впервые название этого ансамбля появилось в программках Ленинградского цирка в 1931 году. И до 1939 года «Жокеи-наездники» участвовали почти во всех программах нашего цирка. С началом Великой Отечественной войны сыновья Александра Сергеевича ушли на фронт. Он сам находился в Москве и по-прежнему продолжал выступать в цирке на Цветном бульваре. Александр Сергеевич создал пролог-парад «За Родину». Эта программа прошла в Ленинградском цирке уже после войны в 1948 году.

Во время войны Александр Сергеевич организовал цирковую бригаду, которая выступала в частях Западного фронта. Также Серж принимал участие в военных действиях, за это он был награжден медалью «За оборону Москвы». Вгоды Великой Отечественной войны Александр Сергеевич обучал маленьких циркачей в Иванове. Я неоднократно читала про создание этой цирковой школы, но сказать в каком точно году она была создана, не могу. А. Амасович утверждает, что она была создана в 1945 году, Э. Кролле и Е. Ленник указывают в своей статье – 1944 год, а на официальном сайте Александровых-Серж назван 1942 год. На данный момент я не могу ни с кем согласиться, так как документального подтверждения даты открытия Ивановской школы мне найти не удалось. Но я надеюсь, что в будущем, мне удастся разрешить этот спор.

Война закончилась, Юрий и Святослав Александровы проделали путь от Москвы до Берлина и принесли в цирковую семью двенадцать орденов и медалей. Во время фронтового затишья сыновья Александра Сергеевича тоже выступали перед своими товарищами, они стали известны не только, как отличные воины, но и как прекрасные артисты. Ансамбль «Жокеи-наездники» вновь появился

в Ленинграде в 1947 году. Мне удалось узнать выступающих с Александром Сергеевичем артистов только благодаря цирковым программкам. В 1948 году в программе «За Родину» Александра Сергеевича Александрова-Серж участвовали: Юрий и Святослав Александровы-Серж, Юрий Ахматовский, А. Николаев, З. Хохлова, В. Логинов, В. Теплова. Также в этой программке был прописан конский состав: «Орлик», «Сынок», «Верный», «Милый», «Мальчик», «Шалун». В 1947–1951 гг. «Жокеи-наездники» выступали в Ленинградском цирке. Конечно, условия жизни цирковых артистов были намного лучше, чем в детстве Александра Сергеевича, но работать по-прежнему приходилось много. Например, в 1950 году ансамбль выступал в нашем цирке в дни школьных каникул: 26, 27, 28, 29, 31 марта. Каждый день было 2 дневных представления, первое начиналось в 12.00., второе в 15.00. Вечернее представление начиналось в 20.30. В выходные дни проводились только дневные представления. У артистов был полный рабочий день, а это вовсе не просто.

Ещё до войны Александр Сергеевич упал во время представления с лошади и разбил коленную чашечку. Он стал шутить так: «Но разбить чашечку – еще не значит разбить голову». После этого падения, он стал целиком отдаваться педагогической работе, что ему прекрасно удавалось. Ансамбль «Жокеи-наездники» очень много репетировал, все ученики Сержа были мастерами своего дела. Александр Сергеевич передавал ученикам свою любовь к работе. Один из его учеников Володя Теплов говорил: «Да, лошадь не самокат, куда сложнее». Но никого это не останавливало.

Поскольку ученики Сержа были готовы работать днем и ночью, начали сдавать лошади. Сам Александр Сергеевич рассказывал авторам статьи «Серж-Александров» Э. Колле и Е. Леннику такой случай. Виктор Логинов репетировал заднее сальто с плеч Святослава Александрова, стоящего на первой лошади, на круп второй, скачущей сзади. Виктор подпрыгивал, группировался, но никак не мог попасть на спину второй лошади. Он падал то ей на хвост, то на голову. Лошадь шарахалась в сторону, подозрительно косясь

на Виктора, не понимая, чего от нее хотят. Но чаще всего Виктор приземлялся прямо на манеж. Он снова и снова залезал на плечи Святославу, и все повторял сначала. Тренировка обычно заканчивалась тем, что недовольная лошадь, безнадежно махнув хвостом, уходила с манежа. Через несколько месяцев данный трюк все-таки получился и был включен в программу «Жокеев-наездников».

В 1950–1951 годах Александр Сергеевич создает новый номер под названием «Русская тройка». Этот номер готовился в Ленинградском цирке Александром Сергеевичем Александровым-Серж и режиссером-консультантом Г. Венециановым. Работая с цирковыми программками, я увидела, что Венецианов был главным режиссером Ленинградского цирка. Он ставил все программы для отечественных артистов, кроме приезжающих из других стран. «Русская тройка» демонстрировался, в основном, в Москве, в дни юбилейных торжеств, но в 1950–1951 годах номер был почти во всех программах Ленинградского цирка.

Проработывая цирковые программки Ленинградского цирка с 1928 по 1966 год, я смогла проследить то, как менялась программа цирка. До Великой Отечественной войны большинство номеров – номера русских артистов. В это время в цирк почти не приглашали гастролеров. И цирк был на довольно высоком уровне. В принципе во всех программах выступали одни и те же артисты. Это можно увидеть даже на примере «Жокеев-наездников», по несколько сезонов подряд они выступали в Ленинградском цирке.

В блокадном Ленинграде цирк не работал. Но в 1944 году он снова открылся. С этого момента в цирк приезжали целые программы из других стран мира. Я ознакомилась с программками, посвященными приезду Белорусского цирка, Чехословацкого цирка, Румынского цирка, Польского цирка. Болгарского цирка, Бельгийского цирка, Парижского цирка, цирка из США и даже цыганского цирка. Советский цирк по-прежнему был на высоком уровне. После Великой Отечественной войны число конных номеров заметно увеличилось. Выступали с конными номерами Ирина Бугримова и К. Пармакян – высшая школа верховой

езды, Валентина Лерри – гротеск-наездница, Кантемировы. В Ленинградском цирке выступали такие известные русские циркачи, как Валентин Филатов и Маргарита Назарова. Александр Сергеевич Александров-Серж работал с ними в 1957 году. Но больше мне не удалось найти имени Александра Сергеевича в цирковых программках. В 1947 и 1959 годах он выступал в Ленинградском цирке, это подтверждают фотографии с выступлений и репетиций.

О номерах Александра Сергеевича в разных статьях оставлены очень хорошие отзывы. А зрители были очень требовательными. Работая в Центральном государственном архиве литературы и искусства, я ознакомилась с отзывами зрителей о разных цирковых представлениях. М. Запрудский утверждал, что заплатив за представление 21 рубль, он не увидел многих номеров, которые были указаны в программке. В. Дубчина была не довольна выступлением артистов, по ее словам номера были не продуманы и не отрепетированы. На что администрация цирка ответила, что из 100000 человек посетивших программу, никто не жаловался на выступления. Ю. Грачев был не доволен рекламным плакатом. Александр Сергеевич не участвовал в представлениях, о которых оставлены данные отзывы. Но мы можем видеть, насколько зрители были требовательны к артистам и представлениям. Александр Сергеевич всегда производил на зрителей положительное впечатление, а это, как мы видим, было очень непросто.

Мне было очень интересно узнать, сколько стоили билеты в цирк в середине XX века. Согласно отчетам Ленинградского цирка в 1950-х годах, билеты на утренние представления стоили от 10 до 42 рублей, а на вечерние от 12 до 89 рублей. Каждое утреннее представление посещали около 2600 человек, а каждое вечернее около 2500 человек. На первый взгляд, кажется, что цирк получал очень большую прибыль, но это обманчивое впечатление. На содержание самого цирка тратилось очень много средств. Ведь нужно было следить за зданием, ремонтировать внутренние помещения, закупать различный инвентарь и реквизит, обустраивать зрительный зал, покупать корм для

животных, шить униформу служебному персоналу, заправлять топливом грузовики и легковые машины, которые цирку, естественно, требовались. Больше всего меня удивило то, сколько ежегодно в цирк закупалось костюмов, согласно отчетам, их закупалось около 650 штук в год. По-прежнему было трудно содержать цирковых животных. На содержание одной лошади в год уходило около 5000 рублей, а иногда и до 12000 рублей. Помимо артистов в цирке работало очень много людей разных профессий. Администрация, механики, инженеры, технический персонал, шоферы, художники, сотрудники музея циркового искусства, пожарная бригада и врачи – все они работали в цирке. Поэтому нельзя сказать, что цирк имел очень большую прибыль. Но поскольку он был довольно популярен, содержать его было возможно.

Исходя из расходов Ленинградского цирка, мы можем судить, что Александру Сергеевичу, требовалось много средств, чтобы его ансамбль существовал. Нужно было содержать около 10 лошадей, покупать костюмы, реквизит, обеспечивать комфортными условиями жилья артистов. Сколько точно он получал за свои выступления, на данный момент узнать не удалось.

На тот момент «Жокеи-наездники» – лучший в стране конноспортивный коллектив, исполняющий много сложных трюков, которые до этого никогда и никем в цирке не исполнялись. Исключительное трудолюбие и настойчивость артистов, их постоянное стремление обогатить чем-то новым, современным древнейшее искусство цирка – именно в этом таится секрет большого успеха Александра Серж и его талантливых воспитанников.

Александр Сергеевич в течение всей своей жизни много времени проводил в нашем городе. Здесь родился его сын Юрий, здесь процветала его театральная и цирковая карьера, здесь работали и жили его друзья.

Прежде всего, стоит назвать адрес Санкт-Петербургского (в 1920-е годы – Петроградского, затем – Ленинградского) цирка – набережная Фонтанки, 3. Здесь проходили многочисленные выступления и репетиции

«Жокеев-наездников». Многие из трюков Александра Сергеевича показывались впервые именно в этом цирке. Он выступал как воздушный гимнаст, жокей, руководитель номера.

Первые годы жизни в Петрограде Александр Сергеевич работал в театре. В те времена его жизнь была связана, в основном, с тремя адресами. Он выступал в театре Народной комедии, который находился по адресу Александровский парк, 4. Здесь он проработал всего 2 года, поскольку Козинцев и Трауберг, которые были создателями этого театра, ушли в кино, а Александр Сергеевич вернулся на арену.

Во время работы в театре он познакомился с Максимом Горьким, который был восхищен юным актером. После чего Александр Сергеевич был приглашен в гости Горькому в его квартиру, находящуюся по адресу Кронверкский проспект, 23. Здесь собирались актеры, и Александр Сергеевич здесь бывал довольно часто. Горький говорил «Люблю цирк. Это настоящий труд. Вы не выступаете – вы работаете».

После закрытия Театра народной комедии Александр Сергеевич вместе со своим другом акробатом Тауреком выступал на эстрадах, открытых сценах и открытых садах (сад «Аквариум»: Каменноостровский пр., 10–12). В то время он и начал сотрудничать с ФЭКС (фабрика эксцентричного актера), здесь он преподавал акробатику юным артистам. Он был одним из членов этой организации, и во время работы в театре часто бывал в квартире № 1 по адресу Гагаринская улица, 1. Здесь вместе с Сержем работали С. Юткевич, Л. Мартинсон, С. Герасимов, Р. Зеленая.

Проверяя справочники «Весь Петроград», «Весь Ленинград», мне удалось установить два его адреса. В 1925 году Александр Сергеевич проживал по адресу 7-я Красноармейская, 20 (ныне жилой дом). В 1930 он жил в доме номер 36 по улице Марата. Также, в 1930-х годах он жил в общежитии Ленинградского цирка. Этот факт я установила, благодаря одной фотографии, на которой изображена семья Серж в общежитии Государственного цирка.... На этой фотографии мы видим: Александра Сергеевича, который читает газету вместе с сыновьями Святославом и

Юрием, на заднем плане за столом сидит жена Александра Сергеевича. Кто была жена Сержа, для меня долгое время было загадкой, ни в одной статье, посвященной Александру Сергеевичу, про неё ничего не сказано. Узнать ее имя удалось только благодаря Виолетте Святославовне Александровой-Серж. Жену Александра Сергеевича звали Александрова Татьяна Михайловна (1896–1947). Александр Сергеевич пережил ее на 19 лет.

Александр Сергеевич очень много гастролировал, поэтому нельзя однозначно сказать, в каком городе он жил. Он задерживался на длительное время и в Москве, и в Ленинграде и в Сочи.

В 1939 г. Александр Александров-Серж получил звание Заслуженного артиста РСФСР. В 1946 г. Александр Сергеевич с сыновьями и Юрием Ахматовским участвовал во Всесоюзном смотре цирковых номеров и получил дипломы первой степени. 9 октября 1958 года в Московском Кремле Александр Сергеевич был награжден орденом «Знак Почета». Также Александр Сергеевич был награжден орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Группа Александра Сергеевича выезжала за границу. Они выступали в Брюсселе, Антверпене, Париже, Лионе, Сен-Этьене, Манчестере, Лондоне. Все выступления проходили с большим успехом. Во время заграничных гастролей артистам приходилось работать ещё больше, поскольку они представляли свою страну. Александр Сергеевич произвел хорошее впечатление за рубежом и вскоре вернулся работать в Россию.

В 1957 г. Ленинградский цирк выпустил брошюру, посвященную гастролям советского цирка за границей. Там говорилось про гастролы А.С. Александрова-Серж, Валентина Филатова, Рабадана Абакарова. В ней также приведены отзывы из иностранных газет: «До предела ловкости доведен номер жокеев, работающих под руководством заслуженного артиста России Александра Сергеевича Александрова-Серж. Гимнастические упражнения представляют собой прекрасную демонстрацию ловкости людей и умелой дрессировки лошадей» («Жице Варшавы»,

Польша), «Советский цирк каждый вечер сводит с ума брюссельцев» («Драно руж», Брюссель), «Оказывается, что советский цирк лучший в мире» («Дейли геральд», Лондон).

Вклад А. С. Александрова-Серж в цирковое искусство трудно переоценить. Он был новатором арены. Его «смешанные» номера были абсолютно новыми. Всю свою жизнь Александр Сергеевич был предан цирку, особенно конному. В программке Ленинградского цирка за сезон 1948–1949 годов он оставил такой комментарий: «Я был и остался горячим сторонником конного цирка, который, как мне кажется, концентрирует в себе наиболее привлекательные стороны циркового искусства: мужество, смелость, ловкость, дисциплину и отвагу. По этому же пути конного цирка я повел своих сыновей, будучи убежден, что на этих путях они лучше всего смогут служить родному искусству».

Жизнь этого великого человека прервалась там же, где и началась – в цирке. Умер Александр Сергеевич 17 марта 1966 года в Москве. Как мне сообщила его правнучка – Виолетта Святославовна, он умер во время представления в цирке на Цветном бульваре. В свои 74 года он по-прежнему показывал сложнейшие трюки, исполнение которых в его возрасте казалось невозможным. Он похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Александр Сергеевич всю свою жизнь был предан цирку. Можно предположить, что если бы не было этого человека, то наш современный цирк был бы совершенно иным.

Использованная литература и источники:

1. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 1. Д. 4. Л. 102.
2. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
3. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 1. Д. 37. Л. 7, 161
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 1. Д. 47. Л. 113.
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 1. Д. 92. Л. 12.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 2. Д. 12. Л. 1.
8. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 2. Д. 74. Л. 33.
9. ЦГАЛИ СПб. Ф. 273. Оп. 2. Д. 88. Л. 4.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА

10. Алексеев К. Сын и внук жокея // Советский цирк. – 1986. – № 1. – С. 18–19.
11. Амасович А. Александров-Серж. – М. : Искусство, 1951. – 22 с.
12. Аракелов Н. Сегодня как сто лет назад // Советский цирк. – 1990. – № 11. – С. 8.
13. Весь Ленинград : адресная и справочная книга г. Ленинграда на 1925 год. – Л., 1925. – 1080 с.
14. Весь Ленинград : адресная и справочная книга г. Ленинграда на 1930 год. – Л., 1930. – 1580 с.
15. Галич Б. Цирк на улицах столицы // Советский цирк. – 1957. – № 1. – С. 6–8.
16. Гурович А. Четыреюбилея // Советский цирк. – 1962. – № 12. – С. 24–25.
17. Династия Серж [Электронный ресурс] / А. Полянский // X-circus : авторский сайт А. Полянского. – 2002–2004. – URL: <http://xcircus.ru/serge/serge.htm> (дата обращения: 27.12.2012).
18. Дмитриев Ю. А. Советский цирк. – М. : Искусство, 1963 – 400 с.
19. Дмитриев Ю. А. Цирк в России. От истоков до 1917. – М. : Искусство, 1977. – 415 с.
20. Доходный дом Е. К. Барсовой – Квартира А. М. Горького [Электронный ресурс] // Citywalls : архитектурный сайт Санкт-Петербурга / М. Михайлова. – СПб. : 2007–2012. – URL: <http://www.citywalls.ru/house585.html> (дата обращения: 06.01.2013).
21. Козлов В. И. К 100-летию династии Александровы-Серж // Советский цирк. – 1991. – № 4. – С. 3.
22. Колле Э., Ленние Е. Серж-Александров // Советский цирк. – 1961. – № 8. – С. 11–12.
23. Конев Ф. С. Полвека под куполом цирка. – М. : Искусство, 1961. – 160 с.
24. Кошкин В. Жокеи Серж // Советский цирк. – 1991. – № 1. – С. 2–6.
25. Кузнецов Е. М. Подготовка новых номеров. Русская тройка // Советский цирк. – 1957. – № 1. – С. 30.
26. Марченко Г. В предвкушении розыгрыша // Советский цирк. – 1992. – № 3. – С. 18–19.
27. Михеева Е. С. Цирковые биографии: династия Александровы-Серж // Кони Петербурга. – 2002. – № 4. – С. 80–81.
28. Сергеев А. В. Циркизация театра. От традиционализма к футуризму : учебное пособие. – СПб., 2008. – 160 с.
29. Советский цирк : сборник. – Л. ; М. : Искусство, 1938. – 88 с.
30. Старейшая цирковая династия Александровы-Серж [Электронный ресурс] : официальный сайт / В. С. Александрова-Серж. – СПб., М. : 2003–2013. – URL: <http://www.circusserg.narod.ru>. (дата обращения: 17.02.13).

31. Трауберг Л. З. Восемь и один групповой портрет. – М. : Кавказская здравница, 1984. – 63 с.
32. Туганов М. Памяти товарища // Советский цирк. – 1966. – № 5. – С. 20.
33. Указ Президиума Верховного совета СССР о награждении орденами и медалями СССР артистов цирка // Советский цирк. – 1958. – № 11.
34. Успенский В. С. Лошадь на арене цирка // Кони Петербурга. – 2001. – № 3. – С. 91.
35. Цирк : маленькая энциклопедия / [сост. А. Я. Шнеер, Р. Е. Славский]; гл. ред. Ю. А. Дмитриев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Советская Энциклопедия, 1979. 448 с.
36. [Цирковая программка] / Ленингр. Ордена Трудового Красного Знамени Госцирк. – [Л.], [1931/1932, 1936/1937, 1948/1949, 1951, 1957].
37. [Цирковая программка] / Ленингр. Ордена Трудового Красного Знамени Госцирк // Смена. – 1937. – 17 янв.
38. [Цирковая программка] : программа парад-пролог Александра Сергеевича Александрова-Серж. – 1948.
39. Электронная переписка с Виолеттой Святославовной Александровой-Серж. (28.12.2012; 21.02.2012).

ПРЕДМЕСТЬЯ ПЕТЕРБУРГА

Лурье Вера

10 класс, 171 школа,

Центральный район,

Клуб археологов,

Санкт-Петербургский городской

Дворец творчества юных

Янтарные украшения в Невском регионе (IV – III тыс. до н. э.)

Я занимаюсь в детском археологическом объединении Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных. Летом 2011 и 2012 гг. мы участвовали в раскопках первобытной стоянки Подолье 1 в Ленинградской области. Раскопки проходили недалеко от Санкт-Петербурга (74 км), в бассейне реки Лавы, в 4 км от южного берега Ладожского озера. В ходе раскопок было обнаружено много артефактов, среди которых меня особо привлекли древние янтарные украшения.

Стало известно, что археологи нашли украшения из янтаря и в центре Санкт-Петербурга, на памятнике Охта 1, расположенном на мысу, образованном реками Большая Охта и Нева.

На территории Ленинградской области нет мест добычи янтаря, и мне стало интересно, как и откуда 6 тысяч лет назад люди получали янтарные украшения.

В ближайших окрестностях Петербурга памятники каменного века и периода раннего металла стали находить в начале – первой половине XX в. Это были стоянки на северных окраинах города: на восточном и западном побережье Сестрорецкого Разлива, в Лахте и в Токсово. Однако ни на одном из них не были найдены украшения из янтаря. На территории Южного Приладожья памятники эпохи камня были открыты в конце XIX века при прокладке Ново-Ладожского канала. Это знаменитые Приладожские

стоянки, где были собраны уникальные материалы от периода мезолита (среднего каменного века) до раннего металла, в том числе янтарные украшения. В 50-х годах XX века в районе юго-восточного Приладожья Н.Н. Гуриной были раскопаны 2 стоянки на р. Паше – Усть-Рыбежна 1 и 2. Коллекция стоянки Усть-Рыбежна 1 обширна и включает материалы от раннего неолита до периода раннего металла, среди которых, 3 янтарных украшения: 2 подвески и одно кольцо. Одно янтарное украшение было найдено на стоянке с сетчатой керамикой Усть-Рыбежна 2 (эпоха бронзы). Эти находки янтарных украшений приурочены к памятникам, расположенным, в основном, на крупных водных путях.

Наиболее крупная коллекция янтарных украшений была найдена при раскопках памятника Охта 1, расположенного фактически в центре Петербурга, на мысу между рекой Невой и рекой Большая Охта. Он был открыт в 2008 году при проведении раскопок крепостей Ниеншанц и Ландскрона. Во время раскопок 2008–2009 года была изучена площадь около 6700 кв. м, найденная коллекция насчитывает более 12 000 находок. Среди них – три группы неолитической керамики, несколько групп посуды эпохи энеолита, выразительный комплекс каменных орудий и отходов их производства, изделия из органики и дерева, янтарные украшения.

Коллекция янтарных украшений насчитывает 69 экземпляров, 13 из которых найдено возле остатков погребения, а остальные приурочены к разным участкам раскопанной площади памятника.

Все украшения изготовлены из красноватого прозрачного янтаря. К сожалению, после извлечения изделий из культурного слоя они быстро становятся блеклыми и требуют дополнительной реставрации (покрытия). На поверхности ряда украшений встречаются необработанные участки янтаря – не снятой первичной корки. Тем не менее, большинство украшений было не сломано, что позволяет сделать их классификацию.

За основу классификации, используемой большинством исследователей, в частности Ильзой Лозе, была

принята форма изделия, его размеры и характер крепления. По этим признакам украшения памятника Охта 1 могут быть разделены на следующие типы:

1) пугови (бусы) округлой формы с V-образным отверстием - 20 экз.

Пугови имеют различный размер:

- мелкие (диаметром 1.4–1.7 см),
- средние (диаметром 1.7–2.0 см),
- крупные (диаметром до 2.2–2.4 см)

Все изделия отличаются линзовидным сечением, толщина их 0.3–0.5 см.

На обратной стороне изделий имеются два встречных отверстия, которые образовывали канал V-образной формы. Через него протягивалась «нить», служившая для крепления пуговицы. Иногда снаружи украшений прослеживаются дополнительные отверстия – следы починки или брака в изготовлении. Поверхность украшений и их края обычно гладкие, лишь одна пуговица имеет насечки по краю.

2) подвески овальной или прямоугольной формы с закругленными углами – 11 экз.

Длина их от 1.4 до 2.1 см, ширина от 1.3 до 2.0 см.

Сечение овальное, толщина изделий 0.7–1.1 см.

Украшения крепились через отверстие, диаметром 3-4 мм, просверленное с одной стороны на узком конце подвески.

3) подвески трапециевидной формы – 10 экз.

Длина подвесок 3.2–2.2 см, ширина варьирует от 1.3 до 2.2 см. Сечение овальное и прямоугольное, толщина изделий 0.5–0.9 см. Четыре подвески гораздо крупнее остальных: 7.2–5.0 × 1.8–2.6 см. Также в предыдущих, в подвесках просверливалось одно отверстие. Только у двух изделий прослеживается два парных отверстия.

4) подвески различной формы – каплевидные, в виде «ключика», асимметричные с выступом на конце – 6 экз.

Сечение прямоугольной или овальной формы, толщина 0.4–0.7 см.

Янтарные украшения памятника Охта 1 обнаруживают близкое сходство с изделиями неолитических памятников Восточной Прибалтики – торфяниковой стоянки Сарнате в Латвии; стоянки Оса в Литве. На территории России, в юго-западном Прибеломорье, интересный и достаточно близкий охтинскому комплекс был найден на стоянке Залавруга II (погребение).

В бассейне Онежского озера такие украшения найдены в могильнике Тудозеро VI, в материалах поселения Модлона и могильника Каргулино.

Украшения подобного типа относятся ко времени позднего неолита и начала эпохи раннего металла конца IV–III тыс. до н.э. Это подтверждается датой по радиоуглеродному анализу, полученной по углю из остатков погребения Охты 1, рядом с которым было найдено 13 янтарных пуговиц, 3345–2550 г. до н.э.

Стоянка Подолье 1 находится в Ленинградской области, недалеко от деревни Подолье Кировского района, в бассейне реки Лавы, впадающей в Ладожское озеро в 4–5 км от памятника. Памятник был открыт в 2009 году, а первые раскопки были проведены летом 2011 года. Площадь стоянки предположительно занимает 5000 кв.м., 78 из которых было раскопано в 2011–2012 гг. под руководством Т.М. Гусенцовой, к.и.н., методистом Дворца детского и юношеского творчества Выборгского района.

Стоянка Подолье была заселена в неолите и раннем металле (конец V – конец IV/III тыс. до н.э.). В ходе раскопок мощного культурного слоя, сложенного песком и торфом, были обнаружены земляные структуры: пятна темного песка с включениями сырых и обожженных костей животных, позвонков рыб, камней и глиняной посуды, изделий из кварца и кремня, кусочков охры. Керамика относится к неолитической культуре гребенчато-ямочной керамики и культуре эпохи раннего металла с пористой и асбестовой керамикой. Среди каменных орудий кремневые наконечники, сланцевые тесла русско-карельского типа, последние, вероятно, поступали из западного Прионежья.

На памятнике открыты уникальные остатки рыболовных конструкций - деревянные колья, вбитые в русло древнего водоема, рыболовные грузила из сланца и камня, оплетенные берестой, фрагменты узелковой сети, лучины от рыболовных вершей или загородок.

В ходе раскопок было также обнаружено более 20 янтарных украшений. К сожалению, украшения были обнаружены на разных участках и уровнях культурного слоя – в песке, близко от современной поверхности (40–50 см), и в слое торфа, на глубине до 1.30 м от поверхности. Только в одном случае, были обнаружены одновременно 2 пуговицы.

В отличие от Охты 1, украшения изготовлены не только из красноватого, но и из желтого янтаря (3 экз.). Часть изделий представлена обломками, у которых трудно проследить форму. У ряда подвесок обломлены фрагменты верхней части там, где находятся просверленные отверстия для подвешивания, так как эти части украшений были наиболее хрупкими и часто ломались при извлечении их из плотного культурного слоя.

В целом сохранность украшений стоянки Подолье 1 хуже, чем Охта 1. Для классификации оказались пригодными только 15 украшений. Янтарь более мутный, на части из них имеется характерная патина от выветривания поверхности янтаря. Это связано с обнаружением ряда украшений в верхних песчаных слоях стоянки. Украшения, найденные в торфе во влажной среде, как и охтинские, имеют блестящую поверхность и хорошую сохранность.

Украшения могут быть разделены на следующие типы:

1) Пуговицы (бусы) круглые с V-отверстиями диаметром 1.2–1.4, 1.7–2.2; 5 экз. (рис. 5,6).

Сечение линзовидное, толщина 0.3–0.4 см

2) Пуговица-бусина квадратной формы с V-отверстием (рис. 9.2,3)

Размер – 1.4 × 2.2 см, сечение толщина 0.4 см

3) Подвески овальной формы с закругленными углами, 6 экз. (рис.7,8)

размеры 3.0–3.8 × 1.3–1.5 см сечение овальное, толщина 0.5–0.8 см

4) Подвески трапециевидной формы с закругленными углами, 5 экз. (рис. 9).

Размеры 2.2–2.5 × 1.4–1.7 см; сечение прямоугольное, толщина 0.4–0.5 см,

Отверстия для подвешивания просверлены преимущественно с одной стороны, диаметр их 3–4 мм.

В отличие от коллекции Охта 1, в Подолье 1 найдена пуговица квадратной формы с двумя V-образными отверстиями, но отсутствуют пуговицы с насечками по краю. Более выражена коллекция подвесок трапециевидной формы. Так же, как и охтинские, украшения стоянки Подолье 1, прежде всего, близки материалам Восточной Прибалтики.

Украшения обоих памятников имеют привозной характер. Ни на одной стоянке не было найдено кусочков янтарного сырья, только готовые вещи или их обломки. В Восточной Прибалтике изготовление янтарных украшений в эпоху неолита и начала раннего металла было поставлено на высокий уровень, и исследователям удалось проследить технологию изготовления украшений.

По мнению Л. В. Ванкиной янтарь обрабатывался примерно так же, как кремень, потому что они оба обладают сходными свойствами: легкое раскалывание при ударе и образование в месте раскола раковиноподобного узора. Янтарь и кремень могли обрабатываться одним и тем же умельцем.

Для обработки янтаря, скорее всего, использовались кремневые орудия. От большого куска янтаря откалывали маленький и придавали ему желаемую форму. После этого приступали к самой сложной части работы – сверлению отверстия. Иногда оно делалось с двух сторон, с расчетом на то, что оба канала встретятся, но они довольно часто не совпадали, или на украшении появлялись трещины, и его приходилось выбрасывать. Каналы также могли просверливать с двух противоположных сторон, чтобы они встретились внутри украшения, образуя «V-образное» отверстие. Но периодически отверстие было слишком близко к краю, и получалась сквозная дырка, либо ломалась «дужка» украшения. В таком случае сверлилось новое отверстие в

другом месте. Некоторые пуговицы, чтобы не выбрасывать украшение, «чинили» - одно отверстие ломалось, и просверливали новое.

Отверстия обычно сверлили кремневым шилом или маленьким сверлом, добавляя кварцевый песок. Иногда для сверления отверстия использовали костяные иглы, так как они, в отличие от свёрл, обладающих конусообразным остриём, имеют равномерную ширину и позволяют работать более точно.

Потом начинали обрабатывать поверхность украшения: шлифовать его галькой или песком. Готовое изделие полировали кожей, чтобы оно было гладким и блестело, но часто шлифовали только лицевую часть украшения, чтобы сэкономить время.

Находки янтарных украшений, относящихся к эпохе неолита и ранней бронзы на территории лесной зоны Евразии, были зафиксированы не только в Прибалтике, где известны месторождения янтаря, но и в Финляндии, Ленинградской области, Карелии, Вологодской области. В большинстве случаев они найдены на памятниках с неолитической гребенчато-ямочной керамикой и пористой, асбестовой керамикой раннего металла. Возможно, украшения были распространены среди близкого в культурном плане населения. Сейчас насчитывается более 100 памятников, где найдены янтарные украшения.

Исследователи пытаются найти ответ на вопрос о путях проникновения янтарных украшений из Восточной Прибалтики на территорию лесной зоны Европы. Имеется три основных точки зрения, объясняющих появление янтарных украшений далеко за пределами территории Юго-Восточной Прибалтики. По мнению большинства исследователей, распространение на севере Европы янтарных изделий обусловлено развитием процессов обмена или их интенсификацией в обществах охотников и рыболовов.

Александр Михайлович Жульников пишет: «Расширение в конце эпохи неолита масштабов обмена престижными вещами во многом было обусловлено возрастанием роли социального взаимодействия в адаптационных стратегиях

охотников и рыболовов лесной полосы Европы. В эпоху энеолита начинается массовое и устойчивое распространение отдельных видов престижных и ценных изделий и их накопление отдельными представителями общин охотников и рыболовов, что свидетельствует об определенных социальных изменениях в структуре коллективов древнего населения Севера Европы».

Финский исследователь Ю. Вуоринен заметил, что янтарь, в основном, находят в могильниках, и высказал предположение, что его распространение связано с «церемониальным» обменом (обмен ценными или престижными вещами, предполагающий последующее передаривание предмета). При этом влияние отдаленности той или иной территории от источника товара, судя по данным этнографии, сказывается слабо (до определенного предела).

Е. Л. Костылева и А. В. Уткин полагают, что в могильниках Волго-Окского междуречья, в которых были найдены янтарные украшения, было похоронено волосовское население, мигрировавшее с Юго-Востока Прибалтики. Есть также мнение, что на территории Приневской низменности и Приладожья янтарные украшения могли попасть в обмен на сланцевые рубящие орудия так называемого русско-карельского типа, изготовление которых было налажено древним населением в западном Прионежье.

На территорию Приневской низменности и юго-восточного Приладожья янтарные украшения, скорее всего, попадали водным путем, возможно, вдоль морского побережья. Также, как и в бассейн Белого моря, где большое количество янтаря было найдено стоянках Залавруга II, IV, в низовье р. Выг. Значительное количество янтарных украшений было найдено вблизи побережья Онежского озера на могильнике Тудозеро.

Восточные типы янтарных украшений в неолите и энеолите из Юго-Восточной Прибалтики поступали в северном, северо-восточном и восточном направлениях. Южное направление для этого периода, напротив, практически не прослеживается. Картографирование памятников с числом найденных на них украшений более 10, показало, что

большая их часть относительно равномерно располагается в пределах «северо-восточного» сектора с максимальным удалением по прямой от Лубанской низины и юго-восточного побережья Балтийского моря на 1000–1050 км. Эта избирательность в направлениях поступления восточных типов янтарных украшений демонстрирует основной вектор связей населения Юго-Восточной Прибалтики в конце эпохи неолита и, отчасти, энеолите. Расстояние около 1000 км, видимо, является предельным для той формы обмена, согласно которой янтарные украшения распространялись в массовом масштабе с территории Юго-Восточной Прибалтики.

На основании классификаций янтарных украшений, предложенных прибалтийскими исследователями, была сделана типология украшений памятника Охта 1 (69 экз.) и стоянки Подолье 1 (15 экз.). Выделены две основных категории изделий: пуговицы (бусины) с V-образными отверстиями на обратной стороне и подвески овальной или трапециевидной формы с преимущественно односторонним просверленным отверстием для крепления. Из единичных украшений следует отметить пуговицу с насечками по краю на памятнике Охта 1 и квадратную пуговицу на стоянке Подолье 1. На этой же стоянке отмечены изделия из желтого янтаря, не встречавшегося в коллекции Охты 1.

Все изделия имеют привозной характер. На памятниках не найдено кусочков необработанного янтаря, мелких сколов, свидетельствующих об их изготовлении на месте. На памятнике Охта 1 часть украшений (13 пуговок), возможно, относятся к остаткам погребения, рядом с которым они были найдены. Стоит отметить, на этом же памятнике находки крупных трапециевидных подвесок в заполнении естественной ямы, оставшейся от водоема. 2 пуговицы были найдены рядом на одном из участков стоянки Подолье 1. На этой же стоянке обращает внимание наличие большого количества кусочков охры, очень часто встречающейся в погребениях. Остальные украшения на обоих памятниках были рассеяны по всей площади раскопов.

Поэтому на данном этапе исследований можно только предположить, что часть украшений была связана с погребальными комплексами, как это отмечают многие исследователи для сопредельных территорий, где выявлено более 100 памятников с янтарными украшениями.

Янтарные украшения памятника Охта 1 и стоянки Подолье 1 аналогичны материалам, прежде всего, Восточной Прибалтики. Сейчас трудно сказать, из какого прибалтийского района поступали украшения. Наиболее вероятными являются территории Лубанской низменности в Латвии и Сарнате в Эстонии. Возможно, украшения поступали водным путем вдоль морского побережья и по рекам вглубь территории взамен каких-то вещей, в частности рубящих орудий русско-карельского типа. Мы делаем такое предположение, потому что территория Приневской низменности и Южного Приладожья находилась на удобном пути обмена янтаря на рубящие орудия из камня (сланца), которых не было в Восточной Прибалтике. Известно, что за каменным сырьем люди преодолевали расстояние до 500 км.

По имеющимся радиоуглеродным датам и аналогиям украшения памятников могут быть датированы IV–сер III тыс. до н.э. Украшения, в основном, принадлежали носителям культуры пористой и асбестовой керамики эпохи раннего металла.

Использованная литература и источники:

1. Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате / Музей истории Латв. ССР. – Рига : Зинатне, 1970. – 268 с.
2. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 588 с.
3. Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. Охта 1 – первый памятник эпох неолита и раннего металла в центральной части Петербурга // Российский археологический ежегодник. – СПб., 2011. – Вып. 1. – С. 421–451.
4. Жульников А.М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н.э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций : [сб. ст. междунар. науч. конф. (С.-Петербург, 8–13 окт. 2007 г.) / отв. ред.: Г.А. Хлопачев]. – СПб., 2008. – С. 134–146.

ПРЕДМЕСТЬЯ ПЕТЕРБУРГА

5. Иванищев А. М. Могильник на Тудозере // Изв. Вологод. о-ва изучения Северного края. – Вологда, 1996. – [Вып.] 5. – С. 3–9.
6. Костяшова З. В. Происхождение и свойства янтаря. – Калининград: Калинингр. музей янтаря, 2008. – С. 31–42.
7. Прокопец В. В. Павел Тутковский и янтарь Украины // Добыча и обработка янтаря на Самбии. – Калининград: Изд-во РГУ им. Иммануила Канта, 2010. – С. 174–178.
8. Савватеев Ю. А. Залавруга : археол. памятники низовья реки Выг / АН СССР, Карел. фил., Ин-т яз., литературы и истории. – Л. : Наука. – 326 с.
9. Сорокин П. Е. История археологических исследований Петербурга. Изучение допетровской истории Приневского региона в XVIII – первой половине XX в. // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. – СПб. : Северо-западный институт Наследия, 2009. – Вып. 3. – С. 11–51.
10. Тарасов А., Гусенцова Т. М. Рубящие орудия поселения Охта 1 в Санкт-Петербурге (из раскопок 2008–2009 гг.) // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. – СПб. : Изд. РАН ИИМК и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2012. – С. 207–213.
11. Loze I. B. Amber processing in Ica Late Neolith settlement (Lake Lubans Depression) // Человек, адаптация, культура. – М. : ИА РАН, 2008. – Р. 440–450.
12. Loze I. B. Prehistoric amber in the Eastern Baltic. – Rezekne : Latgale cultural centre publishers, 2004. – 136 с.

Масальских Татьяна

9 класс, 529 школа,
Петродворцовый район

В. Е. Ардикуца.
Летопись Петергофа на страницах
газеты «Заря Коммунизма»

Василий Ефимович Ардикуца родился 11 августа 1912 года в украинской семье в селе Демковка Тростянецкого района Винницкой области. В 1928 году окончил семилетнюю школу в селе Капустянка, затем рабочий факультет, а в 1935 году – исторический факультет Винницкого педагогического института. Работал учителем истории в Винницкой педагогической школе, но в сентябре 1935 года его призывают в Красную армию. Офицер, участник Великой Отечественной войны. Награжден: орденом Красной Звезды (1943 г.), медалью «За оборону Москвы» (1944 г.), «За победу над Германией», «За взятие Вены», «За трудовое отличие» (1945 г.), «За честный самоотверженный труд» (1948 г.).

В 1939 году В. Е. Ардикуцу призывают снова в армию, и он служит в железнодорожных войсках. Военный послужной список офицера В. Е. Ардикуцы чрезвычайно интересен – строительство, ремонт железных дорог в мирное и военное время. Это позволило изучить географию СССР: Амурская железная дорога, Акмолинск, Кустанай, Баку, Новгород, Вологда, Ржев, Окуловка, Волхов – далеко не весь перечень районов, где пришлось служить.

В 1950 году майор Ардикуца переводится на службу в Старый Петергоф, сюда же переезжает семья – жена, Александра Петровна Ядрихинская, и сын, родившийся в 1946 году. Член коммунистической партии 1942 года, учитель истории, бывший военный, майор запаса В. Е. Ардикуца приходит в школу № 415, сегодня это гимназия имени Александра II, учителем военного дела.

В. Е. Ардикуца, видя восстанавливающийся Петергоф, не мог, как историк по призванию, не заглянуть в историю края. Историко-краеведческая работа захватывает его полностью. Он работал в различных архивах, сортировал найденный материал и раскладывал по папкам. Когда накопилось много интересных находок, сработала черта доброго человека, учителя – желание поделиться своими знаниями с людьми. В то время ведутся работы по восстановлению Петергофских дворцов и парков. Василий Ефимович водит экскурсии по парку, а для этого требуются обширные познания. За всю свою творческую жизнь Ардикуца написал и выпустил в свет четыре книги о Петергофе и одну книгу о Стрельне.

Умер Василий Ефимович Ардикуца от тяжелой болезни, не дожив несколько дней до своего 67-летия. Нелегко сосчитать, сколько было опубликовано статей. И теперь не узнать, сколько еще их было задумано. Василий Ефимович «до последних своих дней жил планами и замыслами». О жизни этого человека не издавались книги. В архиве районной библиотеке есть статьи, рассказывающие о его жизни. В 2012 году в Петродворцовом районе издан сборник «След в истории. В. Е. Ардикуца».

Исследование жизни и творчества краеведа началось со школы, в которой я учусь. В ней работает удивительный человек, большой знаток истории Петергофа, библиотекарь, член общества «Возрождение Петергофа» Валерия Семеновна Михайлова. Именно к ней я пошла со своими первыми вопросами, но Валерия Семеновна не спешила на них отвечать, а отправила меня в краеведческий отдел районной библиотеки на Эрлеровский бульвар. В этом зале хранится огромная папка с ксерокопиями газетных статей – Архив газетных публикаций В. А. Ардикуцы, которая создавалась к столетию со дня его рождения. Я начала свою работу с ксерокопий статей, хранящихся в этой папке, но работать с ними было очень неудобно. Каждую статью приходилось доставать и разворачивать из файла, читать, складывать обратно, себе в черновиках делать пометки, дома заново набирать тексты. Но мне казалось, что

сложность заключается именно в этом – найти и выписать, прочитать... и узнать для себя что-то новое. Мой учитель предложила для быстроты ксерокопировать статьи для домашнего изучения, но это оказалось дорогим, так как статей в папке было достаточно много. Так я несколько дней провела в библиотеке, выписывая названия статей и время их издания, пока не задала себе вопрос: «А что дальше? Что делать со всем этим материалом?»

Мой педагог Вероника Владимировна Шибанова отправилась со мной в библиотеку, чтобы помочь мне. Мы вместе просмотрели еще раз эту папку, обратили внимание на то, что статьи разделены по годам издания с 1960 по 1979. Сотрудник краеведческого отдела библиотеки Елена Александровна Рябко предложила нам огромный альбом, на обложке которого стояла рукописная дата – 1972 год. И тут начались наши вопросы, удивления, открытия. Много таких альбомов? Кто их собирал?

Можно ли их все увидеть?

Стало известно, что в 2006 году исполнилось 60 лет Центральной районной библиотеке города Петродворца, деятельность которой тесно связана с развитием краеведения и возросшим интересом ее читателей к истории и достопримечательностям родного края. В 1948 году библиотека справила свое первое новоселье в Струковском особняке на Красном проспекте – одном из примечательных архитектурных мест Петергофа. В 1962 году библиотеке отвели специальное помещение – первый этаж в новом жилом доме на противоположной стороне Красного проспекта (в этом доме в настоящее время располагается Районная детская библиотека). А спустя 11 лет в 1973 году библиотека еще раз справила новоселье на бульваре Ленина (сейчас Эрлеровском бульваре), дом 18, где сегодня и находится. С 1965 года библиографами Библиотеки ведется Краеведческая картотека района, которая включает материалы по истории района: книги, брошюры, статьи из журналов и газет. Оказывается, библиотекарь нашей школы, член общества «Возрождение Петергофа», Валерия Семеновна

Михайлова в молодости работала и собирала по крупицам краеведческий материал.

Также из материалов сайта библиотеки в разделе «Хронограф» стало ясно, что 2 августа 1979 года вышел 5000-й номер районной газеты «Заря коммунизма», а история главной районной газеты насчитывает уже 90 лет. Вот тут у меня и родилась идея на основе газетных статей познакомиться с творчеством Василия Ефимовича и проследить историю нашей районной газеты, в которой долгие годы печатались удивительные статьи этого краеведа.

Первым Петергофским печатным изданием был «Листок объявлений». Он издавался в течение трех лет – с ноября 1864 по декабрь 1867 года. Печатался в Кронштадте в типографии В. Керра, который являлся одновременно и редактором этого издания. В Петергоф «Листок объявлений» доставляла почтовая карета, а приобрести его можно было или в почтовой конторе, что на Санкт-Петербургской улице, где, кстати, принималась и подписка, или же у местных обывателей, чиновников Н. Ф. Морина и А. С. Мурузи. Принимаемые к публикации сообщения составляли четыре рубрики, которые назывались: «Распоряжения городского начальства», «Казенные объявления», «Частные объявления» и «Указатель». Примечательно, что последний раздел – это не только адреса, указатели предстоящих торгов, прейскуранты, но и расписание движения пригородных поездов. Однако первой петергофской газетой «Листок объявлений» можно назвать условно, поскольку большая часть публикуемых сообщений предназначалась для жителей Ораниенбаума и Кронштадта. И все-таки жизнь столицы фонтанов также отражалась на страницах этого издания.

В 1909 году статский советник С. М. Долгополов получил разрешение издавать в Петергофе «Вестник Петра Великого». На должность редактора издатель рекомендовал уездного врача Л. В. Рыбальченко, но тот отказался. Другой кандидатуры не нашлось, поэтому газета так и не состоялась. Летом 1912 года И. А. Блинов и К. И. Есеновский выпустили 7 номеров Стрельнинской газеты «Дачница». В ней публиковались поэты-футуристы, а в рубриках «Дачная пыль»

и «Дачная жизнь» помещалось множество летних, «отдохновенных» материалов. Здесь же можно было прочесть театральные и литературные рецензии. Летнюю жизнь Ораниенбаумской ветки Балтийской железной дороги в начале XX века, кроме газеты «Дачная жизнь», освещали газеты «Дачник» (1909), «Ораниенбаумский дачный листок» (1907–1908). В 1912 году в Стрельне стала выходить газета «Дачница». Событие это свидетельствовало об особом положении, которое Стрельна заняла в ряду других дачных мест. Для нас значение газеты также трудно переоценить, поскольку именно из нее мы узнаем о тех событиях, которые были важны для Стрельны и слишком незначительны для отражения в общих дачных газетах. «Дачница» в подробностях пишет о всех развлечениях, существовавших в Стрельне в то время, помещает рекламы стрельнинских лавок и т. п. Именно из нее мы узнаем о стрельнинских циклодроме, как тогда называли велодром, и скейтинг-ринге, о знаменитейшей стрельнинской пожарной дружине князя Львова, об одном из первых в России яхт-клубе, организованном в Стрельне.

Летом 1918 года в Петергофе начинает выходить еженедельная газета «Красный листок». Здесь помещались распоряжения властей, широко освещалось советское строительство в Волостях Петергофского уезда, а также печатались агитационные материалы. С 1920 года в Петергофе начала выходить газета «По красному пути». Она издавалась до 1921 года и являлась органом Петергофского уездного комитета партии большевиков и уездного исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов. Это еженедельное издание читали как в самом Петергофе, так и в окрестностях, включая Ропшу.

Следующая страница газетной жизни района – 30-е годы, ставшие расцветом низовой, многотиражной прессы. Так, в 1931 году на Петергофской гранильной фабрике издается газета «Граниловец». Выходила она тиражом 600 экземпляров и освещала события внутриводской жизни. В 1932 году издавалась газета «За новый быт» – орган парторганизации и месткома домов отдыха и

домов инвалидов Петергофского уезда. А несколько позже, в 1933–1934 годах – «Бюллетень», орган Петергофского городского комитета ВКП(б) и горсовета. Его тираж достигал трёх тысяч экземпляров. «Бюллетень» широко информировал о планах по социалистической реконструкции Петергофа.

В июне 1934 года начинает выходить «Колхозная газета», орган политотдела Петергофской МТС, а в 1935-м – газета «За социалистический Петергоф». Перед войной, в 1939-м году издается еще одна газета, которая называлась «Вперед» и представляла дома отдыха Петергофского района. В 20–30-х годах в столице фонтанов размещалось около двадцати всевозможных здравниц, поэтому тираж газет, ими издаваемых, нередко превышал тысячу экземпляров.

В победоносном апреле 1945 г. в Петергофе выходит газета «По сталинскому пути», в 1956 году она была названа «Зарей коммунизма». Эта газета издавалась по 1983 год. Выяснилось, что сотрудниками районной библиотеки бережно хранятся альбомы, в которых собраны все номера газеты «Заря коммунизма» с 1960 по 1983 год, которая три раза в неделю выходила в свет и радовала новостями и интересными публикациями жителей нашего района. Эти альбомы называются архивом газетных публикаций. Интересно, что в период с 1950 по 1960 год в библиотеке не было подшивок районных газет, и для Е. А. Рябко причины этого пока остаются неизвестными.

Немного удивило такое частое изменение в названиях газет на протяжении первой половины 20 века, значит, были причины, по которым так часто меняли не только названия, но и руководство печатного органа. В альбомах, предложенных мне Е. А. Рябко, нашлись переименования в названиях газет – газета «По сталинскому пути» стала называться «Зарей коммунизма».

Держа в руках огромные альбомы газетных подшивок, хотелось разобраться, когда и по какой причине произошли переименования в названиях газет «По сталинскому пути» в «Зарю коммунизма». Было определено, что последний номер газеты «По сталинскому пути» был издан

1 июля 1956 года, это был № 53, а первый номер газеты «Заря коммунизма» появился 5 июля 1956 года под номером 54. Пролистав ближайшие к этим датам номера газет, я пыталась найти объяснения этому факту. Как могло произойти такое стремительное изменение в названии печатного органа нашего района? Никаких статей, никаких объяснений. Сотрудники библиотеки разводили руками и комментировали наши действия: «...как вы до этого догадались, ну надо же!!!» Тогда с таким же вопросом мы обратились к В. С. Михайловой и получили от нее интересное предположение, что такое быстрое переименование в названии газеты, скорее всего, было связано с тем, что как раз в те годы развеивали культ личности И. В. Сталина. Был найден документ – это доклад первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», который был заслушан делегатами съезда на утреннем закрытом заседании 25 февраля 1956 г. На сайте есть сноска, что этот доклад был опубликован в журнале «Известия ЦК КПСС» (1989. № 3). «Товарищи! Ленин не раз подчеркивал, что скромность является неотъемлемым качеством подлинного большевика. И сам Ленин был живым олицетворением величайшей скромности. Нельзя сказать, что в этом деле мы во всем следуем ленинскому примеру. Достаточно хотя бы сказать, что многочисленным городам, фабрикам и заводам, колхозам и совхозам, советским, культурным учреждениям розданы у нас на правах, если можно так выразиться, частной собственности имена тех или иных государственных и партийных деятелей, еще здравствующих и процветающих. В деле присвоения своих имен различным городам, районам, предприятиям, колхозам многие из нас соучастники. Это надо исправить».

Можно предположить, что этот доклад и был той причиной, по которой переименовывались города, улицы, проспекты, газеты во многих городах нашей страны. Такие изменения коснулись и нашего района. Это был 1956 год. С 5 июля 1956 года по 1985 в нашем районе «летописью нашего города» стала газета «Заря коммунизма», она просуществовала почти 30 лет. В номере «Петергофский вестник»

от 1 января 1990 года есть статья «Как погасили «Зарю»». В этой статье автор М. Фридман рассказывает о причинах закрытия этой газеты. «Кому помешала газета, под заголовком которой значилось: «Выходит с августа 1918 года»? Прервалась обратная связь местных партийных, советских и общественных организаций с населением». По утверждению автора статьи виновник этого события - бывший первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов, являвшийся в тот момент депутатом от города Сосновый Бор, который тоже мечтал иметь свой печатный орган. В то время нужно было искать финансовые ресурсы, и первой жертвой стала петродворцовая газета, так утверждает автор М. Фридман. Еще одну причину называет автор – это передача города Ломоносова в административное подчинение исполкома Петродворцового районного Совета народных депутатов. Сложившаяся ситуация не позволяла в одном районе выходить двум газетам – «Заре коммунизма» и «Балтийскому лучу». Автор дает свои комментарии и по поводу переименования газеты после войны. «После войны газету нарекли именем «По сталинскому пути». Ну, скажите, кому пришло в голову связать бывшую парадную резиденцию русских императоров с именем «вождя всех народов? Кто решил, что заря светлого будущего взойдет именно здесь, на южном берегу Финского залива, над шатровой крышей Большого Петергофского дворца?» В этой статье автор благодарит тех горожан, которые писали и требовали, чтобы у нас в Петергофе появился снова свой печатный орган, только теперь он стал называться «Петергофским вестником».

Как стало известно, информационный «пробел» 80-х годов заполнила газета «Ракета», которая выходила в свет с апреля 1984 года по 1993 год, это был печатный орган Петродворцового часового завода. Газета освещала актуальные проблемы района, рассматривала многие вопросы краеведения. В то время еще выходила газета «Перспектива: Вести Ораниенбаума, Петродворца, Стрельны». После 10-летнего перерыва 1 января 1990 года

эта газета стала выходить под названием «Петергофский вестник».

Пролистав множество номеров газет «Заря коммунизма» мне удалось выяснить, что статьи В. Е. Ардикуцы начали печататься с 1960 года. Первой его печатной статьей была статья «Так создавалась гимназия» в рубрике «Из прошлого нашего района». Эта статья была опубликована 24 января 1960 года в номере 7 на странице 2. В этой статье рассказывается, как в 1848 году Петергоф стал уездным городом. По существовавшему положению в каждом уездном городе должно было быть общеобразовательное учебное заведение типа прогимназии или гимназии. Так, на страницах местной газеты стали появляться интереснейшие статьи краеведа Василия Ефимовича Ардикуцы. Ему в то время было 48 лет. Газета «Заря коммунизма», в которой печатались статьи краеведа, появилась на свет 1965 году, а статьи В. Е. Ардикуцы публиковались до 1979 года, года его смерти.

Каждый год выходило по 155 номеров, а это значит, что мне удалось просмотреть 2945 газет с 1960 по 1979 год. Статьи Ардикуцы были напечатаны в 177 номерах. Первая его статья появилась в 1960 году в рубрике «Из прошлого нашего района», а последняя была издана в 1979 году, в рубрике «Из прошлого».

Вот разделы газеты «Заря коммунизма», в которых печатались статьи Ардикуца: Из прошлого нашего района, Заметки краеведа, Зеленое богатство Петродворца, История и современность, История одного памятника... Конечно, за 14 лет разделы газеты меняли свои названия, но содержание оставалась прежним. Василием Ефимовичем были опубликованы многочисленные статьи по истории нашего края, основанные на архивных данных. Много работ вышло и по Петергофу. При этом Ардикуца не только занимался изучением забытой истории района, но и прикладывал большие усилия по сохранению и реставрации памятников истории и культуры. Он был одним из тех, кто начал заниматься историей «малой родины» еще тогда, когда

основным содержанием ленинградского краеведения была история революционных, боевых и трудовых подвигов.

Выяснилось, что в 1964 году на странице газеты «Заря коммунизма» была опубликована только одна статья в номере 53, которая называлась «Возвращенный «Нептун». Это связано, как мне кажется, с тем, что в этом году Ардикуца усиленно работал над созданием книги «Петродворец», изданной в 1965 году.

Подводя итог выше сказанному, хочется отметить, что многие, кто познакомятся с краткими аннотациями статей В. Е. Ардикуцы, составленными автором данной работы, откроют для себя множество удивительных страниц из истории Петергофа и захотят целиком перечитать статьи.

В данной исследовательской работе прослежена история появления печатных изданий в нашем районе от газеты «Листок объявлений» до «Петергофского вестника». Составлен список всех статей В. Е. Ардикуцы, изданный в районной газете «Заря коммунизма». Всего было издано 177 статей с 1960 года по 1979 год.

Книги и статьи В. Е. Ардикуцы позволили нам, юным краеведам, окунуться в прошлое нашего родного города. Благодаря книге «След в истории. В. Е. Ардикуца» удалось познакомиться с удивительной и интересной личностью, его печатными статьями, узнать новые страницы истории родного края.

И пусть каждый, берущий в руки статью или книгу В. А. Ардикуцы, открывает для себя новые, удивительные страницы из жизни любимого города!

Использованная литература и источники:

1. Акимова Н. Ф., Михайлова Б. С., Терентьев А. С. История Петергофского краеведения. – СПб. : НИИХ СПбГУ, 1999.
2. След в истории. В. Е. Ардикуца : столетию со дня рождения краеведа В. Е. Ардикуцы посвящается... / авт.-сост. А. А. Максимова. – Петергоф : Нестор–История, 2012. – 96 с.
3. Запись со слов Е. А. Рябко. 2012. 29 окт., 30 дек.
4. Запись со слов В. С. Михайловой. 22 ноября 2012 г.

Сакович Ольга

8 класс, 408 лицей,
Пушкинский район

«Вокруг дома на Павловском...»

В Царском Селе, кроме знаменитых дворцов и каменных особняков, было немало замечательных деревянных домов. В их проектировании и строительстве участвовали лучшие архитекторы своего времени: В. И. Гесте, В. П. Стасов, И. А. Монигетти, Н. С. Никитин, А. Ф. Видов, А. Х. Кольб, В. М. Горностаев, Б. Д. Рожанский, С. А. Данини и др. Некоторые из домов когда-то были подлинными достопримечательностями города. К середине XIX века, в основном, сформировался облик царскосельских улиц. В городе было 230 деревянных домов. К началу XX столетия уже более 500. К нашему времени от всей этой деревянной красоты осталось очень немногое, да и то под угрозой полного исчезновения. В городе Пушкине ещё сохранилось несколько десятков деревянных зданий, являющихся объектами культурного наследия разных категорий охраны. Их надо сохранить.

Данное исследование посвящено истории дома № 6 по Павловскому шоссе. Наверное, каждый дом имеет историю, достойную описания. Участки земли под строительство дач в Царском Селе стали отводить в 1855 году, о чем свидетельствует подробное описание их размеров и виза министра Императорского Двора графа Адлерберга. Участки с дачами и садами образовали сплошные зеленые кулисы вдоль границы Отдельного парка и располагались таким образом, что не нарушали сложившуюся систему парковых дорог. Участки получили княгиня З. И. Юсупова, поручик Лейб-гвардии Царскосельского Стрелкового батальона Девиен (позже половина территории перешла к царскосельскому купцу Д. А. Дрожжину, другая половина – А. М. Заржецкому), жена полковника О. Е. Шухт, Профессор Академии художеств Н. Сверчков, жена коллежского секретаря М. Р. Ростовцева. Один дом известен

как дача архитектора С. А. Данини. Завершило формирование исторической застройки по Павловскому шоссе в Отдельном парке здание магазина Царскосельского отделения Гвардейского экономического общества.

Интересующий нас дом № 6 (современная нумерация) – это бывшая дача М. Р. Ростовцевой, которая располагалась между дачей З. И. Юсуповой (начало строительства – 1856 год) и магазином Гвардейского экономического общества (1910–1911 гг.)

В 1874 году «По указу его Величества Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссийского» читаем «О Всемиловитейше пожалованном жене коллежского секретаря Ростовцевой Марии Робертовне участка земли в Отдельном парке по Павловскому шоссе». В том же году М. Р. Ростовцева представила проект дома со службами и получила разрешение на строительные работы.

О начале строительства сообщается господину архитектору академику А. Видову. Архитектор А. Видов обследует участок в 55 погонных сажений вдоль Павловского шоссе и 70 погонных сажений в глубину парка, составляет план участка в 1888 году.

В адресной книге за 1895 год – владелица дачи Ростовцева М. Р., жена уездного предводителя дворянства Царскосельского уезда, действительного статского советника Ростовцева Ивана Александровича. В 1901 году (3 июля) Ростовцев Иван Александрович умирает. Был похоронен на Казанском кладбище Царского Села. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга есть подробный материал «Об опеке над имуществом умершего Д. С. С. Ростовцева И. А.». Окружной суд даёт Свидетельство на предмет назначения опекуна к имуществу умершего И. А. Ростовцева. Опекунов два: Скачков П. И. (крестьянин), Радкович С. М. (присяжный стряпчий).

Дворянская опека по заявлению губернского секретаря Василия Ивановича Ростовцева снимает опеку. «Прилагая при сём копию исполнительного листа СПб Окружного Суда об утверждении меня (Василия) и братьев моих Александра и Николая и сестер Марию и Елизаветы

Ростовцевых и Натальи Мандрика (жены гвардии поручика, очевидно, Александра, сост.) в правах наследства по имуществу отца нашего».

Далее подготавливается «Исполнительный Лист по Указу Его Императорского Величества», где подробно расписана доля каждого наследника: «...дочери: Мария, Елизавета, Наталья (Мандрика) по 1/14 домов каждая, сыновья: Василий, Александр, Николай по 1/42 части каждому. Вдова наследует остальное городское имущество, а загородное имение (т.е. Павловское шоссе, д. 2-б) полностью за вдовой». В 1902 году умирает Николай, через 3 года погибает Александр. Читаем на памятнике на Казанском кладбище в Пушкине: «Ростовцев Николай Иванович (1880–1902) и Александр Иванович (1873–1905), полковник, «от ран, полученных в войне с Японией, тело его осталось в Манжурии», сыновья И. А., камергера Е.И.В., видного деятеля Царского Села».

В 1914 году владелицей имения ещё является М. Р. Ростовцева, что подтверждают архивные документы. Однако с 1915 года М. Р. Ростовцева с дочерьми покидает Царское Село и живет в Петрограде. А у дома по Павловскому шоссе начинается новая жизнь.

Хозяевами царскосельской дачи становятся Дидерихсы, фабриканты. Их главный доходный дом был на Владимирском проспекте, д. 8, а фабрика по производству пианино и роялей располагалась на Васильевском острове. Первая в России фортепианная фабрика появляется в Санкт-Петербурге в 1810 году. Основал её выходец из Германии Фридрих (Федор) Дидерихс. В 1868 фабрика переходит к старшему сыну Роберту Федоровичу (1836–1893), к которому вскоре присоединяется и младший сын Андрей Федорович (1838–1904). Появляется фирма «Братья Р. и А. Дидерихс». На Всемирной промышленной выставке в Париже в 1900 году инструмент их фирмы получил Гран-при. После смерти А. Дидерихса в 1904 г. (а может быть в 1909 г., т.к. в справочнике «Весь Петербург» за 1909 г. есть Андрей Федорович Дидерихс, потомственный почетный гражданин, домовладелец), управление перешло

к его сыновьям Андрею и Федору. Интересно было найти рояль фирмы «Дидерикс» в Пушкине в настоящее время. Поиски оказались успешными. Дом-Музей П. П. Чистякова (Московское шоссе, д. 23) приобрел через комиссионный магазин в 1989 году (открылся музей в 1987 г.) рояль фирмы «Дидерихс». Фабрика братьев Дидерихс закрылась в 1917 году. Значит этому роялю почти 100 лет. Сегодня инструмент используется при всех музыкальных встречах в Музее.

После 1917 года для дома снова наступает другая жизнь. В нём чуть больше 10 лет работает музыкальная школа И. А. Гляссера. В книге А. Митенёва «Музыка в Детском Селе. Царскосельский альманах» читаем воспоминания о музыкальной школе:

«В далёком 1918 году Гляссер перевез из Петрограда в Детское Село имущество, инструменты, ноты своих знаменитых музыкальных курсов. На некоторое время курсы обосновались на углу Колпинской и Леонтьевской улиц, но уже в 1920 году переехали в бывший царскосельский дом Дидерихсов по адресу: Детское Село, Слуцкое шоссе, дом 2–6 (ныне Павловское шоссе, д. 6). Дидерихсы переписали (?) дом на Гляссера перед тем, как уехать за границу. Дидерихсы уехали не все. Младшие, Леонид и Андрей, ученики Гляссера, остались, и впоследствии братья играли в оркестре Леонида Утесова: «Условия для занятий были прекрасные: двухэтажный громадный особняк с просторными помещениями с высокими потолками, украшенными лепниной, с хорошей акустикой».

Игнатий Альбертович Гляссер, оставив себе, сыну Игнатию и жене Ольге Фёдоровне маленькую угловую квартирку, всю остальную часть первого этажа занял под музыкальную школу, еще называвшуюся Курсами. Тогда же по прошению Гляссера к советской власти его музыкальные Курсы были превращены в госбюджетную Народную консерваторию, которая имела отделения в городах Детскосельского уезда. Через некоторое время Консерватория получила статус Техникума. В 1923 году на основании решения Ленинградского отдела

профобразования Техникум был снят с госбюджета и переименован в Детскосельскую Музыкальную школу 1-й и 2-й ступени, относящуюся к Ленинградпрофбру.

Игнатий Игнатьевич остался жить с отцом при музыкальной школе. Ольга Федоровна Гляссер-Мякишева преподавала и одновременно состояла в должности художественного секретаря. Игнатий Альбертович кроме занятий с учениками выполнял различную административную работу, переписывался с вышестоящими органами, хлопотал по различным хозяйственным делам. Музыкальная жизнь Царского Села озарилась новым светом. По воспоминаниям очевидцев, в музыкальной школе Гляссера давали оперные спектакли, концерты. Здесь учились два сына Дидерихсов Андрей и Леонид, впоследствии ставшие известными джазменами. Сюда приезжали отдохнуть душой поэты и музыканты.

«Общее число учащихся к 1 октября: 83 + 20 учеников без оплаты». Учителя I ступени: Акатова Наталия Михайловна — пианино, Лобанова Антонина Петровна — пианино, Лисс Вольф Фёдорович — пение. Учителя II ступени: Гляссер Ольга Фёдоровна — пианино, Харламов Юрий Николаевич — пианино, Турыгина-Андреева — пианино. Класс теории и гармонии — Куралесин Константин Михайлович. Класс хорового пения — Лисс Вольф Фёдорович». Ещё в разные годы преподавали Брандарф Ольга Николаевна, сын Игнатия Альбертовича Игнатий Игнатьевич — скрипка, Дидерихс Леонид Андреевич — пианино».

Выпускница 1930 года 2-й Детскосельской школы Л. Баранова (Зегжда) вспоминает: «Музыкальная жизнь Детского Села была неотъемлема от музыкальной школы И. А. Гляссера. Игнатий Альбертович — известный теоретик игры на фортепиано, прекрасный педагог, организовал в 1915 году (ошибка Л. Барановой — в 1886 г.) в Петрограде музыкальные курсы. На этих курсах учился Дмитрий Шостакович. В 1918 году Гляссер переезжает в Детское Село и в одном из домов на Павловском шоссе организует музыкальную школу, в которой преподаёт сам и ещё три преподавательницы».

Непревзойденным виртуозом по количеству разных фокстротов был в Детском Селе Леонид Дидерихс. После окончания 1-й Детскосельской школы он поступил в консерваторию, но увлечение джазовой музыкой привело его в 1929 году в джаз-оркестр Утесова.

Леонид Утесов очень ценил талантливое пианиста, многие записи песен оркестра Утесова были в обработке Л. Дидерихса. В своей книге воспоминаний Л. Утесов уделил ему много внимания, вспомнив даже момент его безвременной кончины. Андрей Дидерихс играл в том же джазе на саксофоне долгие годы.

Игнатий Альбертович Гляссер умер в 1925 году. Похоронен на Казанском кладбище. Памятник на могиле был поставлен на средства, собранные учащимися и преподавателями музыкальной школы.

Игнатий Игнатьевич Гляссер после кончины отца из школы ушел. По решению коллектива музыкальной школы ей было присвоено имя И. А. Гляссера. А Ольга Федоровна стала директором школы и работала в этой должности до 1931 года. Такой детская школа и должна была остаться в истории музыкальной жизни города Пушкина.

Хозяйкой (революция хозяев как класс ликвидировала) дома, точнее арендаторшей, оставалась Берта Леонидовна Дидерихс, жена, а потом вдова Андрея Андреевича Дидерихса (старшего). А.А Дидерихс умер в 1923 году в Москве. Борьбу за дом Берта Леонидовна ведет одна. Берта Леонидовна не имеет материальных средств на ремонт дома, поэтому некоторые комнаты, находящиеся в плохом состоянии, из-за невозможности их сдавать, пустуют, не приносят дохода.

Берта Леонидовна уезжает в Ленинград (адрес не смогли пока уточнить) и умирает в 1942 году в блокаду. На запрос в Архив кладбищ по Санкт-Петербургу о захоронениях Дидерихсов получили ответ, который практически ничего не прояснил. Много Дидерихсов проживавших в Петербурге, потом Ленинграде, похоронены на Смоленском, Волковском, Пискаревском кладбищах, но Берты Леонидовны и её родственников в полученных списках нет.

Квартиры в доме № 6 по Слуцкому шоссе (это название существовало с 1923 г. по 1949 г., в 1949–1993 – это улица Маяковского, с 1993 г. – снова Павловское шоссе) становятся коммунальными, заселяются жителями города.

Во время Великой Отечественной войны город Пушкин оккупирован немецкими войсками. Местное население или уничтожается или угоняется в плен. В доме № 4 по Слуцкому шоссе располагается испанская («голубая») дивизия. Возможно, и дом № 6 был в их распоряжении, но подтверждения этому нет.

К 1945 году 90% жилого фонда города Пушкина было разрушено. Жилплощадь, пригодная для проживания, заселяется гражданами, восстанавливающими город. Были дома, точнее квартиры, комнаты, в которые вернулись бывшие жильцы из эвакуации. По возможности ремонт проводили своими силами. Со стороны дом № 6 казался годным для жилья, но целыми были только внешние стены, наверное, из-за очень крепкого фундамента. Некоторое время в этом доме без разрешения на прописку жили: Коновалова М. И. и две сестры военнослужащего Прокопьева (Из ответа в Харьковское Военное Авиатехническое училище Прокопьеву).

Восстановление дома началось с 1950 года теми же рабочими, которые восстанавливали дворец В. П. Кочубея с усадьбой на улице Радищева, дом № 4. Дворец восстанавливался для дома отдыха работников ЦК и обкома партии (сейчас в этом здании располагается Российский учебный центр подготовки руководителей). По планам Смольного дом № 6 по уже Павловскому шоссе предполагалось восстановить под дачи сотрудников Смольного. В доме были сделаны 8 квартир, по 4 слева и справа, со всеми удобствами, то есть были поставлены котлы, построены ваннные комнаты. Котлы топились дровами.

К окончанию восстановления дома в 1954 году, планы Смольного изменились, и часть квартир дали рабочим, восстанавливающим дом.

Семья Козлова Степана Васильевича и Анны Мефодьевны с дочкой Валеёй и сыном Леонидом получили одну из квартир (с 1945 г. они жили во дворе усадьбы Кочубея).

Другую квартиру получила семья Шумилова Ивана Павловича. Отопление в комнатах было печное, много позже плиты на кухнях были переведены на газовое снабжение. Веранда с восточной части дома была застеклена.

«Прямоугольное в плане здание с выступами на северном, южном и восточном фасадах расположено в центре сада. Несмотря на ветхость деревянного резного декора, его фасады сохранили целостность архитектурного облика. Металлическая ограда по Павловскому шоссе декорирована деталями с использованием элементов морской символики – в виде рулевого колеса и якоря».

Небольшой пруд на участке использовался только для полива огородов, он был глубоким и даже охранялся догом по кличке Альмар. Воду качали сначала в бочки, а оттуда брали для полива растений. В стеклянных парниках выращивали огурцы, на грядках клубнику и овощи. В саду росли и плодоносили яблони.

Выросли дети Козловых, выросла семья Валентины Толлер (Козловой) с дочками Анной и Ириной. Выросла семья Леонида с сыном Димой. Выросла семья Анны Толлер (Садовниковой) с детьми Таисией, Артемом и Митей. Выросла семья Ирины Толлер (Даниловой) с детьми Ариной, Валентиной и Егором. Три поколения Козловых (Толлер, Садовниковых, Даниловых) выросли в этом доме. Расселять дом начали с 1973 года, признавая его уже ветхим и непригодным для жилья. Но дом ещё долго жил полноценной жизнью. В качестве примера приведём 80-е годы. В квартирах с южного входа жили: Козловы, Толлеры, Юлкины, Лисс, Колодий, Курочкины. С северного входа Тарасовы (они сменили Головачевы, а после Тарасовых жили Пантюховы), Токаревы, Ивановские.

Было много молодежи примерно одного возраста, а у них много приятелей. Большой сад около дома гостеприимно принимал всех друзей. Десятилетиями это было местом сбора друзей (гостей) Толлеров, Садовниковых, Даниловых, Сухоруковых. Здесь праздновались дни рождения, даже игрались свадьбы.

Окончательное расселение началось в 2010 году к 300-летию нашего города. Всем были предоставлены квартиры в других районах города. Окончательное переселение закончилось в ноябре 2012 года. Последние жители хотели, чтоб как можно дольше не началось окончательное разрушение дома. Дом сейчас стоит заколоченным (условно). Кому нужно, тот свободно в него проникает, особенно с восточной стороны, там только тонкие реечки приколочены к окнам. Дом не куплен, наверное, из-за очень большой территории усадьбы. Пока за него отвечает город (ГУЖА). Очень жаль, если через некоторое время мы не увидим восстановленный дом на Павловском шоссе.

Я проследила за судьбой дома № 6 по Павловскому шоссе с 1874 по 2012 годы. Судьба дома интересная, ведь в нём работала детская музыкальная школа (даже называлась консерваторией), первая в городе. Сейчас трудно себе представить город без музыкальной школы. Я ничего не знала про этот дом, теперь знаю много нового и интересного о нём. История дома № 6 по Павловскому шоссе стала для меня открытием.

Использованная литература и источники:

1. Архив КГИОП. № 445. (План части Царского Села и Отдельного парка. 1855 г.).
2. РГАВМФ. Ф. 132. Оп. 11. Д. 20.
3. РГАВМФ. Ф. 4958. Оп. 1. Д. 61.
4. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 486.
5. Баранова Л. Музыкальная жизнь в Детском Селе // Царскосельская газета. – 2000. – № 106.
6. Весь Петроград : адресная и справочная книга г. Петрограда на 1915 год. – Петроград : Т-во А. С. Суворина «Новое время», [1915]. – 884 с.
7. Митенёв А. Музыка в Детском Селе // Царскосельский альманах / О-во «Знание» Санкт-Петербурга и Ленингр. обл. – СПб., 2010.
8. Панов В. А. Царскосельский некрополь. Первые кладбища Царского Села. Кузьминское кладбище. – СПб., 2011. – 96 с.
9. Семенова Г. В. Отдельный парк // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга : исслед. и материалы / Ком. гос. контроля, использования и охраны памятников истории и культуры. – СПб., 1997. – Вып. 4. – С. 111–131.

Эшназарова Анна

10 класс, 293 гимназия,
Красносельский район

Елизино. Усадьба Макарова

Петергофская дорога – это место, где каждый уголок дышит историей. В сутолоке повседневной быстро-текущей жизни мы обычно скользим по окружающему пейзажу, как по привычной детали обстановки. А часто ли нам приходится задумываться: что здесь было раньше? Посмотреть другими глазами на окружающий меня мир заставило участие в игре-конкурсе «Усадьбы Петергофской дороги Красносельского района». Эта тема увлекла, и я решила продолжить исследование по этой теме.

В начале XVIII века дорога, которая шла вдоль южного берега Финского залива стала называться «Петергофской перспективой». Она начиналась от реки Фонтанки, захватывала часть Нарвского почтового тракта и проходила по южному берегу Финского залива до новой императорской резиденции – Петергофа, и далее, до Красной Горки.

Лучшие земли по обе стороны Петергофской дороги Пётр I раздал лицам царской фамилии и сподвижникам, с обязательным условием застраивать их пригородными приморскими дачами. Уникальность Петергофской дороги состоит в том, что она строилась не постепенно, как другие дороги Северной столицы, а одновременно, по регулярно-му плану. В основе прямоугольный модуль – 100 сажень в ширину и 1000 сажень в длину. Осью являлась дорога, с усадьбами по обе стороны. На карте Санкт-Петербургской губернии 1734 года, мы можем увидеть, что размеры в большинстве случаев соблюдались. С помощью данных расчётов Пётр I формировал морской фасад Петербурга и парадный въезд в города. Комплексы усадеб вдоль всей Петергофской дороги должны были стать своеобразным русским аналогом дороги из Парижа в Версаль. По замыслу Петра I путешественник прибывал в Кронштадт, отплывал

в Ораниенбаум и оттуда следовал в Петербург по красивой и живописной дороге.

Как быстро построить дорогу за счет имущего класса? Поначалу строительство усадеб стало повинностью, но вскоре Петергофская дорога стала элитным местом, где мечтали многие построить свой дом. Особый расцвет дорога приобрела в Екатерининское время. Во второй половине начала XIX века магистраль стала терять ритм парадных строений. Особенно это было ярко выражено на участке от Фонтанки до Автово. Существует мнение, что этому очень способствовал перевоз Кронштадтского чугунолитейного завода на дачу Чарльза Гайскони. Кому приятно отдыхать рядом с промышленным предприятием? Дачи продавались, возникла промышленная Нарвская застава.

Реформы 1861 года изменили облик приморских дач от Автово до Стрельны. Усадьбы продавались, на их месте образовывались места для отдыха горожан. После революции 1917 года облик дороги был полностью утрачен. Война 1941–1945 гг. завершила дело. Петергофская дорога была местом ожесточённых боёв, где выжить усадьбам, особенно деревянным, не представлялось возможности. Сегодня из сотни бывших здесь разнообразных усадеб сохранились около десяти, причем многие из них в сильно изменённом виде. Больше всего повезло императорским резиденциям Стрельны, Петергофа, Ораниенбаума, которые постепенно, но восстановили.

К одной из исчезнувших усадеб по Петергофской дороге и относится усадьба Макарова (Елизино). Согласно списку памятников архитектуры Санкт-Петербурга бывшая усадьба Макарова (Елизино) «располагается вдоль Петергофского шоссе, далее вдоль центральной осевой линии игрового поля стадиона до пересечения с линией, соединяющей северные выступы корпусов 13 д. 7 по ул. Пионерстроя, вдоль этой линии до пересечения с дорогой, идущей в направлении север-юг, включая границу».

Сейчас очень трудно представить, что на месте жилых домов по Петергофскому шоссе, 76 и стадионе, была усадьба XVIII–XIX веков. Только в переплетении дорожек и

аллей можно угадать очертания старого парка. Между тем, 11 января 1711 года этот участок был пожалован одному из сподвижников Петра I, Алексею Васильевичу Макарову. Он располагался сразу за дачей Стрешнева (Миниха). Изучая архивные документы, я пришла к выводу, что петровский период в истории загородной застройки по Петергофской дороге фактически совершенно не изучен ввиду полного отсутствия каких-либо официальных документов, по которым можно точно сказать о застройке первых загородных дач. Найти какие-то сведения о строительстве не удалось, но по книге С. Б. Горбатенко я узнала, что к 1719 году здесь уже существовала большая усадьба с господским домом с мезонином, службой, прудом и финской деревней. О. А. Чеканова, изучающая застройку Петергофской дороги в первой четверти XVIII века, полагает, что «первоначальная застройка загородных мест в этот период производилась на основе новых градостроительных норм и требований». То есть, дома строились по образцовым проектам Д. Тризини. В связи с этим, можно предположить, что А. В. Макаров построил деревянный дом, используя один из проектов. «В 1727 году Канцелярия от строений приняла решение, отпустить Макарову 11 тыс. штук красного кирпича, для постройки каменного дома «на приморской даче близ Стрельны», но эти планы не осуществились». Анализируя тексты С. Б. Горбатенко и Н. И. Павленко, я пришла к выводу, что построить каменный дом Макаров не успел потому, что в 1734 году по доносу был заключён с семьёй на десять лет под домашний арест в своём имении селе Глебовском под Москвой, вплоть до своей смерти. Получается, что заточение без права выезда из Глебова и деревянные постройки приморской дачи на Петергофской дороге – это две причины, повлиявшие на то, что усадьба к 1745 году пришла в крайнюю ветхость. Её владельцем тогда был сын Макарова, поручик Копорского полка, Пётр Макаров. «Вместе с тем, при дороге на даче в это время существовали кабак, лавочка и три избы – харчевни». В 1770 году усадьбой владел внук А. В. Макарова – поручик лейб-гвардии Семёновского полка Николай Петрович Макаров, он сдавал её «со всеми

строением, с прудом, с садом». Это подтверждается упоминанием о Макарове Николае Петровиче – домовладельце в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

В 1777 году дачу Макарова присоединил к своему поместью Семён Кириллович Нарышкин. «На плане этого времени усадьба Макарова выглядит очень скромно. Это два небольших дома по сторонам оврага с ручьём (ранее запруженным) и прямоугольным прудом на нижней террасе». Овраг с остатками плотины и пруд сохранились до наших дней и находятся на Петергофском шоссе, 72. В 1790 году имение, которым владела вдова Семёна Кирилловича Нарышкина – Мария Павловна, перешло в руки английского купца. Он оставил себе только старую Нарышкинскую дачу, продав принадлежавшую Макаровым дачу, поручику Я. Г. Шелеметьеву. В обнаруженных описях 1803 года, говорится «Приморская дача Аелесиаго купца Ричарда Роберта Моберли, что ныне Шелеметьева состоит из мызы со службами деревянными при ней. Полный пруд левее строений и дровяное помещение с города». Этот документ подтверждает утверждение С. Б. Горбатенко о том, что дача принадлежала Я. Г. Шелеметьеву, но опровергает фамилию купца Мобеля, а также устанавливает имя, отчество и фамилию бывшего владельца: Ричард Роберт Моберли. Также этот документ указывает на название в этот период усадьбы «Аелесиаго». В 1800–1820 годах имение принадлежало Григорьеву. В это время мыза Григорьева состояла из двух строений, что видно на найденной карте. «В 1820 году усадьба снова перешла к Я. Г. Шелеметьеву, теперь уже титулярному советнику». Этот факт мне не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть. В 1830 году усадьбой владел отставной капитан артиллерии Степан Никитич Лапшин. На найденном межевом плане от 8 октября 1830 года нанесено название «Елизино». С. Б. Горбатенко не поясняет значение названия «Елизино», но я считаю, это освоение заимствованного слова «Аелесиаго» и приспособление его к нормам произношения. На иноязычность названия «Аелесиаго» указывают факты: начало слова с буквы «А», окончание на «аго», двоянность гласных букв «ае, иа». Корень у них

один и тот же. Появилась гипотеза: «Елизино» – это адаптированное к произношению название «Аелесиаго». На этом же плане можно видеть, что усадьба Макарова (Елизино) состояла из трёх построек и располагалась у западной границы имения, на месте нынешних домов № 76 кор. 3 и 5 по Петергофскому шоссе. Там же написано: «Всего угодий во семьдесят семь десятин две тысячи девяносто шесть квадратных сажень... крестьянского селения не имеется, мужского и женского пола душ не состоит, а состоит мыза со службами». «В начале 19 века по территории дачи, от шоссе до её южной границы, была проложена дорога. Она существует и сейчас, начинаясь прямой аллеей возле стадиона и проходя мимо старинного пруда».

Реформы 1861 года изменили облик приморских усадеб. Ещё при Екатерине II, которая в 1763 году пригласила немцев в Россию для подъёма сельского хозяйства, по Петергофской дороге стали селиться колонисты. Это подтверждается прошением, которое я нашла в архиве: «При образовании сельских колоний при Бозе почившей императрицы Екатерины II в 1765 году предков наших привезли в Россию, отвели земельную площадь, для хлебопашества до 1281 десятины. Издан закон о колонистах поселенцем (Т. 12, ч. 2) для пользования землёю...». Образовалась такая «Слобода колонистов», недалеко от усадьбы Макарова (Елизино). «Немецкие колонисты, накопив значительное состояние, могли согласно указам от ноября 1863 года и февраля 1877 года выкупать земли, полученные ранее от государства... Колонисты были настолько состоятельными, что имели возможность покупать и чужие земли в окрестностях Петербурга». Выкуп проходил по согласованию с Удельным ведомством и по утверждению министра императорского двора. Многие помещики, получив выкупные деньги, быстро проматывали их либо в уездных городах, либо в Петербурге. И их земли скупали или деревенские кулаки или колонисты. Уже в 1860-х гг. владельцами дачи Макарова (Елизино) были колонисты К. Шефф и П. Штерн. Одним из важных видов доходов был дачный промысел. Они предоставляли дачникам чистые, уютные

помещения. Выращивали ягоды и фрукты на продажу отдыхающим. На карте с северной стороны усадьбы около Петергофской дороги находятся дачи. После 1917 года на территории усадьбы Макарова (Елизино) было подсобное хозяйство артелей работников Кировского завода, а затем совхоз «Пролетарский труд». Во время Великой Отечественной войны территория усадьбы была занята немецкими войсками. По книге Ю.В. Кольцова узнаем, что 3 октября 1941 года в районе завода «Пишмаш» высадился 1-й морской десант (всего их было три) для попытки 42-й и 8-й армии очистить Петергофское шоссе и деблокировать Ораниенбаумский плацдарм. К 8 утра 3 октября десант блокировал Петергофское шоссе в районе железнодорожного переезда и занял совхоз «Пролетарский труд», на территории которого располагалась бывшая усадьба «Макарова (Елизино)». На ликвидацию десанта были брошены силы противника в четыре раза превосходящие десант. На территории усадьбы произошел бой. Операция для советских воинов закончилась неудачно. Потери десанта не устояли. Тем не менее, по мнению советского командования, проведенные операции вынудили противника спешно убрать на этом участке свои войска, сняв часть сил от Ораниенбаума. При прорыве блокады в 1944 году в районе расположения приморских дач происходили ожесточённые бои. Всё было утрачено.

После окончания войны на месте усадьбы Макарова (Елизино), как мы видим на карте 1953 года, располагался совхоз «Пролетарский труд». В 1960 году он вошёл в объединение «Победа», затем в совхоз «Предпортовый». Сегодня на территории дачи находятся остатки хозяйственных построек бывшего совхоза «Предпортовый», его жилые постройки, а также часть стадиона «ЛЭМЗ», служебная постройка с котельной. Дома, в которых живут люди, не имеют горячего водоснабжения, люди пользуются привозным газом в баллонах и мечтают о расселении. Сад на нижней террасе наполовину уничтожен стадионом бывшего завода «ЛЭМЗ», находится не в лучшем состоянии. Сохранился овраг с остатками плотины и пруд, которые

находятся сейчас рядом со стадионом. Пруд наиболее любимое место жителей микрорайона. В нем купаются летом и зимой. Есть такие энтузиасты, которые делают это ежедневно. Территория, вдоль Петергофской дороги, куда входит и бывшая усадьба Макарова (Елизино), в настоящее время, взята «под охрану недвижимых памятников градостроительства и архитектуры г. Санкт-Петербурга и пригорода», по распоряжению мэра Санкт-Петербурга от 30.01.92 N 108-р. В 90-е годы стадион был выкуплен компанией «Элис», которая планировала построить здесь жилой комплекс, несмотря на охранный статус территории. Строительство не началось благодаря вмешательству В. Матвиенко. В 2009 году стадион перешел в ведомство города. В зимний период на территории Администрацией МО Сосновая поляна заливался каток, который очень понравился многим жителям. Здесь имеются удобные раздевалки и прокат коньков отличного качества. В 2012 году права на благоустройство этой территории выкупил ОАО «Межрегионгаз». В перспективе речь идет о строительстве детской футбольной школы им. Ю. Морозова со стадионом и спортивным комплексом под патронажем футболиста Александра Кержакова.

Характерной особенностью усадьбы Макарова (Елизино) было частая смена владельцев. О многих из них можно узнать, но двое владельцев этой усадьбы принимали активное участие в политической жизни России и связаны с некоторыми нововведениями в культурной жизни. Первый владелец, по которому и названа усадьба – Алексей Васильевич Макаров (1674 или 1675?–1741) – принадлежал к числу сподвижников Петра I. О его детстве и начале карьеры известно крайне мало. Незнатного происхождения, сын подьячего вологодской воеводской канцелярии, года его рождения точно никто не знает. С 1704 года Алексей Васильевич Макаров «кабинет-секретарь его величества». Пётр I ему очень доверял. Внимательный к людям и делам служебным, требовательный, трудолюбивый и быстрый в решениях сложных государственных вопросов, Макаров участвовал во всех государевых начинаниях. Под

руководством Макарова, состоявшего в непосредственном подчинении Петра, находились все функции государственного управления, кроме Преображенского приказа, творившего суд и расправу. Написал «Гисторию Свейской войны». Должность Макарова не входила в «Табель о рангах», но благодаря своей приближённости к Петру I, имел весьма важное влияние, с которым приходилось считаться современникам, начиная с членов царского дома и кончая иностранными дипломатами. Макаров Алексей Васильевич всюду сопровождал царя, бывал с ним за границей. При Екатерине I стал тайным советником. При Петре II в служил в должности Президента камер-коллегии. В 1732 году Макаров был обвинён во взяточничестве и утайке секретных бумаг. По этому доносу в 1732–1734 годах производила следствие особая комиссия, признавшая обвинение не доказанным. Тем не менее, Макаров Алексей Васильевич был сослан под домашний арест, в своё имение – село Глебовское под Москвой на 10 лет. Был дважды женат. Первая жена – Феодосия Ивановна Топильская. Дети: Пётр, Анна (супруга статского советника Андрея Ивановича Карташова), Елизавета (супруга князя Михаила Никитича Волконского). Исследуя родословную Елизаветы, убеждаешься, что по женской линии внуки и прапраправнуки Макарова породнились с такими известными фамилиями как: Прозоровские, Куракины, Голицыны, Нарышкины, Гагарины, Столыпины, Кикины, Трубецкие. Вторая жена – княжна Анастасия Ивановна Одоевская. Их дочь умерла молодой. А. В. Макаров похоронен в своём поместье – селе Глебовском (Переславский район) на кладбище с северной стороны храма.

Нарышкин Семен Кириллович (1710–1775) один из видных политических деятелей эпохи Екатерины II. Семен Кириллович Нарышкин получил превосходное домашнее образование. «Превосходный образованный царедворец», – пишет о нем М. И. Пыляев. Первый покоритель дамских сердец эпохи. При Елизавете Петровне был посланником русского престола в Англии. Искусный дипломат, дружил с Дидро и Вольтером. Семен Кириллович, как и его жена,

считался первым щеголем своего времени. Имел домашний театр. Это был второй в истории России придворный театр (первый был организован немецким актером при дворе царя Алексея Михайловича). С именем Нарышкина связано и своеобразное нововведение в русском быту. Он организовал роговой оркестр. Роговая музыка звучала в имении Нарышкина каждую субботу и, по мнению современников, была очень мелодичной, по своему звучанию напоминая органную. При Екатерине II, Семен Кириллович пожалован званием генерал-аншефа и назначен обер-егермейстером. 16 августа 1760 года Нарышкин награжден высшим российским орденом Андрея Первозванного. Последние годы жизни Нарышкин провел в Москве, где и скончался в своем роскошном доме на Басманной улице, на 66-м году жизни. Похоронен в Московском Донском монастыре (участок № 3). От брака с Марией Павловной Балк-Полевой имел двух детей, скончавшихся в младенчестве: Кирилла (1761–1770) и Екатерину (1763–1771).

Мария Павловна Балк-Полева (Нарышкина) родилась 23 ноября 1728 году в старинной дворянской семье. 31 октября 1743 года стала фрейлиной императрицы Елизаветы Петровны. Мария Павловна 2 февраля 1746 вышла замуж за гофмаршала Семена Кирилловича Нарышкина. Эта женитьба позволила Нарышкину ещё больше увеличить своё состояние. Отличалась умом и красотой, вызывавшей зависть у императрицы Елизаветы Петровны. 17 июля 1774 года пожалована императрицей Екатериной II в статс-дамы. Мария Павловна хорошо пела и танцевала. Похоронена в Некрополе Александро-Невской Лавры в Петербурге.

Усадьба Макарова (Елизино), не сохранилось до сегодняшних дней. Но история её оказалась важной и интересной. В процессе работы над проектом, я познакомилась с биографиями выдающихся людей XVIII–XIX веков: А.В. Макаровым и С.К. Нарышкиным. Они принимали активное участие в политической жизни России. Их пути и судьбы пересеклись в истории усадьбы Макарова (Елизино).

Использованная литература и источники:

1. Горбатенко С.Б. Петергофская дорога : историко-архитектурный путеводитель. – СПб. : Европ. дом, 2001. – 447 с.
2. Зуев Г.Н. Нарвская застава. На перепутье трёх веков. – М. : СПб. : Центрполиграф, 2004. – 446 с.
3. Кольцов Ю.В. Петергофский десант. – СПб. : Гангут, 2010. – 304 с.
4. Павленко Н.И. Птенцы гнезда петрова. – 2-е изд., с изм. – М. : Мысль, 1988. – 348 с.
5. Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга : изд. с доп. М.И. Пыляева, науч. коммент., полн. имен. указ., аннот. ил. / [вступ. ст. В.А. Витязевой, О.В. Миллер ; авт. коммент. Бройтман Л.И. и др.]. – СПб. : Лениздат, 1996. – 669 с.
6. РНБ. Отдел картографии. Топографическая карта окружности Санкт-Петербурга 1817 г. Л. 7.
7. ЦГИА. Ф. 262. Оп. 81. Д. 1036. Л. 3–4, 6, 15–16 об., 18, 18 об.
8. ЦГИА. Ф. 884. Оп. 2. Д. 301. Л. 16.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Белов Александр

10 класс, 450 школа

Курортный район

Загадка одного из кирпичей особняка Новикова в Зеленогорске

Зеленогорск – традиционное место отдыха жителей Петербурга. Тишина, покой, красота – вот, что привлекает сюда людей, уставших от городского шума и суеты. Но не только красотой природы привлекает наш город. У него богатая и необычная история. Многие здания Зеленогорска (бывшего Терийохи) напоминают о прошлом города, о связях времен, о делах давно минувших и нынешних дней. Сегодня все эти обстоятельства дают широкие возможности для исследовательской работы. На этот раз нам захотелось заняться особняком или дачей Новикова. Уж больно привлекательно-таинственное это здание. С целью более полного сбора информации о нем, решено было обследовать его развалины. 23 марта 2010 г. мы (Камышников Фёдор, Руденко Кирилл, Макаров Влад, Белов Александр) вместе с нашим руководителем, преподавателем истории и культуры Санкт-Петербурга Натальей Леонидовной Токаревой, в очередной раз обследовали интерьеры здания или, точнее, то, что от них осталось. В первом, самом большом помещении особняка, в котором, скорее всего, когда-то находился центральный зал (холл) были обнаружены остатки одной из печей с частично сохранившимся цокольным рядом изразцов. Они и сейчас очень «украшают» помещение центрального холла первого этажа. Кроме изразцов, наше внимание привлекли кирпичи, на которых были видны клейма. Это были клейма – «П. БЪЛЯЕВА» и «Savikko». Они очень заинтересовали нас.

В небольшой комнатке, имеющей выход на балкон и находящейся рядом с небольшим холлом, просматриваются

следы второй печи (или камина). К сожалению, по сохранившемуся цоколю судить о внешнем виде печи (камина?) трудно. Зато на клейме изразца, отчётливо читается не только название завода В. Андстена и его местоположение (H:fors.), но и год производства кафельной облицовки – 1911. Там же мы нашли кирпичи с новыми клеймами – «D. Ch. F», «Vjuf», и уже знакомые кирпичи с клеймом «Savikko». В другой небольшой комнатке второго этажа нас ждала ещё одна находка – целая стена кирпичей с клеймом «П. БЪЛЯЕВА», причем цифры в «арочке» над надписью клейма были разные: начиная с №6 и кончая № 195. Меня заинтересовала одна из печей. Рядом валялись изразцы, но моё внимание привлекли кирпичи, на которых были видны клейма. Это были клейма – «П. БЪЛЯЕВА» и «Savikko», «П. Си. F», «Vjuf». В голове возникли вопросы: что это за клейма, о чём говорят буквы, цифры и слова, каким владельцам и кирпичным заводам они принадлежали? Тогда и появилась более конкретная цель – исследовать кирпичную историю дачи Новикова, а заодно узнать побольше о кирпичном производстве. Кирпич – это тоже источник информации, который позволяет заглянуть в прошлое.

Необычное здание на Исполкомовской улице города Зеленогорска (бывшего Терийоки) всегда привлекало внимание людей. Бывший житель городка Пётр Фёдорович Миролюбов вспоминает: «На этом пути невозможно обойти и дачу Новикова – великолепное здание с крышей из черепицы и вышкой. Здание обнесено забором и живой изгородью из елочек. Ходить нашему брату по двору не разрешалось, но проходивших мимо всегда тянуло заглянуть в калитку: виднелся бассейн с фонтаном. Помещалась на этой даче комендатура пограничного округа, позже здесь был офицерский клуб. Дачу эту можно считать одной из лучших в Териоках...». Владельцем дачи, а иногда её называют особняком, был почетный гражданин, служащий Государственного Дворянского Земельного Банка Новиков Иван Иванович. Перед покупкой земельного участка он оставляет службу в Банке и становится домовладельцем. У него были также дома и в Петербурге. В архивных документах, хранящихся

в городе Михкели, сообщается следующее: в 1914 году губернский секретарь Иван Иванович Новиков оформил документы на покупку двух смежных участков. Приобретены участки были у Сакаррия и Хелены Саволайнен и у акционерного общества «Терийокский пивзавод», от имени которого выступал А. Коренефф. Естественно было бы предположить, что строительство дачи началось почти сразу же после приобретения участков. Предположительно, дача строилась с 1914–1917 годы. Поскольку в 1917 году участки продаются Ивану Мартыновичу Лассману, в 1927 году – аптекарю Уно Хагбергу, лишь после этого они становятся собственностью Финляндского государства. В 1922–23 годах в нем размещается штаб пограничной охраны Карельского Перешейка, а позднее – офицерское собрание 1 Егерского батальона финской армии.

В декабре 1939 года началась Зимняя война, которая принесла наибольшую известность этому особняку. В доме разместилось правительство Финляндской Демократической Республики Куусинена. Тогда свершилось событие, значимое для нашего города. Рыбацкий поселок Терийоки стал городом, а подписание государственных документов об этом и других событиях происходили именно здесь, в особняке (даче) Новикова. В советское время в нем размещается детский сад, затем санаторий-профилакторий «Лениздата».

И сегодня дача привлекает своей необычностью, таинственностью, красотой. К сожалению, она не сохранилась полностью. Как можно было допустить, что памятник истории и архитектуры находился в таком ужасном состоянии? Попытки администрации, Муниципального совета Зеленогорска, общественности города спасти его от разрушения пока не увенчались успехом.

Чтобы узнать историю кирпичного дела в Петербурге и историю строительства здания, я постарался использовать разные источники: воспоминания старожилов, фонды Российской национальной библиотеки, материалы разных сайтов, другую литературу. Любое кирпичное клеймо – это источник информации, не полный, но источник. По нему можно узнать приблизительную дату изготовления, завод,

где он произведён, кто был его владельцем и многое другое. Основной характеристикой кирпича, которая используется в архитектурной археологии, служат его размеры. Поскольку соотношение их менялось во времени, то они могут служить датирующим признаком. Надо отметить, что размеры кирпичей, выпускаемых в России (в России к середине XIX – нач. XX века были установлены единые размеры кирпича во всей империи – 26,5 13,3 6,7 см) или, например, в Англии, Голландии и Дании (размеры в этих странах соответствовали – 23 11 6 см) были разные. Имеющиеся данные о формате изделий в комплексе с особенностями кладки (техника перевязки, оформление швов раствора, состав последнего и т. д.) позволяют выявить кирпичи и блоки кладки во вторичном использовании, включение ранних фундаментов и стен в более поздние постройки. Кроме того немногие современники отмечали, что кирпичи, изготавливаемые из глины, добытой в разных местах Санкт-Петербургской губернии, разнятся по цвету. Химические анализы характера использованной в кирпиче глины и песка могут указать, таким образом, место производства.

В XIX веке критерии качества кирпичей значительно ужесточаются, грани кирпича становятся более ровными и аккуратно подрезанными. В Европе впервые появляется машинное производство кирпича, к середине века дошедшее и до России, но современники отмечали нерентабельность такого производства. Начиная с последнего десятилетия XIX века машинное производство завоевывает популярность. При ручном производстве в скалах или на длинных торцах кирпича (ложках) можно наблюдать дугообразные следы внутренней слоистой структуры – следствие вдавливания глиняной массы в углы формы рабочим-формовщиком. На кирпиче машинного производства таких следов нет, поскольку форма в нем не используется. В специальной «арочке» рамки над или под ней ставился номер «порядовщика», рабочего, который формовал кирпич, в целях контроля качества продукции. Однако датировка может быть еще точнее, поскольку при строительстве одного здания кирпич редко заказывался только у одного завода, чаще

у двух, трех и более, в зависимости от размеров здания. Зная время существования каждого из заводов, нетрудно вычислить единственно возможный хронологический интервал существования соответствующей комбинации клейм.

Самым загадочным для меня кирпичом оказался кирпич с клеймом «П.БЪЛЯЕВА». Когда я увидел кирпич на развалинах, то меня удивило клеймо. Поваяло стариной, таинственностью. А что стоит за этим клеймом, чьи судьбы я могу разгадать благодаря этому кирпичу. Как он оказался здесь? Столько вопросов, и не на один нет пока ответа. Судя по размерам кирпича (26,0 13,0 7,2) он соответствовал тем кирпичам, производимым в России после 1840 года. Цвет кирпича – оранжево-красный. По моим предположениям кирпич был сделан из сизой невской глины, которая при обжиге дает такой оранжево-красный цвет. Рамка клейма – вдавленная, прямоугольник в центре – две «арочки». Одна – более крупная находится над надписью, другая – более мелкая – под ней. Размер рамки – 19,5 9 (в широком месте, где находятся обе выемки); 19,5 5. Шрифт – крупный. Расположение – надпись строго горизонтальная, номер вертикальный, расположен над надписью ровно посередине её, над буквами: «л» и «я». Буквы в клейме – выпуклые. Номер «порядовчика» (№ 195) расположен в специальной «арочке», находится посередине клейма кирпича прямо над фамилией заводчика. По номеру порядовчика можно судить об объеме выпускаемой продукции. Фамилия в клейме кирпича употреблена в родительном падеже. Как выяснилось, производство данного кирпича налажено приблизительно с 1860 года. Грани кирпича довольно ровные. Что свидетельствует о производственном, машинном формировании кирпича. Данное изделие является полнотелым (сплошным). Такие кирпичи изготовлялись на заводе Петра Абрамовича Беляева. Это был крупный завод, поставлявший свои кирпичи в разные части Петербурга и его окрестности. Распространён был кирпич с таким клеймом и на Карельском перешейке. После смерти Петра Абрамовича Беляева его заводы перешли вдове и наследникам Петра Абрамовича. Они находились на левом берегу реки Ижора, им владела жена П. А. Беляева,

Екатерина Яковлевна Беляева. Второй завод был построен на правом берегу реки Невы в селе Малое Рыбацкое. Здесь были залежи кирпичной глины, в состав которой входили песок, железо, известковый суглинок (смесь песка и глины). Красноватый оттенок кирпича зависит от присутствия в нем железа. После кончины мужа Е. Я. Беляева стала единоличным владельцем заводов, а позже (после 1906 г.) была образована фирма «Наследники Беляева» (скорее всего, наследниками были один из его сыновей – Митрофан и племянник Николай). Заводы: «средний» и «лесной» находились около фабрики Торнтон, выкупленной в 1861 году у государства. Позже один из них перешел к г-ну Мозжухину, а от него – к К. И. Зараковскому. Заводы Беляева продолжали работать и после революции 1917 года, но с 1918 году управлялись «заводским комитетом».

Судя по тому, как много было найдено кирпичей в хорошем состоянии, можно говорить о том, что керамическое тесто было сделано правильно и не было нарушения технологий при обжиге. Поскольку кирпич был найден в том месте, где когда-то находился камин, можно считать, что данный кирпич находился в кирпичной кладке печи. Но, если исходить из дальнейших находок, (найдена целая стена такого кирпича в одной из комнат), можно сказать, что данный кирпич использовался в интерьере дома.

Загадка редкого экспоната заключалась в следующем: данный кирпич попал на строительство дачи по железной дороге из Петербурга, а точнее, с правого берега Невы, где находился завод Беляева. Что касается года изготовления, то его можно определить лишь приблизительно – 1911–1914 года (исходя из даты начала строительства – 1914 год и даты найденного изразца).

Исследование дачи помогло мне понять, что каждая, даже самая незначительная деталь в научном поиске очень важна, что обычные и привычные для нас вещи могут стать предметом научных изысканий. Так один кирпич смог рассказать мне о многом: и об истории кирпичного дела в России и в других странах, и об использовании его при строительстве зданий.

А ещё, наверное, следует задуматься над нашим отношением к культуре. Здание, которое в своё время, входило в Перечень зданий Федерального значения и охранялось государством, затем, после перестройки, стало никому не нужно. И, несмотря на попытки многих людей, которые боролись за сохранение памятника истории и культуры, оно продолжает разрушаться.

Использованная литература и источники:

1. Браво А. Е., Котляр В. Новиков, хозяин дачи в Терийоках – кто он? // Зеленогорск на рубеже веков. – СПб., 2010. – С. 196–199.
2. Браво А. Е., Котляр В. Хозяин дачи Новикова в Терийоках – кто он? // Новый топонимич. журн. – 2009. – № 2. – С. 42.
3. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике / [разраб. И. А. Киселевым]. – М. : Об-ние «Росреставрация», 1986. – 34 с. – (Реставрац. нормативы. Метод. рекомендации. Рос. респ. специализир. науч.-реставрац. об-ние «Росреставрация», Проект. ин-т по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Разд. II).
4. Депп Н. А. Кирпичное производство в окрестностях Петербурга. – СПб., 1860. – [2], IV, [2], 76 с.
5. Езиоранский Л. К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) : под наблюдением Ред. ком., сост. из чл. Сов. съездов представителей пром-сти и торговли. – 2-е изд. – Пг. : Изд. инж. пут. сообщ. Д. П. Кондауров и сын, 1914. – [1612] с.
6. Елшин Д. Д., Векслер А. Ф. Клейма петербургского кирпича как источник информации // Аничковский вестн. – 2003. – № 36. – С. 48–58.
7. Малюга И. Г. Производство кирпича и других глиняных строительных материалов. – СПб., 1900. – [8], 271 с.
8. Миролюбов П. Ф. Русская жизнь в Терийоках // Зеленогор. вестн. – 1992. – № 8 (февраль).
9. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и Великим Княжеством Финляндским : материалы для фабрично-заводской статистики. – СПб., 1881. – [2], X, 754 с.
10. Санюцкий Т. Ф. Кирпичное производство на р. Неве и её притоках. – СПб. : А.Э. Винеке, 1904. – [4], 103 с.
11. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918. – Пг., 1926. – 796 с. разд. паг.
12. Федоров П. А. Как и из чего делают кирпич : краткое практ. руководство по производству всевозмож. сортов кирпича, клинкера и искусств. камней. – СПб. : М. П. Петров, 1914. – 48 с.

Разгоняева Екатерина

9 класс, 138 школа,
Калининский район

Духовное завещание петербургского мецената 1-й гильдии А. И. Тименкова (Петербургский Дом Призрения Тименкова- Фролова. История создания)

Экономическая и политическая ситуация в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. обусловила возрастание роли и влияния купцов старшего поколения, имевших богатый жизненный опыт, многолетнюю деловую практику (нередко более 20 лет) и широкие коммерческие связи. Эта особенность обернулась быстрым возрастанием роли представительных организаций купечества, их активным вмешательством в сферу хозяйственных и общественно-политических отношений в России. На рубеже XIX–XX вв. столичное купечество особое внимание обращало на повышение образовательного уровня своих членов. Для развития благотворительности в России особое значение имел религиозный фактор, когда пожертвования обуславливались христианскими побуждениями. Историю благотворительных учреждений России можно разделить на два этапа. Первый – с середины XVI века до 1862 года. Это период становления благотворительных организаций в России. Второй – 1862–1906 гг. Это период расцвета русской благотворительности. В 1862 году был принят специальный акт, где указывалось: «...во изменение изъяснённого порядка, учреждение обществ для взаимного вспомоществования или с другой благотворительной целью, Высочайше предоставляю, по согласованию с надлежащими ведомствами, министру внутренних дел». С этого времени отмечается значительный рост числа благотворительных учреждений, и к 1900 году было создано еще около 2000 новых.

История создания, постройки, деятельности Дома Призрения Тименкова-Фролова подробно рассматривается нами в предыдущей работе. Для ясности мы приведём в данном тексте фрагмент главы о Доме Призрения Тименкова-Фролова из этой работы: «В 1869 г. купец 1-й гильдии Андрей Иванович Тименков, будучи распорядителем капиталов своих друзей Василия Александровича Фролова и владельца войлочного завода Михаила Назаровича Солодовникова, умерших бездетными, он «движимый ревностью своей о славе Божией и самоотверженною любовью к бедной и неимущей братии» начинает постройку Дома Призрения. На обустройство приюта для сирот купеческого и мещанского сословия, он пожертвовал все завещанные ему состояния, а также собственные средства, вырученные от продажи дома (всего более 4 млн. руб.). Для строительства Дома Призрения Тименков «приобрел у наследников Вильсона К. К. (Инженер-генерал, начальник Адмиралтейских Ижорских заводов, бывший помощник Гаскойна К. К.) большой участок земли с садом». (Особняк Вильсона, работы архитектора Бонштедта Л. Л., сгорел до этих событий) на Симбирской улице (ныне улица Комсомола). Уставной капитал Дома Призрения составил огромную по тем временам сумму – 4 миллиона рублей. Работа по подготовке строительства богоугодных заведений требовала не только больших материальных затрат, но и огромного душевного и физического напряжения. Для преодоления всевозможных чиновничьих препон и осложнений другого характера необходимым условием была огромная подвижническая деятельность Андрея Ивановича Тименкова. После смерти Андрея Ивановича Тименкова в 1871 году, в соответствии с его завещанием, строительство было продолжено Санкт-Петербургским купеческим обществом, бессменными членами которого, что также особо оговаривалось в завещании, становились верные друзья и душеприказчики А. И. Тименкова, потомственные почётные граждане Н. Г. Целибеев и И. В. Туляков. Архивные документы позволили нам заполнить лакуны, которые в корне поменяли некоторые наши выводы.

Традиционно датой открытия крупнейшего благотворительного учреждения в Петербурге, созданного на частные пожертвования, считается осень 1876 года, когда Петербургский Дом Призрения Тименкова-Фролова распахнул двери для нескольких сотен будущих обитателей всех возрастов, имевших принадлежность к купеческому сословию. Но, как нам удалось установить, дом Призрения был открыт задолго до этой даты, еще при жизни А.И. Тименкова в его собственном доме № 152 1-го участка Васильевской части. Последние годы жизни Андрей Иванович провёл недалеко от этого места в квартире дома № 13 по Большому проспекту Васильевского острова. В сентябре 1871 года на момент составления завещания, речь идёт о «возведённых вчерне» постройках. Теперь мы знаем, что Андрей Иванович лично принимал участие в строительстве и видел эти здания достроенными, но без внутренней отделки.

Конечно, нам очень бы хотелось представить деятельность А.И. Тименкова как факт исключительный, свидетельствующий о неслыханной доброте и бескорыстии. Несомненно, благотворительность на рубеже веков становится яркой приметой времени. Заметить и доказать исключительность в таком поступке задача не из простых. Но мы попробуем. Нами были просмотрены Доклады по Хозяйственному департаменту за 1870–1873 гг. генерал-адъютанта Тимашёва к императору, из которых видно, что частные пожертвования на благотворительность случались очень часто. Дела о пожертвовании крупных сумм тут же представлялись царю. Среди документов «О газовых фонарях», «О переименовании улиц», «О присвоении почётного гражданства», «Обустройство Сенной площади» практически каждым вторым является документ примерно такого содержания: «О таком пожертвовании купца Галунова имею счастье всеподданнейше представить на Всемиловейшее воззрение Вашего Императорского Величества». О пожертвовании купца Тименкова тоже было доложено государю-императору. Вот текст этого доклада: «Доклад по Хозяйственному департаменту о пожертвовании купцом

Тименковым имущества на 4 миллиона рублей на устройство в Петербурге Дома Призрения со школою при оном. С.-Петербургский 1-й гильдии купец Тименков, духовным завещанием утверждённым и вошедшим в законную силу, возложил на душеприказчиков своих обязанность устроить в С.-Петербурге Дом Призрения для престарелых и увечных обоего пола лиц из купеческого и мещанского обществ и при оном школу для призрения и воспитания сирот и детей неимущих членов этих обществ. На устройство и содержание означенных заведений Тименков предназначил принадлежавшее ему движимое и недвижимое имущество и капитала всего на сумму до 4-х миллиона рублей. О таком пожертвовании считаю долгом своим довести до высочайшего сведения Вашего императорского Величества. 4 мая 1873».

Если не видеть другие документы из Дела по Хозяйственному департаменту, то текст этого документа впечатляет: представлено самому императору. Но, как уже упоминалось выше, о значительно меньших пожертвованиях, как то: содержание койки в больнице, пожертвование 1, 2 и более тысяч рублей на благотворительность, сообщалось царю. Такие благодеяния не проходили бесследно для благотворителя. Люди получали ордена, почётное гражданство, что давало возможность ходатайствовать о присвоении личного дворянства, а это, в свою очередь, открывало поистине огромные возможности. Как известно, ни орденов, ни чинов Андрей Иванович не получил, да и представление царю о его поступке было сделано лишь спустя два года после его смерти. Сам текст написан сухо, без подробностей, в то время как в других документах подобного рода описывается личность дарителя, перечисляются его прежние заслуги. Такая «скромность» министра, кажется нам, по меньшей мере, странной. Тем более, несмотря на всплеск общественной активности в области благотворительности, основание дома Призрения Тименкова-Фролова на Выборгской стороне являет собой случай уникальный, беспрецедентный. Никогда, ни до Андрея Ивановича, ни после, на благотворительность не было пожертвовано таких сумм. Личные

средства государя составляли 1/10 от суммы, которая была пожертвована Тименковым на устройство судеб обездоленных людей. Мы попробовали найти объяснение этим «странностям» с наследием А. И. Тименкова в его завещании. Согласно этому документу, все средства были завещаны Андреем Ивановичем своим душеприказчикам Тулякову, Целибееву и Аверину, а не Попечительскому Комитету, как об этом сообщалось ранее в предыдущем исследовании. Следовательно, такое пожертвование не могло быть зачтено немедленно, т.к. в завещании указывались конкретные лица, которым переходило всё состояние Тименкова. Заведение считалось частным. Душеприказчики Андрея Ивановича, будучи людьми несомненно порядочными, тем не менее не смогли согласовать свои действия, не нашли общего языка, стали писать друг на друга доносы в различные министерства. Строительство Дома Призрения приостановилось. Андрей Иванович предвидел такой поворот событий и указал в завещании, что в этом случае всё управление переходит к Попечительскому Комитету, который должен быть назначен из самых влиятельных и уважаемых лиц купеческого сословия. Но с условием, что вышеупомянутые душеприказчики войдут в состав этого Комитета пожизненно. В результате судебных тяжб 3 мая 1873 года был утверждён Попечительский Комитет по строительству Дома Призрения Тименкова-Фролова. Вот текст документа: «О духовном завещании Тименкова. В хозяйственное управление при Святейшем Синоде. Вследствие отношения хозяйственного управления от 28-го февраля № 2401 имею честь уведомить, что по ходатайству Собрания выборных здешняго купеческого сословия об учреждении Комитета Дома Призрения Тименкова-Фролова в С.-Петербурге и согласно представлению моему в Министерство Внутренних Дел, этот Комитет учреждён Высочайше утверждённым 3 мая 1873 года положением Комитета Министров. В состав Комитета вошли три душеприказчика Аверин, Туляков и Целибеев и купцы Логинов и Уртев. Комитет открылся 5 июня 1873 года, а 11 числа этого месяца принял от душеприказчиков капитал и ценности в сумме 3.140 000 рублей.

Комитетом приступлено к устройству богадельни завещателя. Генерал-адъютант Трепов».

Обратим внимание на числа: Комитет министров издаёт положение о создании Попечительского Комитета по строительству богадельни Тименкова, утверждённое «Высочайше» 3 мая 1873 года, согласно документам, Тимашёв делает представление императору о пожертвовании Тименкова 4 мая 1873 года. 5 июня 1873 года Комитет вступает в свои права. Таким образом, мы можем сделать вывод, что доклад Тимашёва императору о пожертвовании Тименкова не случайно имеет такой сухой официальный тон. Всё всем давно было известно, более того, вопрос о завещании Тименкова обсуждался в самых высоких правительственных кругах: канцелярии Его Императорского Величества, канцелярии Комитета министров и Святейшего Синода и решался безотлагательно. Случай пожертвования в таком размере был настолько беспрецедентным, что петербургское высшее общество просто растерялось. Не существовало алгоритма действий в подобных случаях. И только когда государство взяло исполнение воли завещателя под свой контроль, дело сдвинулось с мёртвой точки. Так что государство не мешало, а всячески поддержало благородные начинания Андрея Ивановича. Задолго до создания Попечительского Комитета сам Андрей Иванович представлял на «Высочайшее утверждение» устав будущего учреждения. У нас не вызывает сомнений тот факт, что дело о строительстве Дома Призрения было взято на государственный контроль. Строительство зданий привлекало внимание общественности. 22 января 1877 года вновь открывшееся заведение почтил своим присутствием Государь-император Александр II. Церковь Андрея Юродивого 16 января 1877 года освящал митрополит Исидор, с которым Андрей Иванович был лично знаком. Митрополит Исидор дал положительный ответ Тименкову на его просьбу о разрешении возвести храм Андрея Блаженного, быть в нём погребённым и о перезахоронении праха двух почивших друзей Андрея Ивановича М. Н. Солодовникова и В. А. Фролова в этом же храме с

Большеохтинского кладбища. Видимо, они и были его единственной семьёй. В этот храм Андрей Иванович завещал все иконы из своего дома. «На пользу означенного храма завещал все оставшиеся после Тименкова иконы...согласно утверждённому плану с обеспечением на его/Тименкова/счёт причта».

Для возведения зданий Богдельни и Школы (ул. Комсомола 4, 6) А. И. Тименков приглашает одного из старейших петербургских архитекторов Александра Христофоровича Пеля, помощника О. Монферрана при строительстве Исаакиевского собора и Александровской колонны, автора более 70 проектов доходных домов. Для строительства храма в честь св. Андрея Критского – небесного покровителя Андрея Ивановича, пригласили ученика А.Х. Пеля академика архитектуры Карла Карловича Вергейма. Как нам удалось узнать, строительством обоих зданий занимался известный в Петербурге владелец торгового предприятия «Бадаев и Ко» П. Т. Бадаев, который «построил много выдающихся по величине и архитектурным достоинствам зданий, например: Политехнический институт на Лесном, дом СПб Кредитного общества, богдельню Тименкова-Фролова, Владимирское Синодальное училище..., протестантскую церковь близ города Павловска». Архитекторы и строители с честью справились с этой задачей, о чем свидетельствует экспертное заключение за подписью архитектора П. Ю. Сюзора.

Здание было устроено по последнему слову техники того времени, о чём красноречиво свидетельствует наличие водопровода и парового отопления. Замечания экспертной комиссии сводятся к рекомендациям по улучшению качества вентиляции в помещениях Дома Призрения.

Устав Петербургского Дома Призрения Тименкова-Фролова и состоящей при нём школы был составлен самим Андреем Ивановичем Тименковым вместе с духовным завещанием.

По данным на 1-е января 1899 года состояло на призрении мужчин 68 человек, женщин - 393, всего – 461 человек. При Доме призрения работали две школы для приходящих

неимущих мальчиков и девочек и для сирот, проживавших в Доме. На полном пансионе при Доме Призрения состояло мальчиков – 111 человек, девочек – 120 человек, всего – 231 ребёнок. Школа в учебном отношении подчинялась контролю Министерства Народного Просвещения. В остальных вопросах – Комитету Дома Призрения при Санкт-Петербургском купеческом обществе. После выпуска Комитет продолжал заботиться о своих питомцах до совершеннолетия. Многолетним председателем Комитета был потомственный почетный гражданин М. М. Комелов. В 1900-е годы школами руководил Н. И. Парамонов.

Историю 138 школы и Детской клинической больницы невозможно представить без имени благодетителя и мецената А. И. Тименкова, основателя петербургского Дома Призрения Тименкова-Фролова. Но сведений об этом человеке до нашего времени дошло так мало, и возникает ощущение: будто кто-то невидимый гигантским ластиком прошёлся по книге жизни и стёр всё, что связано с его именем, с именами двух других учредителей. А ведь Солодовников, Фролов и Тименков были не только богатейшие люди своего времени, они были примером щедрой благотворительности и подвижнической деятельности.

В предыдущей работе мы установили даты жизни Андрея Ивановича, его адрес, название и профиль торговой фирмы, которой они владели совместно с В. А. Фроловым, обнаружили его гравированный портрет работы В. В. Матэ. Установили несколько имён из ближайшего к нему окружения. Как нам удалось выяснить, в окружении А. И. Тименкова находились такие видные деятели культуры искусства как руководитель гравёрного класса ИАХ В. В. Матэ, архитекторы А. Х. Пель, К. К. Вергейм, издатель Эд. Метциг, коллекционер граф И. Д. Делянов, промышленники и меценаты братья Елисеевы, владелец строительного предприятия В. С. Бадаев и др. Сейчас мы можем дополнить этот список, внося в него имена нотариуса Леонида Николаевича Демиса, лечащего врача Андрея Ивановича – надворного советника, Доктора медицины Александра Александровича Эрихсен, духовника отца Андрея Ивановича – Павла

Александровича Налимова, настоятеля Андреевского собора на Васильевском острове. Андрей Иванович был прихожанином этого собора. Архивные документы, несмотря на то, что многие из них опубликованы и находятся в фондах РНБ, позволили нам по-новому взглянуть на некоторые факты, внести уточнения и дополнения. Так, у нас были вопросы о месте проживания Тименкова, у Барышникова и в Справочной Книге лиц Санкт-Петербургского купеческого сословия назывались два адреса: дом № 13 по Большому проспекту Васильевской части и дом № 15 2 1-го участка Васильевской части. Теперь мы установили, что в доме № 13 у Тименкова была квартира, в которой он проживал последние годы, а свой большой дом в 1-м участке Васильевской части он отдал под Дом Призрения. Но, пожалуй, самое главное, перед нами предстал облик человека редкого характера, в котором удачно сочетались практичность, расчётливость с искренней заботой о ближнем. Со страниц документов перед нами предстал мудрый, добрый, спокойный, почтительный и уважаемый всеми человек. Мы можем предположить, что в быту он был очень скромным, набожным. При таком богатстве, он имел очень небольшой штат слуг, никого из них он не забыл упомянуть в завещании. В его доме находилось столько икон, что их хватило на убранство огромного собора.

Эти и другие факты биографии Андрея Ивановича мы смогли установить, благодаря тексту его Духовного Завещания. Духовное завещание Тименкова является прелюбопытным документом, к сожалению, печатный вариант был сильно сокращён, поэтому мы приведём здесь ту часть текста, которая касается жизни и быта Андрея Ивановича: «Выпись из второй части актовой книги на недвижимые имущества С.-Петербургского нотариуса Леонида Демиса за 1871 г. Стр. 84 № 99. 1871 г. сентября 25 дня в 3 часа 30 минут пополудни я, нижеподписавшийся, Леонид Николаевич Демис, С.-Петербургский нотариус, имеющий контору Спасской части по Б. Садовой, по приглашению известного мне лично и к совершению актов законную правоспособность имеющего, С.-Петербургскаго 1-й гильдии

купца Ан. Ив. Тименкова, который по тяжкой своей болезни не мог прибыть в Контору, явился в его квартиру, состоящую Васильевской части по Большому проспекту в доме № 13 где он, Тименков, в присутствии лично известных мне свидетелей: протоиерея Андреевского собор и его духовника Павла Александровича Налимова, жительствовавшего Васильевской части по 6-й линии в церковном доме, надворного советника, Доктора Медицины Александра Александровича Эрихсен, жительствовавшего той же части по 4-й линии № 9 и Губернского секретаря Николая Григорьевича Катрухина, жительствовавшего Московской части по Гребецкой улице № 8, объявил, что он, Тименков, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, составляет настоящее своё духовное завещание о нижеследующем: «Помня великие щедроты Создателя, которая неоскудевали надо мною во всё время земного пути моего, я назначаю всё имущество моё как приобретенное при помощи Божией собственными трудами моими, так и перешедшее ко мне по завещанию от любезного друга, брата во Христе и товарища по торговым делам покойного С.-Петербургского 1-й гильдии купца Василия Алексеевича Фролова и, посредством дара, от бывшего моего хозяина С.-Петербургского 1-й гильдии купца Михаила Назаровича Солодовникова, словом всё, что после меня останется, назначаю употребить во славу Господа и посвятить на призрение немощных и воспитание неимущих... Поэтому прошу учинить их (душеприказчиков) следующее: 1. на земле, состоящей в С.-Петербурге в 1-м участке Васильевской части по набережной реки Большой Невы и по Симбирской улице под № 6/63 – 9, приобретенной мною по купчей крепости от душеприказчиков г. Вильсона, окончил я ныне постройку вчерне храма и дома для богадельни со школою под названием «Дом Призрения Тименкова-Фролова», согласно высочайше утверждённому плану; устав этой богадельни также представлен на утверждение правительства».

В Справочной книге о лицах Санкт-Петербургского купечества сообщается, что Андрей Иванович Тименков состоял в звании купца 1-й гильдии с 1843 года «торгует

при порте оптом под фирмою «Фролов и Тименков». Имеет каменный дом под № 152 по Большому проспекту Васильевского острова и, там же, на Васильевском острове, имеет большой участок земли под № 13. Таким образом, мы видим по Справочной книге о лицах Санкт-Петербургского купечества, что адрес в ней приводится ошибочный. Также в печатном варианте завещания А. И. Тименков называет Михаила Назаровича Солодовникова своим наставником и благодетелем. В архивном варианте Солодовников назван «хозяином и благодетелем». Эта фраза натолкнула нас на интересную мысль, которая многое бы объяснила, если бы мы смогли доказать это предположение. Но доказательств прямых нет, но мы предлагаем рассмотреть аргументы в пользу нашей гипотезы о происхождении А. И. Тименкова. Ранее мы предполагали, что А. И. Тименков переехал в Петербург в начале XIX века, где был принят и облагодетельствован М. Н. Солодовниковым, и родом он, может быть, из Саратова. Известно, что сам Михаил Назарович Солодовников происходил из знатного рода московско-тульских купцов, имевших предприятия в Петербурге и родовую усыпальницу на Большеохтинском кладбище, в которой и был погребён. В 1829 года М. Н. Солодовников служил при Александровской мануфактуре. Известно также, что Тименков получил по дарственной наследство от Солодовникова в размере полумиллиона рублей, но денег этих Андрей Иванович, возможно, не получил. Несомненно, что М. Н. Солодовников сыграл главную роль в становлении Тименкова как предпринимателя, повлиял на формирование его системы ценностей, развитие личности, но подробности их отношений нам неизвестны. Во время работы с документами РГИА, наше основное внимание привлекал огромный документ «Об учреждении в Петербурге купцом Тименковым школы для сирот из обедневших представителей купеческого и мещанского сословий», объёмом в 362 листа, на который мы и возлагали самые большие надежды. Крайние даты документа 1870–1876 гг. К сожалению, документы в деле оказались однотипными, большую часть из которых составляли письма и доносы друг на друга

душеприказчиков Тименкова по поводу распоряжения его завещанным имуществом, несколько редакций устава для школы и богадельни, ответы и рецензии респондентов. Несмотря на крайнюю скудность интересующих нас сведений, мы смогли почерпнуть некоторые интересные факты, которые могут быть нам интересны по истории школы. Первые редакции Устава писал сам Андрей Иванович (диктовал кому-то), поражает, насколько в обустройстве быта призреваемых он продумывает всё до мелочей, будучи уже тяжело больным человеком. Он прописывает режим дня воспитанников, меню, учебную программу (она осуществлялась уже в первом Доме Призрения на Васильевском острове), одежду, обустройство мест для досуга, штат служащих, их оклад и условия проживания. Учитываются духовные потребности будущих воспитанников. На последних листах этих документов встречаются автографы Андрея Ивановича, что вызвало у нас трогательные чувства. При работе с печатными документами такого ощущения не возникает. А здесь, перед тобой бумага – самая хрупкая и недолговечная вещь, и вот, она сохранила следы прикосновений человека, от которого осталось только упоминание. Некоторые замечания Андрея Ивановича показались нам даже забавными в своей искренней заботе о ближнем. В одной из редакций Устава, в разделе «Кому отказать в зачислении в ряды воспитанников» под № 3 числится запись: «Присутствие в учреждении идиотов должно быть запрещено, т.к. своими ужимками и гримасами губительно воздействует на нравственный облик других воспитанников». Безусловно тексты этих документов очень интересны для нас и всех, кто занимается историей народного образования в России XIX–XX вв. На страницах этого обширного дела наше внимание привлёк документ с крайними датами 1843–1872 гг. Он не «родной» в этом деле, очень потрёпанный, засаленный, тёмно-синего цвета. Записи в нём сделаны разными почерками, иногда абсолютно неразборчиво. Это оказалась опись документов: накладных расписок, векселей, писем из какого-то старого личного архива, который оказался среди личных документов Андрея Ивановича. Но

ни одного из документов, указанных в этой старой описи, в самом деле не оказалось. Одним из первых в описи числился документ «купчая крепость» об уплате кем-то за какую-то «живую душу», имя которой тщательно заштриховано. Дата под документом 1843 год. И с 1843 года в Справочной книге лиц купеческого сословия появляется имя Санкт-Петербургского купца 2-й гильдии А. И. Тименкова. Сюжет достойный пера Островского. Если бы могли предположить, что Тименков происходит из крепостных, а Солодовников его выкупил и освободил, тогда многое встало бы на свои места. Вот почему Тименков называет Солодовникова «своим хозяином». Тем, кто стёр все свидетельства о жизни А. И. Тименкова, возможно, является он сам. Просто в жизни его была некая тайна, которую он тщательно охранял. Ни жены, ни детей... Удивительная жизнь!

В отделе эстампов РНБ нам удалось найти портрет А.И. Тименкова, исполненный руководителем гравёрного класса ИАХ В.В. Матэ в технике офорт, сухая игла. На портрете не указана дата исполнения. Нет данных и об оригинале. К сожалению, в каталоге Д. А. Ровинского ни о портрете, ни о самом А. И. Тименкове сведений нет. Исходя из чего, можно предположить, что портрет был исполнен после 1888 года (год издания «Словаря» Ровинского) с неизвестного оригинала. На портрете перед нами предстаёт немолодой человек со спокойным мудрым лицом и устало опущенными плечами. Он не похож на купца в традиционном восприятии, это интеллигент, ценитель наук и культуры. И только пронизательный взгляд выдает в нём человека делового, просчитывающего все свои шаги до мелочей. Мы предполагаем, что В. В. Матэ не только исполнил заказной портрет А. И. Тименкова, но был близко с ним знаком.

Роль А.И. Тименкова в истории русской благотворительности трудно переоценить, но, на наш взгляд, его вклад намного более значим. Открытие Петербургского Дома Призрения Тименкова-Фролова послужило мощным стимулом не только для дальнейшего развития благотворительности, но и для качественного изменения менталитета купеческого сословия в сторону просвещения, что

способствовало заметному росту авторитета Российской империи на внешнем рынке. А. И. Тименков в течение всей своей жизни позиционировал себя как просветителя. До него коммерческим образованием в России никто не занимался. Школа Тименкова-Фролова была учреждена именно для детей купеческого сословия. «Наибольший интерес к коммерческому образованию стал пробуждаться в России только в самом конце XIX в.». Так, первые в России счетоводческие курсы были открыты в России по инициативе Ф. В. Езерского в конце 1874 года. В мае 1872 года накануне 200-летия Петра Великого постановлено было основать «Петровское коммерческое училище», которое было учреждено только в 1880 году, т.к. всё это время шёл сбор средств на уставной капитал для учреждения училища. Только в 1887 году началась деятельность Общества распространения коммерческих знаний, председателем которого являлся опять-таки Г. Г. Елисеев. Основывая Петербургский Дом Призрения, А. И. Тименков заботился о будущем России, т.к. задумывал не просто богадельню для обездоленных детей, он задумывал школу, первую в России, где дети могли бы получать именно коммерческое образование. В результате чего, купеческая среда пополнялась бы новыми людьми, совершенно иного склада: культурными, образованными, просвещенными, которые могли бы достойно представлять Россию на международной арене.

Мы знаем, что в конце XIX века происходит переоценка ценностей в среде русского купечества, меняется мышление всего сословия. Представители сословия всё чаще становятся героями не курьёзов и анекдотов, а героями светских хроник как просветители и меценаты. В историю русской культуры конца XIX – начала XX вв. прочно вошли имена купцов Солдатенковых, Рябушинских, Морозовых, Третьяковых и др.

Использованная литература и источники:

1. Исторический очерк о возникновении и деятельности общества Тименкова-Фролова // Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА СПб). Ф. 57. Оп. 2. Д. 9.

2. «О пожертвовании 3 миллионов рублей на постройку в Петербурге Дома призрения и церкви при нём». 1871 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 4. Ед. хр. 438.
3. «О пожертвовании на устройство в Петербурге школы при доме Призрения. (Доклад министра внутренних дел)» // РГИА. Ф.1284. Оп. 241. Д.143. Л. 252.
4. «Об учреждении в Петербурге купцом Тименковым школы для сирот // РГИА. Ф. 1287. Оп. 14. Ед. хр. 1180.
5. Матэ В.В. Портрет А.И. Тименкова. Офорт, сухая игла. 23,5 x 23,0. – Место хранения: Отдел эстампов РНБ.
6. Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга : ист. справ. – СПб. : LOGOS, 2000. –583 с.
7. Духовное завещание А.И. Тименкова и Устав Дома Призрения и состоящей при оном школы Тименкова-Фролова. – СПб. : тип. Э. Метцига, 1875. – 33 с.
8. История торговли и промышленности в России : [в 3 т.] / под ред. П. Х. Спасского. – СПб. : П.Х. Спасский, 1910–1914.
9. Первый отчет Комитета Дома Призрения Тименкова-Фролова за время с 1 июля 1874 по 31 декабря 1876 г. – 1877. – [2], 4, 37, 8 с. + Сопроводительная записка к Отчету]. – 1877. – [2] с.
10. Ровинский Д.А. Подробный словарь гравированных портретов : в 4 т. – СПб., 1888.
11. Справочная книга о лицах Петербургского купечества... на 1872 год. – СПб., 1872. – [3], 572 с.

КУЛЬТУРА ПЕТЕРБУРГА

Волосатова Ксения

10 класс, 534 школа
им. Т. Сиразетдинова,
Выборгский район

Замечательный директор Б. М. Красник

Современная связь и интернет позволяют сокращать расстояния. В один миг, нажатием кнопки можно увидеть и услышать человека, находящегося на другой стороне земного шара. Я – ученица 534 школы. Первый директор нашей 534 школы, который работал в ней с 1965 по 1975 год, в настоящее время живёт в Сан-Франциско. Ему 98-й год, но по скайпу, в интернете, он постоянно общается со своими бывшими коллегами, учениками. По словам учителей, этот человек сохраняет ясность ума, обладает мудростью и знанием жизни. Находясь вдалеке, он живо интересуется всем, что происходит в России, в школе и даёт верные умные советы по работе и жизни. И всё же... он не работает в школе уже 47 лет, а его выпускники уже солидные и не очень молодые люди, но до сих пор они вспоминают его добрым словом, с уважением относятся ко всему, что он сделал для них, для школы.

Всю свою жизнь он проработал в образовательных учреждениях Выборгского района – 53 детском доме, школе-интернат № 15 и 534 школе. В ближайшие годы исполняются сразу две круглых даты: 70 лет со дня открытия 53 детского дома и 50 лет со дня открытия 534 школы. Недалёк и столетний юбилей Бориса Марковича Красника (он родился 14 августа 1915 года). Думаю, что попытка объединить разрозненные воспоминания и свидетельства о директоре и его детище, очень своевременны.

Меня заинтересовало, почему по прошествии стольких лет, об этом человеке сохраняется так много хороших воспоминаний. Очень редко можно встретить таких людей, особенно директоров учреждений. Сколько трудов и сил

вложил Борис Маркович в свое дело! И на какое простое время прихлась его деятельность. Хотелось побольше узнать о таком уникальном человеке и, возможно, чему-то научиться. Поэтому я и выбрала эту тему для поиска.

Борис Маркович родился 14 августа 1915 года в Белоруссии. В 1925 году вместе с отцом перебрался в Ленинград. Мама к ним смогла приехать только в 1929 году. Через два года после этого умер отец. Шестнадцатилетний подросток стал главой семьи. В 30-е годы совсем ещё молодым человеком Борис начал свою педагогическую работу. У него не было педагогического образования, да и планов таких поначалу не было. Он был фабричным мальчишкой, а затем и мастером на одном из заводов Выборгской стороны. Как-то по комсомольской линии Борису предложили стать учителем. Сначала эта новую работу он совмещал с основной, в мастерской. Но педагогический талант, видно, у паренька заметили. В 1937 году на бюро районного комитета комсомола его определили в детский дом № 50 на Старопарголовоком проспекте на должность заместителя директора, а уже через год доверили директорство в детском доме № 46. Так, в работе Борис Маркович и набирался своего педагогического опыта, ведь высшее историческое образование в Ленинградском Педагогическом молодой директор получил только в 1952 году. Ему было 26 лет, когда началась война. Ушел на Ленинградский фронт рядовым добровольцем, т.к. был не годен к строевой. Там же на фронте стал членом партии. Закончил войну лейтенантом, заслужил орден и 4 медали. (Вспоминать об этом не любит. «Кому это теперь нужно?» – удивляется он.)

В октябре 1944 года после демобилизации получил приказ ЛенГОРОНО о назначении директором детского дома № 53 по Ярославскому проспекту, д. 4. До войны он жил совсем рядом с этим детским домом и хорошо помнил, как каждый день небольшие группы мальчиков-подростков, одетых неряшливо в одинаковую одежду, на двухколёсной тачке возили продукты с базы...

То, что Борис Маркович застал осенью 1944 года в здании приюта и вокруг, его не удивило, такое в это время было

во всём городе. Во время войны в детском доме помещался склад продуктов, в актовом зале выдавали по карточкам хлеб. Кроме того, на втором этаже находился госпиталь, на территории располагалась зенитная часть. К первому приходу в доме никого из военных уже не было. Но большую часть территории занимали пять больших землянок с бревенчатыми накатами. Система парового отопления была выведена из строя. Здание отапливалось с помощью железных круглых печек, которые назывались буржуйками. Всё, что могло, пошло во время блокады на дрова. Из мебели в помещении столовой находились огромный дубовый буфет и такой же огромный круглый стол. Как ни было трудно с топливом, но разрубить этих мастодонтов ни у кого, видно, рука не поднялась.

Об этом же периоде вспоминает воспитанница детского дома Татьяна Селивановская: «Послеблокадный израненный Ленинград. Наш дом – на окраине, в районе Удельной. Вокруг каменного здания – почти пустыня: практически все деревянные дома, целые их кварталы, разобраны и истоплены в блокадных печках и буржуйках».

По официальным данным в городе полностью оказались разрушенными 3174 дома, повреждено 7143 здания. Свыше 9 тысяч деревянных домов в годы блокады были разобраны на дрова.

Состояние принимаемого хозяйства Красника не пугало. «Для меня, планировавшего долгие годы заниматься интересным делом, главным заманчивым (я имел выбор) было фундаментальное здание, построенное для Иммануиловского приюта. И второе, очень важное, – большая территория нашего дома граничила с лесопарком – воздух всегда будет свежим и полезным для детей. Это позволяло строить планы больших привлекательных дел в будущем».

Дореволюционную историю Иммануиловского или Эммануиловского приюта описал С. Е. Глезеров. «Приют во имя св. Эммануила относился к числу «заведений для иноверцев и иностранцев». В него принимались страдающие падучей болезнью и слабоумные. Этот приют был

первым в России убежищем для детей-идиотов и эпилептиков. Напомним, слово «идиот» в ту пору вовсе не носило ругательного характера, а служило обозначением болезни, выразившейся в самой глубокой степени умственной отсталости.

Приют был создан пастором церкви св. Петра Александром Ферманом на средства потомственного почетного гражданина Ф. В. Вальца. Сначала приют находился в другом районе города, а в 1880 году переехал в Удельную. Особенностью Удельной и северных окрестностей Петербурга в конце XIX – начале XX веков являлось средоточие здесь приютов и всевозможных лечебных учреждений. Дело в том, что эти места считались в ту пору одними из самых здоровых в санитарном и гигиеническом отношении. Разрешение об отводе участка на Ярославском проспекте для создания приюта подписал 8 февраля 1885 года великий князь Константин Николаевич. Сначала тут появился деревянный двухэтажный дом с балконом, а затем выросло и сохранившееся до наших дней каменное здание в готическом стиле, возведенное в 1907–1909 годах по проекту Вадима Платоновича Стаценко – профессора Николаевской инженерной академии, специалиста по железобетонным конструкциям.

К моменту открытия учреждения здесь находились около ста человек. «На втором этаже здания находился молитвенный зал, где служили пасторы из церкви св. Петра. На службы сюда допускались посторонние – в основном финны, которых немало жило на Выборгской стороне».

Итак, война ещё не закончилась, когда приюту вернули его прежнюю приютскую функцию: 5 декабря 1944 года в исполкоме Ленгорсовета подписали приказ о создании тут детского дома для детей-сирот командного состава Ленинграда и Ленинградской области. Детский дом получил № 53, под таким номером он работает и по сей день. Первые воспитанники появились здесь 28 декабря 1944 года. Когда детский дом начал свою работу, в нем насчитывалось 134 человека: 58 мальчиков и 76 девочек.

Блокада ушла в прошлое – война оставалась. Она постоянно напоминала о себе руинами, фотографиями погибших, похоронками, калекими на улицах, невысыхающими слезами осиротевших детей...

Самая большая трудность в тот период – отсутствие должного снабжения детских учреждений мебелью и инвентарем. Деньги были, но нечего было купить. По безналичному расчету ничего не продавалось. По обычной несуразности в конце года, а это было как раз время подготовки к открытию детского дома, в РОНО оставались деньги, и их надо было во что бы то ни стало потратить. Борис Маркович обратился в комиссионный магазин, где было полно далеко не детдомовских вещей, но и там по безналичному расчету ничего не продавали. Всеми правдами и неправдами удалось купить мебель для одной большой комнаты – гостиной. В групповых же и в спальнях, по-прежнему, была неустроенность: железные кровати с ватными матрацами и тонкими зелёными одеялами, квадратные деревянные столы и табуретки, изготовленные в мастерских Лесотехнической академии. Иногда, правда, бывали и неожиданные подарки: например, 5 больших ящичков с сотней меховых шубок, прибывших из Швеции в Ленинградский порт.

К новому 1945 году в детском доме уже было 120 детей. За первые два месяца удалось сформировать штат воспитателей, технических работников. В большинстве своем это были люди для этого дела случайные, и только единицы работали с ребятами долго. Ноша предстояла нелегкая. Особенно в начальный период. Все были и грузчиками, и малярами, и такелажниками, уборщиками, и все это было – женская бригада с одним мужчиной. Особенно омрачал жизнь, мешал держать элементарную чистоту процесс заготовки дров и контроль за топкой. Борис Маркович понимал, не восстановив систему парового отопления, они будут беспомощны в организации элементарного быта детей.

Борис Маркович обратился за помощью в воинскую часть, расположенную на проспекте Карла Маркса напротив завода «Красная заря». «У меня там были люди, с

кем вместе воевал. Одним из них был Андрей Иванович Плотников, который после демобилизации, долгие годы был моим помощником по хозяйственной части». Там же в части нашли специалиста-сантехника Богданова и откомандировали его в детский дом. Рядом с домом находилось запущенное здание заводского клуба, разрушенного во время войны. Сантехник имел возможность снимать там детали, агрегаты. Примерно через месяц стало работать паровое отопление. Кончился ужас печного отопления. Но печи еще не решались разбирать. Первый сезон работы системы был мучительно труден. То потек радиатор, то образовался воздушный запор, или линия не греет. Кроме того, в помещении котельной регулярно накапливались грунтовые воды, и часто инжектор не справлялся с её откачкой. Начинало заливать котельную. Как на грех, случалось это чаще всего ночью. Борису Марковичу с Андреем Ивановичем, как единственным мужчинам, пришлось жить весь сезон в комнате рядом с бельевой и оперативно действовать в экстренных случаях.

Весной 45-го года произошло неожиданное существенное улучшение жизни детского дома. В городе за ненадобностью были расформированы несколько частей противоздушной обороны. Не без усилий состоялось решение исполкома о передаче хозяйства детскому дому. Это был большой участок земли в полутора километрах близ церкви в Коломягах. Целое поголовье свиней, в том числе две породистые свиноматки, значительный запас остатков овощей, в том числе картофеля и морковки. Взяться за это со стороны детского дома было рискованно. Не говоря о том, что никто не выращивал ранее картофеля и морковки, не ухаживал за свиньями. Но игра стоила свеч. В штатном расписании не было должности свинарки. Но самое главное – нужны были корма в немалых количествах, а дети в тарелках не оставляли особых остатков. Необходимо было оборудовать помещение для хранения овощей – иначе все труды были бы напрасными. Морковь начала портиться очень быстро, не помогал никакой отбор. Тогда объявили свободный доступ к ней. Рты детей были целыми днями

заняты перемалыванием полезного продукта. Не отставали и взрослые. Моркови не дали сгнить.

Как-то после Дня Победы на проспекте Энгельса вели табун лошадей, отбракованных из армии для совхоза Парголовского района. Мимо внимания детей это не могло пройти. Уже к вечеру группа старших девочек привела во двор черную кобылку на хорошем поводке. Нарекли ее Машкой. Так волею случая детский дом стал обладателем транспортной единицы. Телегу и сбрую подарил отставной полковник – директор совхоза.

Другим счастливым случаем стал приход после демобилизации Тимофея Яковлевича Яковлева, человека доброго, мастера на все руки, для которого работа на земле была привычна. Начался несколько запоздалый посевной сезон. И за несколько дней на Машке Тимофей Яковлевич вспахал участок, а на посадку картофеля, моркови и капусты были привлечены все старшие ребята. В течение всего лета группы детей с воспитателями занимались прополкой. Результат заметили сразу. Урожай был хороший. Но ребята стали замечать в это время частые отравы на грядках. Пришлось организовать охрану в ночное время из групп старших ребят и сотрудников по очереди. К сентябрю весь урожай кроме капусты был засыпан на хранение в полуподвальное помещение рядом с котельной, где в последнее время были прачечные. Морковь на стеллажах была пересыпана сухим песком, чтобы не гнила.

С осени 1945 года питание значительно улучшилось за счет подсобного хозяйства. Не стало возникать проблем с величиной порций на тарелках. Регулярно кололи кабанчика. Одновременно стали получать дополнительный денежный доход от продажи поросят. «Наши свиноматки оказались не только хорошей породы, но и плодовитыми – приносили по 15–16 поросят от каждого опороса. От желающих купить их не было отбоя».

Еще одна прибавка пришла в хозяйство в 1946 году. Из Прибалтики в Ленинград был возвращен детский дом. Кроме детей, размещенных по детским домам, они привезли двух дойных коров. Ни один из детских домов не

выразил желания возиться с ними – а мы рискнули. Уже этим же летом приступили к заготовке сена. Это делали группы старших мальчиков. От желающих поехать на покос не было отбоя.

Говоря об организации питания детей, нельзя не сказать о широкой благотворительной помощи, которую детский дом получал из-за границы. Это были продуктовые посылки с сыром, галетами, сгущенным молоком, мясными консервами, концентратами – и все это было так красиво и практично запаковано, что было тогда совершенно невиданным.

Шли годы. В детском доме складывался устойчивый коллектив воспитателей, технических работников, с кем Борису Марковичу довелось проработать много лет. А самое главное – определить стиль и характер отношений между взрослыми, между воспитанниками и взрослыми. Детский дом обрел авторитет в школе, среди соседей, тон жизни стал более ровным, мажорным. Дважды из других городов с личным письмом министра Таирова присылали детей со сложными поведенческими характеристиками, которые не могли нигде прижиться.

Со временем подсобное хозяйство нормализовалось. Госбюджет позволял существовать сравнительно безбедно, что было уделом многих детских домов. Но для полноценной жизни, для удовлетворения разнообразных интересов детей его средств явно не хватало. Например, на весь коллектив детдома полагался один кружковод, да и то на полставки. В поиске выхода, среди разных путей, работа учебно-производственных мастерских представлялась детскому дому наиболее предпочтительной. Они одновременно могли решать ряд важных задач – воспитательных и хозяйственных. Мастерские являлись действенной формой профориентации подростков и могли служить основным источником дополнительных средств. Не в последнюю очередь их деятельность будет больше соответствовать характеру городского человека, чем сельскохозяйственные работы.

По существовавшему законодательству производственная деятельность детского дома не облагалась налогом в отличие от госпредприятий, где на стоимость любого изделия, кроме оплаты рабочего труда, накладываются огромные цеховые общезаводские расходы и госналоги. На стоимость изделия производства детского дома, кроме оплаты труда рабочего и минимальных накладных расходов, ничего не навешивалось. Продукция отпускалась заказчику по той же цене, что и от госпредприятий. Вся разница в себестоимости оставалась детскому дому в виде прибылей. Эту прибыль разрешено было расходовать на улучшение быта детей – на питание, одежду, культурную жизнь. Однако, своими силами создать солидные учебно-производственные мастерские при всём желании сотрудники не могли.

В конце 46-го года детский дом получил в свое распоряжение деревянный дом, где раньше находился детский садик. Позже Борис Маркович заручился согласием возглавить попечительский совет из числа ответственных государственных, общественных организаций и учреждений у директора завода им. Энгельса. Согласие на участие дали директор завода масляных красок, начальник строительной конторы района и другие деятели. Решением райисполкома этот совет был утвержден. В итоге завод выделил и установил в мастерской несколько металлорежущих и деревообрабатывающих станков, промкомбинат выделил 20 швейных машин с моторчиками.

Сначала заработала швейная мастерская. Она главным образом выполняла заказы для детских учреждений – шили простыни, наволочки, детскую одежду. От заказов не было отбоя. Очень скоро, буквально через пару месяцев, на счете специальных средств в банке были солидные суммы денег. За их счет был проведен первый солидный ремонт помещения. Не стало крашеных синим тюремным цветом стен, стало светлее, наряднее.

«Значительную прибавку денежных средств мы выделили на улучшение питания детей. Купили новые круглые столы, приличную посуду в столовую, новые стулья

заменяли табуретки. За счёт этих денег мы купили набор струнных инструментов для русского народного оркестра».

В начале 47-го года детский дом № 53, единственный среди других детских домов Ленинграда, заимел собственную автомашину ГАЗ-АА, полутоннажную. А при наличии машины детскому дому полагался и шофёр. Теперь не было надобности иметь двух лошадей, и по общему решению Мальчику передали дошкольному детскому дому.

Примерно к 1940–50 годам столярной мастерской детского дома ГОРОНО поручило изготовление столярных учебных верстаков для детских домов и школ. За счёт заработанных спецсредств, стали содержать руководителей духового оркестра, группы хореографии, хора, библиотекаря. Имели возможность в ателье сфотографировать каждого ребенка и потом, в день рождения, дарить ему портрет на память о детских годах.

В 1949 или 1950 году детский дом в числе пяти других был переведен в число специальных – для детей-сирот воинов Великой Отечественной войны и партизан. И перешел из районного подчинения в городское. Теперь попечительский совет детского дома состоял из людей «городского уровня», имевших гораздо больше возможностей.

По мере того, как быт становился все более устроенным, и обстановка в доме становилась все более уютной, одежда детей все более приятной, стало чувствоваться отсутствие должного бережного отношения детей ко всему, что приобретается – мебели, одежде. Были случаи порчи, поломки мебели, неаккуратного отношения к сохранности внешнего вида комнат. Ребята видели, как в дом завозят сотни стульев, мешки с обувью и одеждой, ящики посуды. Им была неведома мера человеческого труда, вложенного во все это. Воспитатели старались знакомить старших воспитанников со сметой расходов, объясняли, что лишние расходы на ремонт и восстановление испорченного мешают покупать новые вещи. Но такие воспитательные приемы были малоэффективны.

Эта проблема чрезвычайно велика. Она определяет очень важную черту личности выпускника – его умение

жить и строить свое благополучие. К сожалению, не удалось найти более действенных путей решения. И уже трудно судить, насколько это сказывалось на умении строить жизнь у выпускников.

И еще очень важное – Борис Маркович не мог себя чувствовать спокойным, когда каждый год видел, что некоторые дети, над ростом которых они много работали и считали свою работу сравнительно успешной, выйдя из стен дома в 15 лет (преимущественно в ПТУ), словно переродились, оказавшись в обстановке казенной жизни, в далеко не всегда благоприятном окружении. Они быстро теряли привычное лицо. Становились неопрятными, неряшливыми, часто были в числе нарушителей дисциплины, а иногда и правонарушителями. Главное, по глубокому убеждению Бориса Марковича, заключалось в том, что подросток 15-ти лет не всегда готов адаптироваться в новой обстановке. Он неустойчив, очень раним.

Продумав ряд вариантов, Борис Маркович обратился в министерство просвещения и попросил в виде эксперимента оставлять воспитанников для получения среднего образования с тем, чтобы за последние два года в детском доме на базе учебно-производственных мастерских из четырех семестров производственной практики в цехах завода дать им профессию на уровне ПТУ. В это время министерство реализовывало план одиннадцатилетнего образования с приобретением хоть какой-то видимости профессии. Так что прожекты Бориса Марковича оказались в нужном месте в нужное время. План был одобрен и осуществлен.

На этом этапе детский дом стал полностью соответствовать своему предназначению: растить, воспитывать и готовить к взрослой жизни детей, по разным причинам лишенных родительской опеки. Борис Маркович вкладывал в своих ребят все свои силы. Он искренне любил детский дом и всех его воспитанников. Это чувствовал каждый. 16-летняя работа в детском доме – это годы, которые Борис Маркович считает лучшими в своей деятельности. Много испытано, пережито – и немало разочарований, неудач. По

его словам эти годы сделали его педагогом. Нелегкая была работа, но он всегда шел на неё, как на праздник.

В 1957 году Б. М. Красника перевели на работу в открывающуюся школу-интернат № 15, бывший детский дом № 9 (пр. Энгельса, д. 4). В это время в помощь нуждающимся семьям по всей стране стали создаваться школы-интернаты. После войны было много неполных семей, в которых, как правило, матери не справлялись с воспитанием своих сыновей, не хватало и средств. Преобразованы в интернаты были и многие детские дома. Борис Маркович был приглашён в Москву на совещание в Кремле, где происходило обсуждение вопросов об организации и финансировании школ-интернатов. По его воспоминаниям выступал глава государства Н. С. Хрущёв. Правительство решило уделять большое внимание организации быта и учёбы детей из таких семей через организацию школ-интернатов. И здесь многое пришлось налаживать с нуля. При нём были построены новые корпуса, созданы мастерские, заработали кружки. Сотрудники стремились сделать жизнь домашней, ведь 6 дней в неделю дети жили в интернате. Подростки пришли очень непростые, с устоявшимися вредными привычками. Чтобы директор мог в любой момент оказаться на работе, Борису Марковичу предоставили квартиру напротив интерната. Его заслуги высоко оценили – в 1966 году Краснику Б.М. было присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР».

В 1966 году Борис Маркович Красник был назначен на пост директора школы № 534.

Школа № 534 находится по адресу Светлановский проспект, дом 31. В первый год работы в школе учились 939 учеников. Школа была переполнена и в последующие годы, пока рядом не появились другие. На первом же педсовете Борис Маркович предложил учителям подумать над делом, которое могло бы объединить всю школу, то есть учащихся и педагогический коллектив. На следующем совете слушали разные предложения от учителей. Борису Марковичу из всего предложенного больше всего понравилась идея библиотекаря Веры Николаевны Довжиковой.

Она предлагала провести работу по всем классам по произведениям Маршака, скончавшегося двумя годами раньше. Творческое наследие С. Я. Маршака всеобъемлюще, как по темам и жанрам, так и по возрасту читателей, к которым оно обращено. Работа шла под девизом «Открываем Маршака». Началась работа с серьезного разговора на методическом объединении учителей русского и литературы. Решили, что преподаватели литературы возглавят работу над творчеством Маршака в тех классах, где они преподают. Выбрали темы для работы:

Для 8-х классов – «Переводы и проза С. Я. Маршака»

Для 7-х классов – «Тема войны и мира в творчестве С. Я. Маршака». «Статьи о классиках русской литературы» (Пушкин, Лермонтов, Гоголь)

Для 6-х классов – «Смешное в стихах С. Я. Маршака»

Вторые и пятые классы не брали какой-то теоретической темы, а просто читали все доступное из стихов Маршака, выбирали себе стихи и сказки для инсценировок. Пожалуй, их общую тему можно было назвать «Маршак – детям». Работа эта протекала при большой заинтересованности как учеников, так и самих учителей. Они действительно открыли для себя Маршака заново. Так, по инициативе директора, при творческой поддержке учителей, нашлось общее дело, объединившее всех детей.

Борис Маркович очень ответственно и вдумчиво относился к формированию педагогического коллектива. И среди тех, кто пришёл в школу были творческие, по-настоящему любящие своё дело люди. «Человек-праздник», – так сказал о Майе Витальевне Жежко Борис Маркович Красник. Он проработал с ней много лет ещё в детском доме, с ним она пришла и в нашу школу.

Стройная, невысокая, всегда в красивых вязаных платьях, с озорным прищуром глаз за толстыми стёклами очков. Такой она запомнилась первым старшеклассникам, многие из которых крутились вокруг неё с утра до позднего вечера, придумывали вместе с ней интересные дела. Большой частью работы Майи Витальевны, ее детищем, был Музей боевой славы 45-й гвардейской дивизии, в которой она сама

воевала, была связисткой. Музей был основан в 1968 году, занимал часть рекреации и кабинет на 4 этаже (сегодняшний кабинет английского языка № 401). Экспонаты для музея искали ребята – красные следопыты – на Невском пятачке. Сослуживцы и друзья Майи Витальевны приносили сохранившиеся у них и вещи, становившиеся музейными экспонатами. Ветераны, приходившие в гости к детям, рассказывали о суровых днях войны и о своих подвигах. Здесь, в музее, все было сделано руками ребят и старшей вожатой – лучшей ученицей Майи Витальевны из единственного вожатского класса в городе (318 школа) – Наташей Чернышевой. Майя Витальевна сумела зажечь ребят, все это было по-настоящему, всерьез. Были совет музея и экспозиция, которая постоянно пополнялась, были экскурсоводы и друзья – ветераны 45-ой дивизии, были встречи и вечера.

Майей Витальевной была придумана летопись жизнь школы. В рекреации 2-го этажа был установлен барабан, в нем находились бумажки с именами всех учеников и учителей нашей школы. Раз в десять дней оттуда доставали 12 бумажек. И те люди, чьи имена выпадали, должны были написать заметку или нарисовать рисунок в летопись. Это было очень необычно по форме, занимало всех: и учеников, и учителей. Но, к сожалению, летопись просуществовала всего один год. Ей нужен был вдохновитель и организатор, а его не стало. 5-го января 1970 года Майя Витальевна – полная жизни, надежд, планов неожиданно умерла. Прощание с ней проходило в большом спортивном зале 534 школы. Почтить память Майи Витальевны пришли все ее ученики, коллеги, друзья, однополчане. Взрослые и дети стояли поочередно в почётном карауле у её гроба. Многие не в силах были скрыть слёзы. Погас огонек, светивший многим.

Как и в каждой школе у нас есть своя библиотека, но у нашей – совершенно особая история. Она была открыта 13 октября 1965 года. Вера Николаевна Довжикова стала первым библиотекарем нашей школы. Все книги были привезены из интерната и свалены в кучу посреди одного из классов. Вера Николаевна смотрела на груду этих книг

и не знала с чего начать. Она положила первую книжку на полку, за ней другую, и так дело поехало. На одной из перемен к Вере Николаевне заглянула девочка и спросила: «Здесь библиотека?» – «Еще нет, но если ты сможешь, будет здесь», – ответила Вера Николаевна. Девочка зашла в кабинет, ее звали Шмагина Лена, так она стала первой помощницей в нашей библиотеке. На следующий год у Веры Николаевны появилась еще одна помощница – Наташа Галанова. Наташа относилась к библиотечной работе с большой любовью, очень серьезно. Её работа в школьной библиотеке повлияла на выбор профессии. Она поступила в Библиотечный институт. Такой же выбор делали девочки из библиотечного актива, например: Марина Ершакова-Альмари (в настоящее время работает в Центральной городской публичной библиотеке имени В. В. Маяковского), Наташа Петрова (в настоящее время заведующая библиотекой Банковского колледжа), Марина Любимова (доктор наук, в настоящее время работает в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, многие годы возглавляла этот отдел).

Многие ребята приходили помочь Вере Николаевне, и вскоре образовался библиотечный актив. Установили дежурство. В обязанности дежурных входило следить за порядком на переменах, оформлять выставки книг и рисунков, опытным членам актива даже разрешалось выдавать книги. У них появилась форма: голубые жакеты с белой шнуровкой. Сформировалась и лекторская группа. Члены группы вели уроки о художниках-иллюстраторах у малышей. А для старших они читали лекции на интересные их темы. В актив и лекторскую группу входили ребята всех возрастов. Возникли традиции. Например, шефские выезды в библиотеки областных школ, итоговые праздники библиотечного актива.

Несколько раз в год Вера Николаевна устраивала библиотечные праздники – утренники. Они были посвящены создателям детских книг: авторам и художникам-иллюстраторам В. Сутееву, Е. Чарушину, А. Пахомову, Н. Жукову и другим. Каждому такому празднику предшествовала

вдумчивая работа по изучению их творчества лекторской группы, организационная работа всего библиотечного актива и учителей начальной школы под руководством В. Н. Довжиковой. Сколько было выдумки, творческих находок! Об этом до сих пор вспоминают участники – школьники разных выпусков. Вспоминала и сама Вера Николаевна: «Уже 4 года мы занимаемся так с малышами, внося каждый год в свою работу что-нибудь новое. Используем уроки внеклассного чтения, часы для внеклассной работы. Учителя нас всячески поддерживают – они первые видят, как любят малыши эти уроки, своих «учителей» – старшекласников, как развивается у них эстетический вкус, творческие способности и любовь к искусству».

Подвижнический труд В. Н. Довжиковой был замечен, её опыт стал распространяться. Всего В. Н. Довжикова проработала в школе 9 лет, после ухода Бориса Марковича ушла и она. Веры Николаевны не стало в 2005 году, её сын Андрей Александрович, в прошлом тоже член библиотечного актива школы, издал сборник её методических разработок.

Подругой и коллегой В. Н. Довжиковой была Лия Евсеевна Ковалёва – учитель литературы в старших классах. Лия Евсеевна – человек талантливый и творческий. Она писала статьи, вела передачи на радио, по её пьесам были поставлены спектакли в ТЮЗе. На уроках она часто музицировала, вела интересный факультатив, где изучалось творчество как русских, так и зарубежных писателей, не входивших в школьную программу, да и подававшихся не так, как это было принято тогда.

Из тетради факультативных занятий по литературе ученицы 9А класса Елены Румановской: «В начале жизни школу помню я...» (1971–1972 уч. год):

8 сентября – задание: выбрать 3 стихотворения Пушкина и объяснить, почему они нравятся больше других; прочитать «Маленькие трагедии» с комментариями, записать вопросы, возникшие при чтении, и впечатления от чтения.

21 сентября обсуждались слова Маршака: «Литературе нужны талантливые читатели так же, как и талантливые

писатели». Задано: доказать, что «самая трудная победа – победа над самим собой».

19 октября задано продумать программу Пушкинского вечера, выбрать тему... .

Сценарий Пушкинского вечера был придуман и начались репетиции. На вечере были и доклады, и целое отделение мы играли сцены из «Барышни-крестьянки», «Бориса Годунова», «Каменного гостя». Это были костюмные пьесы, и костюмы мы получили из костюмерных «Ленфильма»... Первый и, слава Богу, последний раз в моей жизни меня затянули в корсет на китовом усе, в котором можно было или двигаться, или дышать...

Впечатлений была масса, и самых разнообразных, от страха перед публикой до некоторого постижения трагедии Пушкина.

А потом, конечно, последовало обсуждение вечера...

Следующей вершиной, покорённой нами после Пушкина, был Шекспир...

Не помню точно, в 9-м или в 10-м классе наш факультет с Лией Евсеевной был приглашён на Ленинградское радио, мы читали стихи, я читала «Я помню чудное мгновенье» ...

Среди школьных постановок Л. Е. Ковалёвой были и «Голый король» Е. Шварца, и сцены из Ильфа и Петрова. Сколько учениц под влиянием Лии Евсеевны стали преподавателями литературы, сказать трудно (в настоящее время в нашей школе работает её выпускница – Е. В. Лепина), наверное, немало, а вот сколько актрис, знаем точно – одна – Наталья Данилова – хороших актрис много не бывает.

Лии Евсеевне в настоящее время за 90 лет, практически каждый день на её страничке в Lifejournal появляется либо стихотворение, либо эссе. В одном из них можно прочитать о том, как ей иногда удавалось обходить указания и требования высокого руководства, даже выступая в эфире. Там же в комментариях можно встретить многочисленные отклики о Лии Евсеевне и её творчестве. Например: «Милая, умная, добрая и нежная, справедливая и отзывчивая, обаятельная, образованная и человеколюбивая – такой я вижу

Вас, дорогая Лия, прочитав сегодня Ваши январские и февральские записи. Спасибо Вам за очень интересный Ваш ЖЖ. Здоровья и вдохновения Вам на долгие-долгие годы! Счастья и благополучия всей семье Вашей!». Или: «Ликуша, вы замечательная, и воспоминания-ощущения ваши на вес золота. Каждое слово, каждый стих».

Когда школа была только построена, вокруг нее находился грязный пустырь. Стадиона еще не было. Не было никаких зеленых насаждений, все деревья и кусты появились позднее. Большая часть их была посажена при Борисе Марковиче Краснике. Он уделял большое внимание оформлению школы, хотел сделать жизнь учеников более приятной. У него появилась идея создать сад из растений, привезенных из разных уголков нашей страны. Школа рассылала письма с просьбой выслать растения. К сожалению, не все отзывались, не все деревья прижились, в основном, это осталось красивой идеей. Но все-таки некоторые деревья были посажены учениками, а лиственницы и яблони и теперь окружают нашу школу.

К 4-му году своего существования школа обрела свое лицо и авторитет, теперь сюда стремились отвести своих детей многие родители из других микрорайонов. Учителя старались сделать климат внутри школы таким, чтобы ученики считали ее своим вторым домом.

А сколько интересных дел было придумано и воплощено вместе с ребятами. В 1969 году в школе появился клуб «Время». Его открытие состоялось 17-го октября. Это был клуб для старшеклассников, что-то новое, но уже обещающее стать интересным. Заседание клуба проходило раз в месяц. Все участники клуба собирались в актовом зале и обсуждали разные политические вопросы. Ребята делали доклады об интересующих их событиях, на близкие им темы. Участники заседания встречались с учеными, узнавали о новейших открытиях, достижениях науки и техники, а члены клуба читали тематические лекции в своих классах. В рамках клуба проходили и политбои. «Они проходили по-настоящему, не формально, и мы в этом участвовали, не считая показухой. И назывались мы политбойцы».

Выпускники 1970–1971 годов с азартом участвовали и в телевизионном сражении – «Турнире СК» («СК» означало «старшеклассники»). Руководителем клуба являлся учитель истории старших классов Семён Борисович Кантор, который был очень уважаем среди ребят. Когда-то С.Б. Кантор преподавал на историческом факультете Ленинградского университета, был осуждён по статье 58 как враг народа за анекдот, рассказанный на кафедре, отсидел 10 лет в лагерях, и, выйдя на свободу, не мог найти, как беспартийный, место преподавателя в институте. Борис Маркович убедил его начать работу в школе, дал возможность работать в старших классах и ни разу не пожалел об этом.

К столетию со дня рождения В.И. Ленина наша школа взяла на себя задачу провести слет городов, носящих имя Ленина. К нам приехали делегации из Ленинакана, Ленинабада, Ленинска-Кузнецкого, Ульяновска, а также из Москвы. В каждой делегации было по 10 представителей. Ответственность, которую на себя брал, в первую очередь, директор, была огромная. Школа должна была расселить приглашённых и организовать их питание, чётко распланировать каждый день, договориться об автобусах для поездок по городу. Делегации разместили в интернате, находящемся на углу Гражданского проспекта и проспекта Непокоренных, и в самой школе. Первый день был Днём науки. Делегации побывали в Политехническом институте и в Университете. В День, посвящённый блокаде, хозяева и гости были на Невском пятачке. В День революционных традиций проходило факельное шествие от Сердобольской улицы до памятника Жертвам революции в парке Лесотехнической академии. Каждый вечер проходила переключка – делегации рассказывали о своих школах, городах, республиках, выступали с песнями и танцами.

Позже, к 50-летию образования СССР в 1972 году администрация школы решилась и на организацию новой грандиозной встречи. С помощью РОНО в школу были приглашены делегации из Москвы и из разных республик: Прибалтики, Белоруссии, Грузии, Украины, Узбекистана.

Организаторами являлась администрация нашей школы. Каждый класс принимал свою страну. В первый день был устроен концерт, на котором участники делегаций были в своих национальных костюмах и дарили подарки. И вновь все дни были расписаны, проводились экскурсии по Ленинграду, проходили встречи в школе. Все мероприятия проходили на зимних каникулах, поэтому была устроена еще и Ёлка в школе.

Выпускники 1970–1973 годов непременно вспоминают летнюю практику – лесосплав на реке Паша в Ленинградской области. «Это было увлекательно и незабываемо. Как говорится, на всю жизнь. И взрослая, настоящая работа, даже в ночную смену. И романтика – ведь не раз нам приходилось встречать рассвет в белую ночь на рабочем месте. И творчество: соревнования, конкурсы, концерты, в том числе и для местного населения (в школе был создан один из первых в городе вокально-инструментальных ансамблей «Выборжец-534»). И крепкая дружба: как внутри, так и между классами. А ещё, конечно, и первые заработанные деньги. Моему выпуску (1972 год) довелось представлять нашу работу на городском смотре школьных агитбригад, рассказывать о школьной практике на Ленинградском телевизионном канале. А мне ещё и читать стихи о лесосплаве в прямом эфире. Конечно, организовать такую работу для школы было непросто, как и получить разрешение на полную рабочую ночную смену (по правилам работать можно было только 4 часа, но кто из местных рабочих согласился бы работать полночи...). Администрации школы было по плечу решать и не такие проблемы».

Наконец, в школе проводились творческие конференции. У выпускницы 1973 года Елены Румановской сохранилась программа 4-й конференции за 1972–1973 учебный год, к 50-летию СССР. Программка отпечатана с помощью Выборгского Дворца Культуры, и в ней подробно указаны все доклады, секции, имена их председателей, учеников и руководителей-учителей. Начиналась конференция с пленарного заседания, а выступления по секциям проходили в течение последующих двух недель. Ведь общее количество

докладов достигало 30-ти по 9 секциям, а ещё были 17 выступлений-сообщений на английском языке о союзных республиках, Москве и Ленинграде! Заключительная запись программки тоже очень выразительная: «К сведению средних школ Выборгского района. По заявкам школ доклады 4 творческой конференции могут быть прочитаны в школах района. Заявки принимаются в учебной части 534 школы. Тел...». Не знаю, заказали ли что-то, но выглядит красиво. «Представляю, сколько мороки это мероприятие потребовало – согласования, утверждения и т.д. Нам-то что, мы только доклады сочиняли, а вот, Борису Марковичу, наверное, пришлось похлопотать».

Для победителей конференции, активных участников школьной жизни – пионеров и комсомольцев – обязательно устраивались поездки на осенних и весенних каникулах по Советскому Союзу.

Много добрых и восторженных откликов и теперь можно встретить на страницах школьного форума в интернете, в воспоминаниях выпускников, хранящихся в школьном музее, в устных высказываниях тех, кто работал с ним или учился во времена его работы.

Привожу некоторые отзывы:

«Лучший директор, с кем мне пришлось работать. Как он заботился о своих учителях!» (Е. М. Глезина, учитель русского языка и литературы)

«Он для меня всегда останется образцом руководителя, директора школы»

(О. Ю. Лукьянова, выпускница школы, учитель истории)

Из высказываний на форуме 534 школы:

– Первым был Борис Маркович, тем более, что для многих он был и остается Директором с большой буквы. Занятно, правда? Мы вот при БМ всего год отучились, но тоже про него так считаем. А кое-кого даже вспоминать неинтересно.

– Предлагаю выяснить точно, когда пришёл к нам в школу Б. М., и установить эту дату днём духовного рождения нашей школы.

– Б. М. ходил на работу в безупречном мареновом костюме и всегда белоснежной рубашке с галстуком. Орел. Выправка был гвардейской (кстати, он и сейчас ничего себе (я где-то фотку послал трехлетней давности). Правда давно с ним не виделся и давно не звонил (завтра же позвоню).

– С первого дня преподавал у нас историю. Преподаватель он был хороший, но сразу скажу, не блестящий. У него заслуг много, выдумывать новые кому-кому, а ему не нужно.

– Я была совсем мелкой – застала БМ только в 1 классе, но хорошо помню, как с разбегу налетела на него (головой в живот, больно, наверное) на перемене, подняла голову – ой, директор... А он меня даже ругать не стал, по голове погладил и отправил бежать дальше).

– А еще, помните – кто был – на каком-то из юбилеев школы (кажется, в 1995 году) было видеообращение БМ показано – зал просто взорвался!

– ТАКОГО директора больше и не было ведь. Хотя Л. Н. – очень неплохой директор. Здоровья Вам, Борис Маркович!

Это был Директор. Это была Личность. Причём некоторые правильно отмечали, что учитель он был «не супер» (история), а Директор – от Бога. Особенно в то время.

– Даже не верится, что Борис Маркович был директором всего восемь лет. Кажется, что целую вечность. И я согласна, что он был директором №1!!! А у кого-нибудь есть его электронный адрес? Напишите, пожалуйста.

– А основу в школу заложил Красник Борис Маркович. Хоть и много лет прошло, но закваска должна остаться. А он ещё жив, наш директор :)

Даже я Красника помню, по маминым рассказам!! Она училась в этой школе, а потом и я – 10 лет. Значит, стоящий директор))

Вот такие отзывы, искренние и настоящие... Ведь на форумах пишут всё как есть, без прикрас.

Данное исследование дало мне огромный опыт в написании подобных работ. Мне удалось собрать часть разрозненных воспоминаний Бориса Марковича, отзывов и

воспоминаний о нём и его работе. Я узнала новые биографические сведения: о довоенных годах он раньше не говорил. Но я увидела, что есть ещё неописанные страницы его биографии, его творческой деятельности (например, в школе-интернате № 15). Сопоставление его воспоминаний с отзывами тех, кто был рядом с ним, позволило мне глубже понять значение его деятельности, его личности. Скольких детей вырастил Борис Маркович в детском доме, скольким детям помог встать на ноги в интернате и школе!

Я впервые узнала про жизнь детского дома после войны. Предыдущая моя исследовательская работа посвящалась жизни детского дома в период войны. И тогда, казалось, что уж послевоенное время будет радостным и счастливым. Но теперь я знаю, это были трудные времена.

Затем я узнала много нового о своей школе, об учителях, о тех, кто учился в школе № 534, какая воспитательная работа проходила в ней. Кое-что из того, что делалось тогда, и сейчас пытаются продолжать, например, создан музей Ученика, проводятся научные конференции школьников, охраняется яблоневый сад вокруг школы. Но многое, что было при Борисе Марковиче, как мне кажется, сейчас просто недостижимо. Он свято верил в свое дело, в своих ребят и в тех, кто ему в этом всегда помогал. Рядом с ним окружающие все время чувствовали уют и тепло, надёжность и заботу. Ведь этот человек готов был защитить, если понадобится любого, и каждый это чувствовал. И удивительно даже не то, что Бориса Марковича помнит до сих пор каждый, кто был с ним когда-либо знаком, но то, что он сам на пороге 98-летия помнит и учителей, и выпускников, и даже членов их семей.

Горячая любовь и преданность своему делу, каждодневный самоотверженный труд, вера в конечный результат и одновременно частые сомнения в правильности своих решений, постоянная публичность и открытость, сочетающаяся подчас с вынужденной изворотливостью и определённой смелостью в отношениях с тогдашним руководством – таким мне открылся Борис Маркович Красник.

Использованная литература и источники:

1. Ваксер А. З. Ленинград послевоенный, 1945–1982 годы. – СПб. : Остров, 2005. – 436 с.
2. Глезеров С. Е. Готический приют // С.-Петерб. ведомости. – 2009. – 28 нояб. (№ 223).
3. Довжикова В. Н. «Живая книга»: уроки внеклассного чтения в начальной школе. – СПб. : КОСТА, 2008. – 232 с.
4. Селивановская Т. Второй отец ; Детский дом // Берегиня. – Н. Новгород, 2000. – № 4–5.
5. Записи телефонного разговора Б. М. Красника с О. Ю. Лукьяновой.
6. Красник Б. М. Воспоминания, письмо. 9 с.
7. Лукьянова О. Ю. Воспоминания. 3 с.
8. Румановская Е. «В начале жизни школу помню я...» : воспоминания. 12 с.
9. Чернышева Н. С. Воспоминания. 4 с.
10. Материалы музея «История школы».

Ситникова Тамара

10 класс, 416 школа,

«Школа развития личности
им. В. В. Павловой»,

Петродворцовый район

«Чтобы годы золотые не пропали без следа!»

Авторы школьного гимна 20-х годов

Сергей Дюфур и Павел Кортылев

В музее истории нашей школы, созданной еще в 1906 году как Петергофская женская частная гимназия В.В. Павловой, есть много интересных экспонатов и документов. В витринах музея можно познакомиться с мемориями основательницы школы и ее замечательных выпускников, таких как Герои Советского Союза адмирал В.А. Касатонов и летчик Н.И. Гапеев, Герои Социалистического труда инженер-гидростроитель Г.И. Строков и директор Пушкинского заповедника С.С. Гейченко, с экспонатами, свидетельствующими о трудовых, ратных подвигах и свершениях учеников, выпускников и педагогов школы за более чем сто лет ее существования. Экскурсии в музее проводят экскурсоводы-школьники. Являясь на протяжении многих лет одним из экскурсоводов нашего музея, мне казалось, что его экспозицию я знаю, что называется, вдоль и поперек. Однако каково же было мое удивление, когда, ожидая однажды несколько подзадержавшуюся группу очередных экскурсантов, я подошла к давно знакомой витрине, где выставлены документы, имеющие отношение к созданию в 20-х годах прошлого века школьного гимна, и чтобы скрасить несколько вынужденное ожидание, стала читать текст. Внимательно прочитав стихи, (что к своему стыду, как оказалось, раньше я сделать не удосужилась), я была поражена его содержанием. Когда же сопоставила даты, информацию о времени написания и материал, который я знала, то удивлению моему не было

предела. Два ученика Единой Советской Трудовой школы им. В. И. Ленина: один – по происхождению французский дворянин, другой – сын представителя императорской лейб-гвардии, всего через 4 года после смены государственного строя в России написали гимн, проникнутый таким пафосом, что самые революционно настроенные поэты того времени могли позавидовать. Мне стало очень интересно, что могло изменить сознание совсем еще юных петергофских мальчишек настолько, что подвигло их к написанию такого произведения. Когда же я обратилась за консультацией к людям, владеющим музыкальной грамотой и показала им ноты этого произведения, то все они сошлись во мнении, что музыка очень сложная для 15-летнего автора и абсолютно соответствует основным критериям, которые обычно предъявляют к такому произведению, как гимн.

Все это подтолкнуло меня к более тщательному изучению материала и документов.

Наш школьный гимн был написан в начале 20-х годов, когда, по словам выпускницы 1926 года Валентины Васильевны Морозовой-Дюфур, школа переживала настоящий «золотой век».

Еще при создании женской гимназии в 1906 году, ее создатели особое внимание уделяли атрибутике. На фотографии В. В. Павловой и ее мужа Н. В. Павлова при сильном увеличении можно рассмотреть на зажиме для галстука Веры Васильевны эмблему гимназии с двумя перекрещенными буквами «Г» и «П» – гимназия Павловой. Такую же эмблему обычно размещали и на выпускных жетонах или, как называют их выпускники того времени, выпускных значках гимназии. В музее хранятся значки выпускниц-гимназисток, в том числе – первой из шести девочек, приступивших к занятиям в гимназии в самом начале февраля 1906 года, Антонины Дербеневой. Школьная форма, отличающая петергофских гимназисток от учениц других учебных заведений, также преследовала кроме других целей и сплочение гимназического коллектива и выделение его в самом лучшем смысле этого слова из рядов многочисленных других, вновь открытых к тому времени, частных

учебных заведений. Форма гимназии В. В. Павловой представляла собой светло-голубой длинный хлопчато-бумажный халат с рукавами, полностью закрывавший домашнюю одежду воспитанниц. Фасон этого платья строго не регламентировался, потому здесь была предоставлена полная свобода для самовыражения и демонстрации своих способностей в шитье и рукоделии.

Сведений о существовании в то время гимназического гимна не сохранилось, вполне возможно, что попытки к его созданию и были предприняты, просто не пришли еще к тому времени в это учебное заведение те, кому было суждено войти в его историю в качестве создателей гимна петергофской Единой Советской Трудовой школы им. В. И. Ленина. Сергей Дюфур (автор музыки) и Павел Кортылев (автор текста) были зачислены в школу только в 1920 году. К тому времени гимназии уже были упразднены, а женская частная гимназия В. В. Павловой оказалась уже в 1918 году реорганизована в советскую трудовую двух ступеней школу. Обучение стало для девочек и мальчиков совместным. Здесь и познакомились все три главных участника истории, связанной с созданием школьного гимна: С. Дюфур, П. Кортылев и В. Морозова, оставившая подробные воспоминания о своих сверстниках, очень близких ей людям. Для того чтобы иметь представление о характере этого произведения, приведем текст гимна не в приложении, а в тексте данной главы:

Растите силы молодые
Под красным знаменем труда!
Растите! Годы золотые
Чтоб не пропали без следа!

Отцы добыли нам свободу,
Надеждой смелою горя.
Мы – часть великого народа,
Мы – жизни будущей заря!

И жизни новой солнце светит.
Кругом все ярче, веселей!

Пускай весь мир тогда заметит,
Что мы сильнее всех царей.

В борьбе упавших мы заменим
И смело встанем в их ряды.
Избыток сил к тому применим,
Над чем трудились отцы.

Эй, молодежь! Смелее будь!
И мы бесследно не погибнем.
И с гордой радостью мы выйдем
На новой жизни светлый путь.

Растите силы молодые
Под красным знаменем труда!
Растите! Годы золотые
Чтоб не пропали без следа!

Сергей Львович Дюфур был создателем музыки школьного гимна начала 20-х годов. Он родился в Петергофе 8 июля 1907 года в семье потомственного почетного гражданина Леона-Виктора-Шарля Дюфура, выходца из Франции. Жила семья Дюфур в поселке Новые места, о котором М. М. Измайлов в своем путеводителе в 1909 году писал: «Сейчас же за Старо-Петергофской станцией по обе стороны полотна (железной дороги – Прим. авт.), расположены недавно возникшие дачные поселки, Новые места, Заветное и др. Поселки эти густо населены не только летом, но и зимой, и население их год от года увеличивается, равно как и застройка все новых и новых участков».

В Новых местах, где застройка началась, по сведениям другого известного петергофского краеведа В. А. Гущина, в 1890-х годах, находились, в основном двухэтажные особняки с приусадебными садовыми участками, построенные на рубеже XIX–XX веков.

Леон-Виктор-Шарль Дюфур, который был известен в Петергофе как Лев Викторович Дюфур, приобрел в мае 1900 года участок на Королевской улице поселка Новые места у кронштадтского мещанина Григория Васильевича Королева. Любопытно, что свое название, по

мнению В. А. Гущина, улица получила в честь этого человека. Королевская улица (в советское время Кингисеппская ул.) была расположена с южной стороны железной дороги и шла параллельно ей. Участок Дюфура сначала был небольшим, но на нем Лев Викторович построил двухэтажный дом со службами. Только в 1912 году хозяину удалось расширить свои владения, приобретя смежный участок по Гвоздевской улице.

На старой фотографии, размещенной в книге В. А. Гущина «История Петергофа и его жителей» дом Л. В. Дюфура не производит особого впечатления. Однако воспоминания, оставленные женой С. Л. Дюфура В. В. Морозовой, наводят на мысль о том, что это просто не очень удачная фотография. По воспоминаниям Валентины Васильевны, «Дом Льва Викторовича Дюфура отличался своим уютом и чисто европейскими удобствами». От многочисленных петергофских дачных садов отличался своей планировкой и сад с зелеными газонами и куртинами на них. В саду были высажены самые разнообразные интересные и даже экзотические растения, «среди которых были шток-розы и банан». Вдоль фасада росли невысокие, с круглыми кронами, липы, которые хозяин специально выписал для своего сада. Именно по отросткам этих лип сумели в 1944 году Валентина Васильевна и Сергей Львович отыскать на руинах поселка место расположения стертого с лица земли за годы Великой Отечественной войны дома.

И сад, и обстановка в доме были созданы по рисункам и сообразно изысканному вкусу Льва Викторовича Дюфура, который был не только любителем и ценителем живописи, но и сам хорошо рисовал. В доме было небольшое собрание картин, среди которых особую ценность составляло полотно Помпео де Батони «Святое семейство», датированное 1777 годом. Картина была, по воспоминаниям современников, «огромная, от пола до потолка» и стояла на специальном невысоком постаменте в гостиной. Возможно, полотно это было хорошей копией шедевра, так как сегодня в собрании Государственного Эрмитажа есть картина того же автора и с тем же названием, приобретенная, как

видно из сопроводительного текста, императором Павлом I в 1777 году у самого художника. Возможно, это был и один из вариантов известного библейского сюжета, повторенных самим знаменитым итальянским мастером. Судьба полотна, бережно хранившегося в доме Льва Викторовича, сегодня неизвестна.

Во второй этаж дома вела внутренняя лестница, где находились все спальни. Вечером перед образами горели лампы, что, по мнению Валентины Васильевны, было явным влиянием жены Льва Викторовича, Натальи Павловны Дюфур, матери Сергея. На некоторых окнах дома были витражи, которые напоминали членам семьи о далекой родине предков Франции и о Соборе Парижской Богоматери. Осколки витража Валентина и Сергей нашли в 1944 году в пепле полностью сгоревшего в годы войны дома. Скорее всего, среди сгоревшего имущества оказались и все картины, и памятные вещи.

Все дети Дюфур учились музыке. Потомки семьи предполагали, что любовь к музыке передалась от одной из бабушек, к сожалению, имени её пока не удалось установить. Бабушка, по воспоминаниям родственников, в молодости великолепно играла на рояле и даже была автором нескольких музыкальных произведений.

Музыка в доме звучала часто. Старший брат Сергея играл на виолончели и даже давал сольные концерты в мужской и женской гимназиях. Впоследствии виолончель он забросил и стал инженером. Также были образованными женщины, например, сестра Льва Викторовича, Люция Викторовна, которая была замужем за инженером путей сообщения Егором Константиновичем Коковцевым, состоявшим в свою очередь в родстве с председателем Совета министров России Владимиром Николаевичем Коковцевым (1816–1933 гг.). Дача Е. К. Коковцева, следовательно, и его супруги – сестры В. Л. Дюфура, находилась неподалеку на той же Королевской улице.

Дочь Люции Викторовны, Екатерина Коковцева была замужем за Павлом Павловичем Кеппом, родным братом мужа учительницы русского языка и литературы в Единой

Советской Трудовой школе им. В. И. Ленина. В школе одно время устраивались концерты камерной музыки. Братья Кепп: Евгений Павлович и Павел Павлович были в составе оркестра. Так как дома Коковцевых и Дюфур находились рядом, семьи, конечно же, общались друг с другом, и Павел Павлович Кепп иногда музицировал дуэтом с Сергеем Дюфуром. В этом дуэте Кепп играл на скрипке, а Сергей – на пианино. Музыка в этом доме вообще звучала часто: здесь было не только пианино, но и фисгармония. Сергей и Виктор Львович часто играли на двух инструментах очень серьезные произведения, среди которых Валентине Васильевне Морозовой особенно запомнился Реквием Джузеппе Верди.

Учились музыке все дети в семье (кроме брата у Сергея была еще и родная сестра Екатерина, учившаяся в Петергофской частной гимназии В. В. Павловой), но верным ей остался только Сергей Львович. Еще совсем маленьким он садился за фортепиано и старался что-то изобразить. Родители заметили неординарные музыкальные способности мальчика и стали брать уроки у известного музыканта. Как пишет Валентина Васильевна, музыканта звали Гуго Иванович. Можно предположить, что это тот самый Гуго Варлих, дирижер придворного оркестра, которого упоминает, вспоминая о детстве в Петергофе, Семен Степанович Гейченко.

В 14 лет, в 1921 году, Сергей Дюфур написал музыку школьного гимна. Если вчитаться в текст, то поразительно, как дети, выросшие в семьях, которые в дореволюционные годы составляли верхушку среднего класса и жили без особых материальных проблем, вдруг написали такое произведение!

После революции 1917 года многое в жизни России, конечно же, Петергофа – бывшей парадной царской летней резиденции – и его жителей, изменилось.

Валентина Васильевна Морозова, отдавая должное родителям своим и своих сверстников, писала, что эти люди «потеряв все, не пали духом, и сохранив то, положительное, что они получили от воспитания в дореволюционные годы,

передали все это своим детям». Дети, как и их родители, ни на что не жаловались и не сетовали на непривычные условия жизни, просто делали все, что было нужно с готовностью и интересом. Для этого сложного времени характерно было трудолюбие, выносливость, доброжелательное отношение друг к другу и спасительное чувство юмора. Никто ничему не удивлялся, всем приходилось выполнять самую тяжелую и непривычную работу, из ничего изобретать вкусную пищу, приличную одежду. Девочки в школе при этом совершенно не обращали внимания на то, кто из них лучше одет.

Два послереволюционных года 1919 и 1920 обернулись для большинства петергофских семей большим горем и даже настоящей катастрофой. Многие тогда лишились отцов, которые тогда не в состоянии были вынести такого удара, который нанесла им революция. Рухнуло все то, чего они достигли за многие годы честным трудом. В стране была разруха и страшная безработица. Не миновали эти беды и Петергоф. Пропали все сбережения, которые хранились в семьях на черный день. Семьи в то время, в основном, были многодетными. В некоторых было 10–12 детей. До революции большинство петергофских семей, даже многодетных, были хорошо обеспечены и ни в чем не нуждались. Когда многие лишились отцов, а в некоторых случаях и матерей, то все заботы о семье брали на себя старшие дети, родственники. Многие стали работать на петергофской гранитной фабрике, в конторах. Многие занялись шитьем. Какие-то семьи очень выручили в то время огороды. В Новых местах к каждому дому прилагался земельный участок, что и помогло жителям этого поселка, да и многих других. Кроме трудностей с питанием и добыванием учебников и тетрадей – было совершенно невозможно достать где-то обувь. Был период, когда детям летом приходилось ходить босиком или в самодельных деревянных сандалиях, которые представляли собой деревянные подошвы с ремешками. Дома дети тех лет участвовали во всем, чем приходилось заниматься и взрослым: возились с домашними животны-

ми (козами, коровами), заготовливали дрова, помогали в огороде и, конечно, много времени отдавали школе.

Интересно, что именно в 1921 году, после двух самых тяжелых послереволюционных лет, были написаны слова и музыка школьного гимна, исполненного революционным пафосом и абсолютной верой в светлое будущее. «Мы жизни будущей заря» – пишут подростки, жизнь которых перевернулась и изменилась к тому времени далеко не в лучшую сторону. Эти дети выросли в семьях, которые в дореволюционные годы жили без особых материальных проблем. По сути, в 1921 году они написали гимн не только новой школе, но и всей революции.

Несмотря на многочисленные трудности и лишения, В.В. Морозова называет 20-е годы «золотым веком» для нашей школы – тогда Единой Трудовой Советской школы имени В.И. Ленина, реорганизованной в 1918 году из петергофской частной гимназии В.В. Павловой. Обучение стало совместным для девочек и мальчиков, что в те годы также стало настоящей революцией в жизни петергофских школьников. В 1920 г. из мужской гимназии в школу перевели несколько мальчиков. В их числе оказался и Сергей Дюфур.

В школе Сергея очень любили. Все девочки были увлечены им, но он держался со всеми дружелюбно и просто по-товарищески. Доказательств всеобщей девичьей любви к Дюфуру можно и сегодня найти предостаточно. Друг Сергея Львовича, Павел Григорьевич Кортылев, писал:

Дюфур – одно очарованье:
Изящен, розов, вежлив, мил.
А сколько он любви страданьем
Чужих сердец испепелил?!

Подумать только –
Вспомнить страшно.
Их целый бесконечный ряд!
Я сам боролся в рукопашной
За мимолетный только взгляд.

И обессилев, со стенаньем
Последней строчкой встал в конец
В девятитомном поминанье
Серезжкой сгубленных сердец.

Для школы Сергей Дюфур был настоящим кладом. Пока он учился в ее стенах, здесь царил мир его музыки. Все просьбы и поручения сверстников он выполнял безропотно, не считаясь совершенно с собственным временем. Его часто вызывали с уроков, особенно, когда шла подготовка к очередному выступлению. Оставался он часто в школе и после окончания занятий, когда большая часть учеников уже была дома. Обычно школьный актовый зал был закрыт, но во время большой перемены трем старшим классам разрешалось им пользоваться. Сергею вручали ключ, он садился за рояль и все, счастливые и довольные, полчаса слушали его музыку, иногда танцевали. Часто юноша играл то, что просили ребята. Воспринимали сверстники Сергея в школе как «роскошную необходимость, как нечто обязательное». Многим, как и Валентине Морозовой, казалось, что если бы он вдруг исчез, то «вся красивая и содержательная жизнь в школе остановилась бы». В 20-е годы в школе работал литературно-художественный кружок, которым руководил преподаватель литературы Леонид Михайлович Измайлов. Вступить в него могли только старшеклассники. Это был особый мир, даже ученики других классов, на третьем этаже, где проходили занятия кружка, вели себя как-то по-особенному. Позднее, в 1946 году, П. Кортылев писал о руководителе кружка:

Вот, наконец, литературы
Настал урок. Его с утра
Мы ждали так, как ждут добра,
Как солнца в день ненастья хмурый;
И вот по лестнице спешит
К нам в класс Измайлов Леонид.

Прическа ежик и такая была улыбка у него,
Что, глаз своих не отрывая,

Могли смотреть мы, ничего
Не видя более вокруг.
Таким был внешне добрый друг.

Теперь его уже не встретим.
И если есть и почему
В душе хорошее, то этим
Мы все обязаны ему.
Он сделал главное, что мог:
Нам души пламенем зажег.

Все члены кружка очень подружились между собой. Ребята вместе издавали стенную газету. В школе постоянно устраивались концерты и спектакли. Забегая вперед, нужно отметить, что занятия в школе и кружке так сдружили ребят, что после ее окончания они образовали Общество бывших учащихся – ОБЫВУЧ. Силами членов этого общества были написан сценарий и поставлен спектакль по пьесе Ж.-Б. Мольера «Жеманницы» с музыкальным сопровождением и световыми эффектами. Режиссером этого спектакля стала учившаяся в то время на режиссерском отделении театрального института Вера Евменьевна Рыбалко. Костюмы и световые эффекты были выполнены по эскизам Василия Миняева. Василий сам управлял созданным им волшебным фонарем и освещал разноцветными огнями сцену. Музыка к спектаклю принадлежала Сергею Дюфуру. Он сидел по ходу действия за роялем и играл то, что им было задумано. Школьный зал был полон, и успех был оглушительный.

Проходили в школьном актовом зале, который даже после значительной перестройки и сегодня имеет замечательную акустику, концерты и спектакли профессиональных артистов. Организацией таких выступлений занимались сами ученики старших классов. Так, стараниями двух юношей (Сергея Дюфура и Сергея Воронина) был организован концерт с участием ведущих артистов сцены Мариинского театра, которым аккомпанировал известный в то время дирижер оркестра Мариинки В. А. Дранишников. Отважные юноши раздобыли адреса актеров и музыкантов. Побывали

у многих дома и, к всеобщему удивлению, и восхищению, концерт на школьной сцене состоялся.

Можно предположить, что назначенный в 1918 году на должность дирижера оркестра Мариинского театра Владимир Александрович Дранишников вспомнил о летнем пребывании в Петергофе в составе регентских классов Придворной Певческой капеллы, которая размещалась в Английском дворце, и потому откликнулся на призыв петергофских школьников.

Позднее обывучевцы (так выпускники сами себя называли) опять же по инициативе С. Дюфура абонировали две ложи в Мариинском театре, который благодаря этому, на некоторое время стал местом постоянных встреч и общения выпускников школы.

В школе Сергей Дюфур успевал участвовать в шахматных турнирах, был членом петергофского яхт-клуба, очень популярного в то время среди петергофской молодежи. Был он и заядлым велосипедистом, любил совершать дальние прогулки. На переменах мальчишки любили прыгать с разбега через целый ряд поставленных стульев. Сергей прыгал дальше всех – через 7 стульев. Был он вообще человеком разносторонним и целеустремленным. Дело, за которое брался – всегда доводил до конца. Любил говорить, что все надо делать как следует. Сам следовал неизменно этому утверждению во всех делах. Например, уже в зрелом возрасте, составил большие таблицы с именами, хронологическими данными и перечнем наиболее значительных произведений писателей, философов и композиторов. Придумал на основе этих таблиц игру и терпеливо занимался ею с внуком. На все у него хватало времени.

Еще в школьные годы Сергею Львовичу прочили путь в консерваторию. Однако, в 1924 году, когда он стал выпускником школы имени В. И. Ленина, направление на учебу можно было получить только через работу отца. Лев Викторович, возможно, ни без помощи мужа сестры Е. К. Коковцева, инженера-строителя Балтийской железной дороги еще при царском режиме, выхлопотал для сына направление в Железнодорожный политехникум Так,

Сергей оказался в довольно чуждом, на первый взгляд, ему мире техники. Одновременно, он все-таки добился допуска к экзаменам в музыкальный техникум имени П. И. Чайковского. На вступительном экзамене он играл произведение собственного сочинения.

Лев Викторович был очень обеспокоен тем, что сын слишком много времени уделяет музыке. Он настоял на том, чтобы Сергей отказался от занятий в музыкальном техникуме и серьезно занялся учебой в политехникуме, где в то время был великолепный преподавательский состав, почти исключительно состоявший из профессоров. В политехникуме преподавание велось по расширенной программе, дающей хорошую подготовку, которая потом позволила бы продолжить образование в институте. Так Сергей Львович расстался с профессиональной карьерой музыканта, хотя музыка, конечно же, сопровождала его на протяжении всей дальнейшей жизни. Дома он играл постоянно и достиг больших успехов, хорошо знал историю и теорию музыки. Расставшись с музыкальным техникумом, Сергей Дюфур углубился в изучение технических наук. В технике он также добился больших успехов и, по признанию его супруги, даже полюбил ее. Он окончил технический ВУЗ и уже в послевоенное время стал профессором ЛИИЖТа (Ленинградского Института инженерно-железнодорожного транспорта), доктором технических наук. Пройдя в науке школу знаменитого профессора В. Н. Листова, профессор С. Л. Дюфур стал крупным специалистом в области систем коммутации, участвовал в разработке методики расчета количества каналов и проектирования координатных и квазиэлектронных АТС (автоматизированных телефонных станций), системы дальней автоматической телефонной связи. Он является автором 84 печатных трудов, среди которых учебник по телефонии, 8 монографий, 4 учебных пособия.

Однако всего этого могло и не случиться, не будь рядом удивительной женщины – Валентины Васильевны Морозовой-Дюфур. Без нее было бы невозможно не только данное исследование, основанное на тщательном изучении в первую очередь оставленных ею подробных рукописных

воспоминаний и бесед, записанных на магнитофонную пленку в самом конце XX века. Без нее, возможно, Сергею Львовичу суждено было просто исчезнуть в конце 30-х годов, как и миллионам советских людей, судьба многих из которых до сих пор остается неизвестной.

В 1999 году в одном из номеров известного литературного журнала «Нева» был опубликован автобиографический очерк Валентины Дюфур «Странный прокурор», в котором она поведала читателю удивительную, если не сказать таинственную и чудесную, историю об аресте и освобождении Сергея Львовича Дюфура в 1938–1939 гг.

В начале 1937 года Сергей Львович был вызван в Москву для изучения американской аппаратуры дальней связи. Вскоре он принял участие в создании проекта уникальной по дальности линии связи между Москвой и Хабаровском. Во время длительных командировок супруги вели постоянную регулярную переписку, которая вдруг неожиданно оборвалась. Через некоторое время встревоженная молчанием Валентина Васильевна обратилась сначала в Центральную лабораторию связи в Ленинграде, где было основное место работы Сергея Львовича, затем – в прокуратуру Октябрьской железной дороги, где также было ничего неизвестно о каких бы то ни было авариях или происшествиях. Письмо в Москву в Центральную лабораторию также осталось без ответа. Валентина Васильевна поняла, что случилось страшное. Стала наводить справки в различных отделениях прокуратуры, отстаивая огромные очереди в каждом, но везде получала только отрицательные ответы. Она начала ходить по тюрьмам в надежде хоть там отыскать хоть какую-то информацию о судьбе мужа – все было тщетно. В Нижегородской тюрьме, располагавшейся неподалеку от Финляндского вокзала, молодой охранник сочувственно посоветовал, возвращая паспорт, идти домой к маленькому сыну и прекратить всякие поиски. Валентина Васильевна прекрасно знала, что если мужа арестовали, то вскоре эта же участь могла постигнуть и его жену, но она твердо решила докопаться до истины. Решила: «Буду добиваться своего, чтобы меня взяли в свидетели, так как я с детства знаю

своего мужа и его семью». В Ленинграде она побывала во всех тюрьмах и прокуратурах, но мужа так и не нашла. Она решила ехать в Москву, надеясь, что там известно все и обо всех. На поиски в столице ушло еще больше времени – прокуратур и тюрем здесь оказалось гораздо больше. Все они битком были набиты очередями. За время поисков отважной женщине пришлось написать 36 заявлений, запросов, писем. Побывала Валентина Васильевна на Лубянке, в приемных Сталина, Молотова и других чиновников, была у жены А. М. Горького – Андреевой, «которая ведала заключенными». А также у всех, о ком слышала как о людях, причастных к судьбам пропавших без вести. Больше месяца продолжались ее поиски в Москве, пока, наконец, не привели ее в огромное, напомнившее Русский музей, здание Военной прокуратуры СССР. В общей приемной прокуратуры было тесно и многолюдно, начались многодневные хождения по кабинетам. Как-то во время очередного такого визита Валентина Васильевна заметила небольшой пролом в стене и следы текущего ремонта. Недолго думая, она пролезла в пролом и оказалась на черной лестнице, куда без пропуска проникнуть в принципе было невозможно. Поднявшись наугад до третьего этажа, женщина пошла по длинному коридору, где на дверях уже висели таблички только с одной фамилией, а не с несколькими, как было на нижних этажах. Фамилии ни о чем не говорили, и все-таки она выбрала наугад табличку, где было написано «Монастырев». Удивительно, что довольно крупный русоголовый человек в военной форме не выставил ее сразу за дверь, а выслушал с некоторым даже любопытством рассказ о ее безрезультатных поисках и ее горячую просьбу – помочь отыскать хоть какие-то следы пропавшего Сергея Львовича. Она настаивала на том, чтобы ее официально допросили, потому что мужа она знает с самого детства, училась с ним в одной школе и хорошо знает его семью – хороших, порядочных людей, пользующихся большим авторитетом в Петергофе. Прокурор Монастырев слушал внимательно, задав только несколько сухих протокольных вопросов. Горячность и взволнованность Валентины Васильевны невольно

произвела впечатление на этого человека. Он посоветовал ей ехать в Петергоф к сыну и ждать известий. Валентина Васильевна послушалась совета и вернулась в Ленинград к сыну Мише. Снова стала ждать сообщений. Наконец, пришел вызов в Москву. На следующий день она уже была в кабинете у Монастырева, который и сообщил, что Сергей Львович находится в Красноярской тюрьме. Прокурор попытался отговорить женщину от поездки в Красноярск, но понял, что другого пути для нее нет. На прощание попросил обязательно сообщить о результатах поездки после возвращения. Вернувшись в Петергоф, Валентина Васильевна оставила сына на попечение родителям Сергея Львовича, а сама немедленно отправилась если не спасать мужа, то хотя бы немного облегчить его участь. Поезд из Москвы до Красноярска шел пять дней. Тюрьма оказалась мрачным зданием с забитыми железом окнами. Еще в вагоне поезда Валентина Васильевна получила несколько дельных советов от попутчиков. В тюрьму пришла с мешочком лука. Посылку приняли и через совсем небольшой промежуток времени велели взять расписку в получении. В расписке, рядом с ее подписью стояла подпись мужа: Серега Дюфур. Он подписался домашним именем. Стало ясно – он жив и находится здесь, в тюрьме. Следователь НКВД уверял Валентину Васильевну, что Сергей Львович сам признался в участии в шпионском заговоре и даже подписал протокол, чему она не поверила и горячо отстаивала в разговоре невиновность мужа. Придя на следующую встречу уже не со следователем, а с прокурором, по служебному телефону услышала: «Обстоятельства сложились так, что в вашем присутствии нет необходимости». Сердце любящей женщины почти остановилось. Она бросилась на вокзал, нужно было срочно ехать в Москву к прокурору Монастыреву, была уверена, что если не успеет – Сергея Львовича могут расстрелять. В кабинете московского военного прокурора Валентина Васильевна узнала, что дело направлено на пересмотр. Это было чудо! Но прошло еще много времени, пока Валентина Васильевна встретилась с супругом. Это случилось только в марте 1939 года. Он рассказал о том, что

в мае 1938 г., когда его вагон-лаборатория стоял на путях у станции Зима, ночью пришли неизвестные им люди, произвели обыск в лаборатории, а Сергея Львовича арестовали. Сутки он просидел в небольшом привокзальном сарае, а потом его отправили в Красноярскую тюрьму. Камера была большая, но народу было столько, что спали на полу, тесно прижавшись друг к другу. На нарах тоже лежали по двое. После изнурительных многодневных допросов, последний из которых продолжался на протяжении шести суток, в состоянии близком к сумасшествию, Сергей Дюфур все-таки подписал признательный протокол, где «сознавался» в том, что он является участником шпионской организации. Дальше стал ждать неминуемого приговора и расстрела. Однако совершенно неожиданно был вызван «на выход с вещами». После выполнения нескольких формальностей еще более неожиданно Сергей Львович оказался за воротами тюрьмы, где на прощание ему сказали, чтобы ни в каких анкетах он не упоминал о том, что здесь с ним происходило.

Так, благодаря настойчивости, горячей убежденности в невиновности мужа и, вероятно, необыкновенной удачливости Валентины Васильевны, которая лишь каким-то чудом не оказалась за решеткой вместе с мужем, удалось спасти от неминуемой гибели Сергея Львовича. Сегодня в интернете можно найти официальные документы, где указано, что он был арестован 09.06.1938 года, обвинен сразу по четырем пунктам печально известной 58-й статьи УК РСФСР. С 1939 года отбывал срок, работая механиком на Новой Жидербе (Краслаг). Его дело было официально прекращено НКВД КЖД 20.02.1939 года «по реабилитирующим основаниям». До полной реабилитации, судя по документам, ему дожить так и не удалось – она состоялась лишь 13.06.2006 года (Прокуратура КК (П-327)) – через 13 лет после его смерти.

Подробно остановившись на этом эпизоде семейной биографии Дюфуров, хочется отметить неизменно удивительные и бережные отношения между супругами. Современники не единожды отмечали это. Этой

семейной паре Павел Григорьевич Кортылев среди своих многочисленных послевоенных эпиграмм посвятил и такую:

Мы не хотим чужого боле!
Отнять бы «дю», прибавить «кин», –
Тогда бы в праздник именин
В уютный дом к веселой Леле,
Совсем по русскому проста –
Явилась Фуркиных чета!

Валентине Васильевне, с которой Павла Григорьевича на протяжении всей жизни связывала особая кристальной чистоты дружба, он посвятил следующие, как обычно шуточные, строки:

Как жаль, что есть глупцы на свете,
Которые, как пчелы мед,
Не пьют нектар по сорок третьей,
Стаканам потерявши счет.

Ты лучше, краше с каждым часом,
Не женщина – нектар хмельной!
Коньяк – он будет просто квасом,
Когда его сравнишь с тобой!

Сергей Львович Дюфур был очень надежным спутником жизни. Жена отмечала его неизменную уравновешенность и полное отсутствие какой бы то ни было раздражительности. Он никогда не повышал голоса, был добрым и заботливым мужем и отцом для сына Михаила. Жене он говаривал: «Ты ни о чем не беспокойся, ты просто следуй за мной в кильватерной колонне». И Валентина Васильевна, сама, безусловно являясь личностью неординарной, на протяжении всей долгой семейной жизни следовала за флагманом – мужем в кильватерном строю: слушала с упоением его музыку, радовалась его успехам в институте, где Сергея Львовича очень уважали и любили. После приема экзаменов и защиты диссертаций он неизменно возвращался

домой с целой грудой цветов. Он всегда был готов поделиться знаниями со всеми, кто обращался к нему за консультацией. Сотрудники института говорили Валентине Васильевне, что своим спокойным и благотворным влиянием он мог сгладить любой назревающий конфликт.

С музыкой Сергей Львович не расставался всю жизнь. После войны в квартире Дюфуров снова появились и пианино, и фисгармония. Дома по-прежнему звучала музыка. Окружавшие его люди любовались его внешностью, спокойной манерой держаться, восхищались его умом и талантом. Музыку его любили – где бы он ни был, его всегда усаживали за инструмент и просили играть.

14 октября 1993 года ночью по радио передавали концерт старинной музыки. Это был любимый Сергеем Львовичем Антонио Вивильди. Он спокойно заснул после концерта и больше уже никогда не проснулся. Валентина Васильевна пережила мужа на 13 лет. Сын Михаил Сергеевич Дюфур родился еще до войны. Сегодня он доцент кафедры динамической и исторической геологии СПбГУ. Сфера его научных интересов: геология Памиро-Гималайского пояса, метаморфические комплексы складчатых областей, методология геологических наук, системный подход. Одним из результатов его плодотворной научной деятельности можно назвать 120 научных публикаций.

Когда-то еще совсем юному Михаилу Дюфур Павел Кортылев посвятил следующие строки:

Шедевр, мечта, а не сынок
В очках геолог остроглазый.
Искатель нефти и алмазов –
Не сын, а «каменный цветок».

Какие витязи растут!
Какой я радости дождался!
Ура родителям!
Их труд
успехом полным увенчался!

Школьный гимн был написан Сергеем Дюфуrom в соавторстве с Павлом Кортылевым примерно за полвека до создания последнего из процитированных стихотворений. Строки гимна, ставшие заглавием этой работы и главы, посвященной автору музыки гимна, могли бы стать девизом всей жизни Сергея Львовича Дюфура, чьи «годы золотые» действительно не пропали без следа, и вся его жизнь – блестящее тому подтверждение.

Автором текста школьного гимна и соавтором Сергея Львовича Дюфура в создании этого произведения является Павел Григорьевич Кортылев.

Павел Кортылев родился в Петергофе 19 февраля 1906 года. Отец его был писарем Лейб-гвардии Ее Величества Уланского полка, казармы которого расположены по соседству с бывшей женской гимназией В. В. Павловой. Проживали Кортылевы и до и после революции на территории расположения Уланского полка. В семье было пятеро детей: старшая дочь Татьяна, два сына – двойняшки Павел и Борис, дочери Мария и Кира. После революции семья занимала большую квартиру из 3–4 комнат во втором этаже двухэтажного деревянного дома. Квартира была «уютная, очень чистая и светлая с крашеными полами, чистыми половиками и сверкающими белизной занавесками». Проживание на территории полка военнослужащих и их семей было вполне обычно по тем временам. Непосредственных сведений о жизни семьи писаря Григория Кортылева до революции не сохранилось, в то же самое время в казарме Уланского полка проживала семья вахмистра эскадрона Афанасия Степановича Касатонова, один из сыновей которого оставил воспоминания о том времени. Касатоновы также обустроились на территории Уланского полка, где вахмистру и его семье была предоставлена казенная квартира. «Предоставленная отцу квартира состояла из одной большой комнаты (около 40 кв.м) и кухни. Полы квартиры были выложены каменными плитами». В 1914 году началась Первая Мировая война. Жители Петергофа торжественно проводили гвардейцев на фронт. Больше Уланский полк в петергофские казармы

не вернулся, рассеявшись по фронтам мировой и гражданской войн. Яков Афанасьевич Касатонов вспоминает, что отцу только раз удалось приехать с фронта на побывку. «Матери было очень тяжело. Трудилась она по 20 часов в сутки – добывала продукты, готовила пищу, стирала, штопала детскую одежду, наводила порядок в квартире». По свидетельству Я. А. Касатонова, составленному со слов родителей, революция в Петергофе прошла спокойно, но жить стало трудно. Особенно плохо было с продовольствием. Казармы опустели, не отапливались, начали приходить в запустение. Тяжело было не только прокормиться, поддерживать тепло в квартирах. Дети, жившие в квартирах при казармах, собирали в Александринском парке дрова, сухие ветки – все, что могло гореть. Весной 1919 года у жителей Петергофа появилась возможность получить землю под огород и немного посадочного материала – картофеля и семян. Это спасло многих от голодной смерти. Касатоновы получили огород на окраине города. «Посадили картофель, капусту, свеклу, морковь. Осенью был снят урожай. Таким образом, в семье была снята проблема голода: картофель и овощи компенсировали недостаток в хлебе». Можно смело предположить, что жизнь Кортылевых в то время немногим отличалась от жизни их соседей по казармам.

В этой семье, как и у Касатоновых, было много детей. Неизвестно какую квартиру они занимали при казармах до 1917 года, но в 20-м году это уже была упомянутая выше квартира в двухэтажном доме. Об отце Павла Григории Кортылеве кроме того, что он служил в Уланском полку писарем, других сведений нет, да и сам Павел Григорьевич о нем практически ничего не рассказывал. К матери, работавшей в госпитале, он относился с большой нежностью и заботой, посвящал ей очень трогательные стихи. Младшая сестра Кира была неизлечимо больна, почти все время лежала в постели и умерла в больнице совсем молодой. Павел очень любил и жалел ее, также посвящал стихи, которые писал, осознавая трагическую невозможность помочь родному человеку. О стихотворениях, посвященных матери и сестре Кире, пишет Валентина Морозова-Дюфур, которая

читала их еще в довоенные годы. Вероятно, стихотворения эти сторели вместе с другими в годы войны и оккупации Петергофа фашистами. Старшая сестра Татьяна работала в Петергофе машинисткой. Сестры Татьяна и Мария были серьезные, порядочные женщины, но личная жизнь у них не сложилась. У Татьяны была дочь Нина, а у Марии – сын Вадим. Детей женщины растили одни, и Павел Григорьевич всю жизнь осознавал огромную ответственность за жизнь и благополучие сестер и племянников. До Великой Отечественной войны все они жили в Петергофе одной семьей. К сожалению, очень мало сведений дошло о брате-близнеце Павла Кортылева Борисе. Известно только то, что он погиб в годы войны с фашистами. Неизвестны даже обстоятельства его гибели.

В школе – тогда еще женской гимназии – после Октябрьской революции 1917 года многое изменилось: отменили форму, иначе стали называться классы. Тот, кто был в 6-м классе гимназии, теперь оказался в 1-м классе 2-й ступени. 1-я ступень состояла из пяти классов: А, Б, В, Г, Д. Затем шли четыре класса 2-й ступени. Таким образом, в Единой Советской Трудовой школе было 9 классов. Те девочки, которые начинали учиться еще в гимназии, оказались в разных классах 1-й и 2-й ступеней. Можно предположить, что в 1920 году с учетом года обучения в мужской гимназии, в бывшую женскую гимназию зачислены и мальчики, такие «которые не явились бы диссонансом в девичьем обществе. Все эти мальчики отличались общим развитием и благовоспитанностью». Вместе с этими мальчиками в этом же году был определён в школу и Павел Кортылев. Павлуша поступил в один класс с Сережей Дюфуром. С этого момента школьная дружба соединила этих людей на всю жизнь. Сергей и Павел очень хорошо понимали друг друга, их роднили благородство и глубина духовного мира. Известно, что дети в семье Дюфур учились в петергофских гимназиях. Тот факт, что на момент знакомства с семьей школьного товарища в 1920 году его родные не знали Кортылева, позволяет предположить, что в отличие от Сергея, Павел до зачисления в Единую Советскую

Трудовую школу, в мужской Петергофской гимназии не учился, хотя и был достаточно образован. Вскоре после знакомства в школе Павел появился в доме Дюфуров, которые жили в поселке Новые места неподалеку от Старого Петергофа. Удивленная его затрапезным видом мать Сергея Наталья Павловна спросила сына: «Что это за мальчик и откуда он?» Сергей заверил маму, что это «очень хороший мальчик, и я с ним дружу». С тех пор Павлуша стал часто бывать в доме школьного друга. Он очень любил слушать, как Сергей играл на фортепиано, а тот любил играть специально для него. Сам Павел не играл, но разбирался в музыке и понимал ее очень хорошо.

В 1921 году Сергей Дюфур и Павел Кортылев в соавторстве написали школьный гимн. Стихотворный текст гимна был написан, скорее всего, под влиянием творчества пролетарских поэтов, объединившихся вокруг Пролеткульта. Их стихи были призваны воспевать изменения в обществе и победу нового строя:

Отцы добыли нам свободу,
Надеждой смелою горя.
Мы – часть великого народа,
Мы – жизни будущей заря!

В тексте, несомненно, присутствует пафос революционного переустройства мира, отсюда и своеобразие жанра этого стихотворения. Оно воспринимается как лозунг, как призыв, обращенный к массам. Павел Кортылев пишет слова гимна – торжественной песни. В данном случае – это хвалебная песнь новой жизни и молодому поколению, которое эту жизнь должно достойно сохранить и приумножить. Любопытно, но ни в одном из сохранившихся стихотворений Павла Кортылева больше нет ничего подобного: ни пафоса, ни восхваления революции, ни призывов к светлому будущему. Возможно, что сохранились только гораздо более поздние произведения, а стихи, написанные в эти же годы, оказались утрачены во время Великой Отечественной войны.

Жизненные пути Павла Кортылева, Сергея и Валентины оказались тесно связаны между собой. В 1930 году Валентина Морозова и Сергей Дюфур стали мужем и женой. Павлуша Кортылев, всю жизнь остававшийся холостяком, сохранил свою верность, дружбу и любовь к обоим членам семьи Дюфур, с каждым из которых его на протяжении всей жизни связывали особенные отношения. Своему лучшему другу через пять лет после окончания школы Павел писал:

Да, знай, Серега.
Я с годами тебя люблю еще сильнее.
За все, что было между нами,
За дружбу с самых школьных дней.
Люблю за прожитое время,
За драгоценный твой рояль,
За эти милые улыбки, за эти славные глаза...
За музыкальнейшие руки...
Люблю тебя за путь победный,
За дружбу верную твою.
Внимай, Сережка:
Лирой бедной
Тебе как Лермонтов пою.

Валентине Васильевне Морозовой-Дюфур Павел Кортылев посвящал многочисленные стихотворения и писал письма на протяжении всей своей жизни. Она воистину стала для него музой. Вот отрывок из одного письма:

«Иногда в непогоду зимой, где-нибудь дома в теплом уголке у печки трещит сверчок. У меня три года подряд в комнате водился сверчок; как хорошо было в тишине прислушиваться к его песенке – в голову всегда приходило что-то светлое, ясное. Ведь люди сделали сверчка символом уюта, тепла, счастья. Говорят, что сверчок трещит к счастью. Вот и ты у меня, как сверчок – маленький, неутомный и веселый. Символ уюта, тепла, счастья».

Очень сложно в наше время читать подобные строки, не заподозрив какого-то скрытого смысла. Сами стихи и письма Павла Григорьевича к Валентине Васильевне прямо таки

располагают к поискам неких близких отношений между ними. Однако, в своих воспоминаниях о Павле Кортылеве Валентина Васильевна убедительно подчеркивает, что этот человек был кристально чист во всем, что касалось отношений между ними. Именно эта чистота помогла им всем пронести до самой смерти радость дружеского общения, пережить вместе суровые годы испытаний, которых на долю каждого выпало предостаточно.

В 1924 году друзья окончили школу. Павлу Кортылеву в то время было 18 лет. Осознавая глубокую ответственность за свою семью, главой которой он стал к тому времени, он пошел работать на Петергофскую гранильную фабрику. Павел был настоящим самородком в семье. Кроме того, что он сочинял прекрасные стихи, еще и великолепно рисовал. Вместе с ним в классе учился сын архитектора А. К. Миняева Василий, о котором еще в школьные годы Кортылев с большой любовью и легкой иронией написал следующие строки:

Идет, бредет Миняев Вася,
В карманы книги рассовав,
Свой стол рисунками украсив,
Тетради все разрисовав.
Готов с карандашом в руке
Порисовать на потолке.

Дом Миняевых, расположенный в довоенное время на углу улиц Зверинской и Санкт-Петербургского проспекта (сейчас приблизительно на этом месте находится здание Сбербанка) был местом сбора молодых петергофских художников. Александр Константинович Миняев (1862–1919) – последний придворный архитектор Петергофа, по проекту которого было возведено в 1910–1911 годы здание Петергофской женской гимназии, ставшей в 20-х годах Единой Советской Трудовой школой им. В. И. Ленина, к тому времени уже умер. Семья Миняевых в начале 30-х годов жила крайне бедно. Единственная дочь архитектора Ольга Александровна окончила техникум при Академии Художеств по специальности прикладное искусство

камнерезания и работала, также, как и Павел Кортылев, на Петергофской гранитной фабрике. Павел Григорьевич, по воспоминаниям одной из постоянных участниц этих встреч Фаины Львовны Вязьминской, «... часто присоединялся к нам. Он писал хорошие стихи и тоже рисовал, но не с натуры, а по памяти».

О художественной одаренности Павла Кортылева свидетельствует один из любопытных экспонатов музея истории школы – рукописный адрес-посвящение «Веселая песня о любви», выполненный Павлом Григорьевичем в 1955 году ко дню рождения сестры своего одноклассника Евмения Евменьевича Рыбалко – Глафиры. Адрес содержит не только поздравление и шуточные стихи, но и великолепно иллюстрирован акварелями автора. Глафире Евменьевне, проживавшей в то время в Новгороде, посвящены следующие озорные строки:

Смотрит ласково и кротко
Из-под шляпки новгородка.

...

Есть у Гули в чемодане
Ясный месяц и звезда;
Эти штучки после бани
Одевает иногда,

И тогда над всей землей
Пахнет в воздухе весной!

С тем же юмором Павел Григорьевич пишет и о себе, помещая рядом карикатуру – авто-шарж:

Есть чудака со званьем дяди:
Всё браня и хмуря лоб,
Проживает в Ленинграде
Дядя Пупа Катилеп.

Прелестные акварельные иллюстрации «Веселой песни о любви» не только как нельзя лучше свидетельствуют о таланте Кортылева-рисовальщика, но и дают некоторое представление о его характере. К слову сказать, себя он

изображает в этом адресе весьма самокритично, называя «мастером на пасквильный стих». Такое ироничное и во многом самокритичное к себе и своему творчеству отношение присуще Павлу Григорьевичу практически во всем.

Поступив в 1924 году на Петергофскую гранильную фабрику, Кортылев проработал там до начала 30-х годов. В 1929 году он писал о себе:

Хожу суровыми путями,
Пять лет на фабрике служу.
Своими старыми друзьями
Я очень-очень дорожу.

Однако тяга к литературе была настолько сильна, что Павел Григорьевич поступил на вечернее отделение Института истории искусств, где проучился два года. Из этого института пришлось уйти из-за невозможности совмещать тяжелую работу на фабрике и занятия на литературном факультете. Нужно было содержать семью – сестер и племянников.

Через некоторое время Павел Григорьевич по направлению с фабрики поступил в Политехнический институт, после окончания которого был распределен на Ленинградский государственный оптико-механический завод (ГОМЗ). На этом заводе Кортылев проработал всю оставшуюся жизнь.

На ГОМЗе Павла Григорьевича очень ценили как специалиста, любили и уважали как человека. Жизнь его в то время проходила, как и у большинства окружающих: работа, длинная дорога домой в Петергоф, общение с друзьями, книги. Еще были спасительные стихи. В них Павел Григорьевич находил утешение, выражал свои самые сокровенные мысли и переживания. Своему лучшему другу Сергею Кортылев передал 20 тетрадей своих ранних стихотворений. К огромному сожалению, они сгорели в годы Великой Отечественной войны вместе с домом Дюфуров в поселке Заветное, расположенном в непосредственной близости от переднего края обороны Ораниенбаумского плацдарма. Вместе с этими тетрадями сгорело и множество других драгоценных для хозяев реликвий.

Годы Великой Отечественной войны стали серьезным испытанием для школьной дружбы семьи Дюфур и Павла Кортылева. В первые же дни войны Оптико-механический завод был эвакуирован в Новосибирск. На долгих четыре с половиной года друзей связала только тоненькая нить переписки военного времени. Самое большое количество писем Павел Григорьевич написал Валентине Васильевне, которая старалась отвечать на каждое, несмотря на сложность и суровость военного времени. Она же и сохранила все эти письма в семейном архиве. Эта переписка позволила В.В. Морозовой-Дюфур описать тяжелую жизнь работников ГОМЗа (ГОМЗовцев) в эвакуации в своих «Воспоминаниях о Павле Кортылеве».

По свидетельству Валентины Васильевны, жили все ГОМЗовцы в Новосибирске в очень тяжелых условиях, почти впроголодь. Очень много работали – с 9 часов утра до 9–10 часов вечера. Чтобы не голодать, работникам завода выделили участки земли под огороды. Участки эти находились в городке Искитим, расположенном примерно в восьми километрах от Новосибирска. На дорогу к огороду приходилось тратить по 8 часов, да и ехать все время стоя в переполненном транспорте. Все годы, проведенные в эвакуации вместе с заводом, Павел Григорьевич чувствовал себя одиноким, часто подавленным. Плохо было и со здоровьем. Работа на гранильной фабрике напоминала о себе болезнью легких, но самое большое горе состояло в том, что Кортылеву не было ничего известно о судьбе сестер и племянников. Уехав с заводом в самом начале войны, он вынужден был оставить семью в Петергофе. После того, как Петергоф в сентябре 1941 года был занят фашистами, судьбы его изгнанных и обреченных на скитания по оккупированной территории жителей долго оставались неизвестными.

Павел Григорьевич не мог простить себе, что уехав, оставил Татьяну и Марию с детьми. Свои самые тяжелые мысли он выразил в стихах, написанных в Новосибирске в 1943 году и посвященных племянникам Нине и Ваде (Вадиму).

Когда замерзшим кулачком
Ты постучишься робко в двери,-
Как чуду, веря и не веря,
От счастья плачущий, молчком

Открою дверь тебе, родной.
Дрожа, как шаткие ступени,
И, как преступник, пред тобой
Я молча встану на колени.

И прячась, жалкий и немой,
От света яркого в окошке,
Твои замерзшие ладошки
Прижму к губам, как крест святой.

Все годы разлуки Павел Григорьевич писал бесконечные запросы во все возможные инстанции, пытаясь отыскать хоть какие-нибудь сведения о судьбе родных. Чем могла, помогала ему Валентина Васильевна. Павел писал ей много и постоянно, и письма эти доходили до самого сердца.

Как только Павел Григорьевич узнал об освобождении Петергофа, то сразу поручил Валентине Васильевне поехать туда и попытаться узнать что-нибудь о судьбе его родственников. Вот строки из его письма: «Двадцатое января – был особым днем. Днем освобождения от немецкого ига родных мест. Меня поздравляли, а мне хотелось плакать; плакать от радости и думать о том, что именно теперь будет произнесено то, что окрылит меня, или вырвет почву из-под ног совсем».

Как только в 1944 году восстановили железнодорожную ветку до Ораниенбаума, супруги Дюфур нашли возможность побывать в Петергофе, ни на минуту не забывая о горячем напутствии из Новосибирска: «Как только будет возможность – поезжай в Петергоф, зайди к моему дому; погляди, что осталось от него. Покопайся в мусоре – оторви хоть клочок обоев и пришли мне на память от родного пепелища. Расспроси людей, где мои родные. Все-все узнай и обо всем напиши мне. Часто вспоминаю тебя, Серегу. Вспоминаю все. Все представляю себе так ясно, как будто

это было вчера. Помню каждый столбик, каждый камешек. Часто мысленно сажусь после работы на автобус, доезжаю до вокзала и через окно электропоезда вижу знакомые места. Приезжаю в Петергоф и трижды родной и знакомой, такой надоевшей и такой милой дорогой иду к дому. Напиши, как выглядит город, как в нем живет, обо всем напиши».

Вероятно, в самом страшном сне Павел Григорьевич, пробывший всю войну в глубоком тылу с эвакуированным заводом, не мог представить той жуткой картины, которая предстала перед Валентиной Васильевной и Сергеем Львовичем в освобожденном, но разграбленном и поруганном Петергофе. Дюфуры побывали не только на месте своего сгоревшего дома в Новых местах, но и, по словам Валентины Васильевны, испытали ужасное зрелище сгоревшего Большого дворца в Нижнем саду. Крыши у дворца не было, внутри все было пусто, все черное, обгорелое. Окна представляли собой пустые глазницы без рам.

Валентина Васильевна и Сергей Львович подошли к школе и дому Павла Григорьевича. Дом был почти цел, окна – настезь и внизу, на земле под ними – груда выброшенных фотографий, газет. Дюфуры собрали все, что смогли, и бережно сохранили.

19 апреля 1944 года Валентина Васильевна получила из Новосибирска письмо, исполненное надежды, где Павел Григорьевич сообщал, что получил известие от одного из знакомых, чья семья жила до войны рядом с ними в Петергофе. Приятель нашел свою мать и через нее узнал, что родные Кортылева в 1942 году жили в Ропше. В письме Павел Григорьевич умолял Валентину Васильевну сделать запрос в Ропшинский сельсовет, сам он опасался, что посланный им самим запрос, на расстоянии 4 000 километров, разделяющих Ленинград и Новосибирск, может затеряться.

Летом 1944 года Павел Григорьевич прислал своему самому дорогому адресату – Вавилушке (так он называл Валентину Васильевну не только в письмах, но и при личном общении) несколько написанных в Новосибирске стихотворений. Вот одно из них, датированное 1 августа 1944 года:

Я прожил юность не легко!
От берегов весны священной
Неповторимой, несравненной –
Мой челн суровый далеко.

Теперь другие берега,
Где сердце часто полуверит,
Тяжелым, грузным шагом мерит
В ходьбе уставшая нога.

Но золотые огоньки
Сквозь сумрак вечера хрустальный,
Горят маняще и печально
С другого берега реки.

В это же примерно время Сергей Львович Дюфур написал жене письмо, в котором просил прислать ему «Павлушиных стихов». «Он [Павлуша] пишет, что все посылает тебе. Те, что ты прислала раньше – очень хороши. Особенно те, которые он посвящает тебе. Пиши Павлуше чаще. Он пишет, что твои письма его спасают». Среди посланных Валентине Васильевне стихотворений было и это:

Не так, как прежде, сердце бьется
И трудный путь у ног лежит.
Когда ребенок ошибется –
То к маме с плачем прибежит.
И мамы ласковое слово
Мгновенно снимет боль совсем,
И улыбнется крошка снова,
Счастливый вновь, довольный всем.
Вот так и я:
Когда порою я упаду и ушибусь.
То первым делом – всей душою
К тебе, родная, устремлюсь.
Скажу тебе, чем сердце ноет.
И чем не мил мне свет земной.
И моментально успокоит
Все боли чудный голос твой.

9.11.1944.

Валентину Васильевну и Сергея Львовича очень беспокоили безнадежно грустный тон большинства писем школьного друга и его здоровье. «Увидимся ли мы когда? – писал Кортылев из Новосибирска, – Пугает меня здоровье – что-то с легкими. Слишком велико было физическое и моральное напряжение за эти два года». Супруги искренне сочувствовали Павлу Григорьевичу, сознавая его горькое одиночество, старались сделать для него что-то приятное. Но завод не возвращался, родные не находились, и очень трудно было писать новые слова для утешения. Павлу Кортылеву все было мало и мало, он хотел получать письма очень часто и не только от Дюфуров. Он вел обширную переписку и с братом Валентины Васильевны, который воевал на фронте и со многими другими школьными товарищами. Павел Григорьевич был рад, что его держали в курсе дел знакомых и друзей.

В Новосибирск была эвакуирована филармония. В ней Павел Григорьевич находил некоторое успокоение, но путь туда от его дома был очень далек, и в сибирскую стужу и метель ходить туда часто было трудно. Об одном из концертов с восторгом он отзывался в письме к Валентине Васильевне и Сергею Львовичу от 23 февраля 1944 года: «Спасибо, что не забыли моего «семейного» праздника и поздравили меня с днем рождения. День прошел у меня на беготню на работе; а вечером я пошел в филармонию. Концертом дирижировал Курт Зандерлинг. Прослушал: Токкату Баха в переложении для оркестра К. Зандерлинга (чудесная, сильная вещь, мастерски оркестрованная), концерт для струнного оркестра Генделя (где Зандерлинг выступал в роли и дирижера, и пианиста, - причем оказался прекрасным, сильным пианистом) и первую симфонию Танеева (красивая, но немного тяжеловатая и несколько утомительная симфония). В целом я остался доволен своей вылазкой».

В мае 1945 Павел Григорьевич в письме выслал Валентине Васильевне фотографию: «В этом письме посылаю тебе свое сибирское фото. Снимался в марте, но только сегодня получил карточки и, первым делом, одну отобрал для

тебя – первой, учти это! Первой, потому, что о тебе думаю не так, как о других – а больше, лучше, чище и чаще».

Наконец, в июле 1945 г. Валентина Васильевна получила от Павла радостное письмо о том, что в скором времени завод должен вернуться из эвакуации в Ленинград.

«Я опять попаду в Петергоф, я пройду по родным местам, я послушаю шум моря; море будет петь о прошедшем; о том, что я уже старик; но это будет родное море; оно и опечалит, и отогреет».

Завод вернулся из Новосибирска только в конце 1945 года. Жить ГОМЗовцам было негде. Их довоенные квартиры были либо разрушены в годы блокады, либо уже заняты. Вернувшимся из эвакуации работникам завода предоставили общежитие, где они жили по несколько семей в одной комнате. Занавешивались друг от друга, чем было возможно. Через некоторое время им предоставили для проживания небольшой дом где-то в районе реки Пряжки. Дом был сильно разрушен – восстанавливать его приходилось своими силами в свободное от работы на заводе время. В конце концов, дом восстановили, и Павел Григорьевич получил в нем малюсенькую комнатку с окнами под самой крышей. К тому времени в жизни его случилось радостное событие – нашлись родные, которые после долгих скитаний по оккупированной фашистами территории оказались в Нарве. Сестры Татьяна и Мария с сыном Вадей остались жить и работать в Эстонии, а племянницу Нину Павел Григорьевич смог вызвать в Ленинград к себе как дочь, так как фамилия у нее была Кортылева, а отчество – Павловна.

Вместе с Ниной они стали жить в крохотной комнатке в очень стесненных условиях. Лишь через 15 лет Павлу Григорьевичу дали просторную комнату в доме, так называемой сталинской постройки. Дома эти отличались добротной кирпичной кладкой, высокими потолками, просторными прихожими. Квартира была трехкомнатная, коммунальная – всего в ней жили три семьи, но Павел Григорьевич был рад и этому. Его новое жилище было просторным и светлым, а главное – находилось совсем рядом с домом, где жила семья Дюфур. Снова они были рядом,

вместе, как в далеком петергофском детстве. Стали часто ходить друг к другу в гости. К тому времени отыскивали многих школьных товарищей, ОБЫВУЧЕВЦЕВ, и тоже часто с ними встречались. Павел Григорьевич снова стал много писать и рисовать. Именно к этому периоду относится упомянутая выше «Веселая песня о любви», подготовленная в качестве подарка для встречи с одноклассником Евмением Рыбалко и его сестрой Глафирой. Атмосфера на таких дружеских вечеринках была очень располагающая и озорная. Всем участникам, по словам В. В. Морозовой-Дюфур, «здорово доставалось от пера и кисти Павлуши», но все любили его стихотворения и эпиграммы, а карикатуры просто приводили всех в восторг. Это было прекрасное время в жизни бывших выпускников школы. Закончилась долгая кровопролитная война, налаживалась мирная жизнь. У некоторых участников этих встреч появились небольшие загородные дачи, и на природе встречи друзей проходили особенно весело и уютно. Так продолжалось в течение 27 послевоенных лет. Почти на всех встречах читались стихи Павла Кортылева и слушалась музыка Сергея Дюфура. Некоторые стихотворения так нравились слушателям, что тут же запоминались и начинали жить своей собственной жизнью. Одним из таких стихотворений стало шуточное произведение «Дырка от баранки», написанное для маленького сынишки одного из друзей.

Если дырку от баранки
Медом розовым залить,
Да для вкуса и приманки
Горсть орехов положить.
Да посыпать сверху маком,
То, наверное, любой
Съел бы дырку с большим смаком.
Чем кружочек остальной.

После войны Павел Григорьевич стал писать много. И если Сергей Дюфур не мог прожить дня без музыки, то Павел Кортылев не мог прожить дня без стихов. Мысли, наблюдения, чувства были у обоих друзей богатыми и

разносторонними, и один – выражал это в стихах, а другой – в музыке. Павел часто в глубокой задумчивости слушал музыку друга – ведь нередко Сергей Львович играл вещи собственного сочинения.

Кроме стихов Павел Григорьевич писал и прозу, которая осталась, в основном, в его письмах. Проза эта, собранная воедино, могла бы, по мнению Валентины Васильевны, составить целый том.

Стройный, выше среднего роста, русоголовый, впоследствии - в очках, Павел Кортылев прекрасно танцевал. В семьях его всегда встречали хорошо и всегда были рады.

Эпиграммы или, как он сам называл их, «пасквили», Кортылев писал не только на друзей, но и себя не жалел:

А я? О, Павла Кортылева
Давно запомнил каждый пес:
Обмякший, серый и безбровый,
И вечно красноватый нос.
Горжусь своими волосами,
Потоком солнечных кудрей!
Их люди жадные вихрами
Зовут от зависти своей.
Держусь и вежливо и кротко,
Со мной бывать всегда легко;
Хожу кокетливой походкой.
Как будто в стиле «рококо».
Мой голос мягок, как буханка,
Недопеченная в печи;
Встаю, обычно, спозаранку.
Когда в проекте дня лучи.
Дороден грудью, как папаша,
Но сердцем нежен, точно мать;
Не нравлюсь дочкам.
Но мамашу могу в момент очаровать.
Знакомых опер с наслаждением
Напевы знаю и пою;
На театральном иждивеньи
Я у Дюфуrows состою.
Уже живу на белом свете

Полжизни и устал слегка;
Люблю березки, солнце, ветер,
Поля, друзей и облака.
Стихи давненько сочиняю,
Бумаги массу извожу,
Тоску идеей нагоняю,
В чахотку формою ввожу.
В стихах любовь и перекрестки,
Мечты, стенанья и луна;
И в каждой строчке за березкой
Пустая голова видна.
А в общем... я того... не очень...
Брехло...мечтатель...нет огня...
Вот мой портрет. Надеюсь, точен.
В нем вы узнаете меня.

В послевоенных стихах Павла Кортылева уже не было большой скорби о разлуке, о потерянном. Не было в них и воспоминаний о былом. Скорее это были мысли о настоящем, о пройденном пути, была философия его жизни.

В 1946 году он написал большое стихотворение «Из воспоминаний о школе», в котором вспомнил и всех учителей, и атмосферу выпускного класса 1924 года. Лишь в конце автор предается философским рассуждениям:

Как быстро время пролетело...
Недаром взрослые о том
Твердят, что жизнь с коротким сном
Всегда сравнить мы можем смело:
Как птицы годы пролетят,
Безмолвным станет жизни сад.

Павел Григорьевич никогда не мучился стихосложением. Стих его был легким и свободным. Он никогда ничего не переделывал. Писал сразу, когда хотелось. Он был совершенно свободен в своем творческом выражении и мог позволить себе не думать о критике.

В феврале 1950 года Павел Григорьевич подарил Валентине Васильевне на день рождения стихотворение, которое она сочла очень для него биографичным. Стихотворение

это очень большое, поэтому в данной работе приводятся лишь небольшие отрывки из него, но без них, на наш взгляд, портрет Павла Григорьевича был бы неполным.

Жил мальчик-с-пальчик. Он не дрался.
Имел веснушки на носу.
Он в лес ушел и затерялся
В огромном сумрачном лесу.

.....

Мальчишка жив. Не съели волки,
И ночь не скушала его.
Но он теперь совсем другой.
Хоть и по-прежнему дурной.
Текут сединки от макушки
На поредевшие виски,
И взрослый нос сменил веснушки
На крутобокие очки.
Нрав неуживчивый, но вот
Он до сих пор еще поет!
Он до сих пор – как будто вновь! –
Все также цепко держит лиру.
Все также портит нервы, кровь.
Поет он тридцать лет подряд,
И все со временем в разлад!

Павел Григорьевич Кортылев ушел из жизни тихо и незаметно 10 мая 1972 года. Умер дома. Прилег на диван, а встать уже не смог. Друзья похоронили его в Парголово на Северном кладбище. Когда сняли крышку гроба – выглянуло солнце. Друзья стояли рядом, молча провожая школьного товарища в последний путь. Валентина Васильевна тихо прочла одно из его последних стихотворений.

Захватит мир другое племя,
А я уйду, покину свет
Как до меня другие. Время
За мной засыплет слабый след.
Потом, быть может, след другого,
Кто только начал свой поход, –

Как в доброй песне –

слово в слово

С моим случайно совпадет.

И прочно слившийся с веками

Я дверь безмолвно отворю

И снова чьими-то устами

Про счастье жить заговорю.

Павла Григорьевича не стало, но школьные друзья, бывшие обывучевцы, продолжали еще долго встречаться и без него. Были живы стихи. Их читали по-прежнему на таких встречах. В 1993 году ушел из жизни Сергей Львович Дюфур. Последней в этом списке оказалась Валентина Васильевна, которая на протяжении всей жизни Павла Григорьевича Кортылева была самым близким ему человеком, его музой и утешительницей, заботливым другом и верным школьным товарищем, сохранившим его творческое наследие для следующих поколений.

В начале января 1956 года Николай Александрович Миняев (к тому времени известный ботаник) напомнил друзьям о том, что 7 февраля школе исполняется 50 лет. Бывшие выпускники тут же начали активно готовиться к предстоящему юбилею. Они приехали к директору школы, которая в 1940 году уже получила свой сегодняшний порядковый № 416, и предложили помощь в организации юбилейных торжеств. Михаил Николаевич Мухин – директор школы – и не подозревал, что руководимое им учебное заведение имеет такую славную историю и такое количество ее горячих патриотов – выпускников. Все устройство праздничного вечера довоенные ученики взяли на себя. Сцену украсили гирляндами из искусственных цветов, над которыми трудились днем и ночью, потому что времени было очень мало. Хоть писем и приглашений никто не рассылал, выпускников на вечере собралось очень много. По воспоминаниям Валентины Васильевны, Павел Григорьевич Кортылев на этом вечере был очень счастлив и просто весь светился от радости. Особенно это было заметно, когда Сергей Львович Дюфур подошел к роялю и торжественно заиграл такое знакомое и родное – весь зал

встал и запел школьный гимн «Растите, силы молодые...», который написали замечательные петергофские мальчишки в далеком 1921 году.

Слова этого гимна выдержаны в духе 20-х годов и сейчас уже не так актуальны. В 2000 году были предприняты попытки написать новый школьный гимн, но они оказались не очень удачными. Может быть, эта работа пробудит новые творческие силы учеников сегодняшней школы, и тогда у нее снова появится свой собственный новый гимн, соответствующий духу нашего времени. Мне бы этого очень хотелось.

Использованная литература и источники:

1. ЦГИА СПб. Ф. 790. Оп. 1. № 349.
2. Вязьминская Ф.Л. Воспоминания о доме Миняевых. – Рукопись.
3. Касатонов Я.А. Воспоминания. 1992. – Рукопись.
4. Кортылев П. Г. Веселая песня о любви. – Рукопись.
5. Кортылев П. Г. Из воспоминаний о школе. – Рукопись.
6. Морозова В. В. В своих предыдущих... 1997. – 18 с. – Рукопись.
7. Морозова В. В. Воспоминания о Павле Кортылеве. – Рукопись.
8. Морозова В. В. Золотым веком... 1994. – 12 с. – Рукопись.
9. Кортылев П. Г. Письмо В. В. Морозовой-Дюфур от 15.05.1945.
10. Гушин В.А. История Петергофа и его жителей. Кн. 2. Старый Петергоф. – СПб. : Нестор-История, 2004. – 500 с.
11. Измайлов М.М. Путеводитель по Петергофу к 200-летию Петергофа. – СПб. : т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. – [6], 246 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа II региональной олимпиады по краеведению школьников Санкт- Петербурга 2013 г.

Секция 1

Петербургская биографика

Клуб «Петрополь», 2 этаж, 119 ауд.

Руководитель секции: Никита Владимирович Благово — вице-президент Русского генеалогического общества, зав. музеем гимназии К. Мая.

Члены жюри: Татьяна Геннадьевна Смирнова — зав. сектором краеведения, руководитель ГМО методистов по краеведению и школьному музееведению ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», **Вадим Николаевич Рыхляков** — главный редактор журнала «Генеалогический вестник», член-корреспондент Международной академии генеалогии, член Совета РГО и РФФ.

Секретарь секции: Евгения Николаевна Чижкина — студентка 4 курса ФСН РГПУ им. А. И. Герцена.

Гончаренко Полина, ГБОУ СОШ № 111 Калининского района, 10 класс

Два дома — две судьбы (по страницам истории семьи)

Евдокимова Ксения, ГБОУ Вторая Санкт-Петербургская гимназия Адмиралтейского района, 10 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

Братья Харитоновы — Леонид и Виктор — в кино и в театре

Казакова Ольга, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Аничков лицей, 10 класс, Юношеский Университет Петербурга

«Судьбы разорванная нить...». (Мои предки Бетлинги и Завадские — в истории Отечества)

Кулечевская Юлия, ГБОУ СОШ № 111 Калининского района, 10 класс

Кино и прадед вместе были молодыми

Платовских Анастасия, ГБОУ СОШ № 111 Калининского района, 9 класс

«Достоинно внимания» (По страницам истории семьи)

Платонова Татьяна, ГБОУ СОШ № 233 Красногвардейского района, 9 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

Дворяне Турчины и купцы Щекины. Пять веков на службе Отечеству

Сербина Александра, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Аничков лицей, 11 класс, Юношеский Университет Петербурга

«Служу Отечеству — отвечаю Богу. Верой и правдой»

Щедрина Надежда, 8 класс, ГБОУ Петергофская гимназия Александра II

Человек легкого дыхания (посвящается светлой памяти Алексей Николаевича Суркова)

Хлудова Анастасия, ГБОУ СОШ № 98 Калининского района, 10 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

«Они сражались за Родину» (по страницам истории моей родословной)

Секция 2

Война. Блокада. Ленинград.

Малиновая гостиная, 2 этаж

Руководитель секции: Юрий Иванович Колосов — президент Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград, действительный член Академии военно-исторических наук.

Члены жюри: Александр Владиславович Кутузов — д.и.н., доцент кафедры истории Российской Правовой академии Министерства юстиции (Северо-Западный филиал), действительный член Академии военно-исторических наук; **Илья Владимирович Ваганов** — старший преподаватель кафедры Отечественной истории СПб ГМУ им. академика И. П. Павлова.

Секретарь секции: Вероника Владимировна Мирошникова — магистрант 2 курса ФСН РГПУ им. А. И. Герцена.

Гончаров Алексей, ГБОУ СОШ № 450 Курортного района, 10 класс

Предпольная линия Маннергейма

Грачев Кирилл, ГБОУ СОШ № 335, 10 класс, ДД(Ю)Т
Пушкинского района

«Идет по местам боев поколение твое и мое...»

Даниленко Валерий, Школа-интернат № 2 Адмирал-
тейского района, 10 класс

Дорогами Великой Отечественной войны

Евстафьева Елизавета, ГБОУ СОШ № 467, 9 класс,
ДТДиМ Колпинского район

Сергей Иванович Инкин. Жизнь и поэтическое насле-
дие ветерана-фронтовика

Кисурин Ксения, 8 класс, ГБОУ СОШ № 349 Красно-
гвардейского района

Военное детство, юность и педагогическая деятель-
ность моей прабабушки Кириченко (Ростовцевой) Нинель
Александровны

Кудряшов Дмитрий, ГБОУ СОШ № 467, 10 класс,
ДТДиМ Колпинского района

Солдату Победы посвящается

Купреев Евгений, ГБОУ Лицей №419 Петродворцового
района, 11 класс

Рубежи мужества

Семунина Светлана, 8 класс, ГБОУ СОШ № 233
Красногвардейского района, т/о «Юный музейвед» ДДЮТ
«На Ленской»

История детского движения Красногвардейского райо-
на. «Судьба ленинградки...» (о Галине Генриховой — обыч-
ной советской девушке)

Соколова Александра, ГБОУ СОШ № 560 Выборгского
района, 9 класс

Из истории Выборгского Дворца культуры

Секция 3

Известные петербуржцы

2 этаж, 123 ауд.

Руководитель секции: Алексей Дмитриевич Ерофе-
ев – член городской топонимической комиссии, педагог

ПРИЛОЖЕНИЕ

дополнительного образования ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», журналист, ведущий «Радио Петербург».

Члены жюри: Татьяна Викторовна Солошенко – руководитель клуба «Петрополь» ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»,
Наталия Юрьевна Балошина – к.и.н., учитель истории и права ГБОУ СОШ № 541 Курортного района.

Секретарь секции: Анастасия Евгеньевна Селюкова – студентка 4 курса ФСН РГПУ им. А. И. Герцена.

Баранова Дарья, 8 класс, ГБОУ Петергофская гимназия Александра II

Верный страж и ревностный блюститель

Гусева Полина, ДТДиМ «Молодежный творческий форум Китеж плюс» Приморского района, ГБОУ СОШ № 425, 10 класс

Чтоб моряки всегда помнили запах родной земли...

Иванов Артем, ГБОУ Гимназия-интернат № 664 Красногвардейского района

Артиллерист Даниил Федорович Кандиба – участник Наполеоновских войн

Кошевая Ирина, ГБОУ СОШ № 283 Кировского района, 11 класс

Для чего живет человек? (На примере жизни и деятельности Е. М. Бакуниной)

Менгель Виктория, ГБОУ СОШ № 233, ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района

Петербург в жизни и деятельности П.И. Пестеля (к 220-летию со дня рождения)

Насонова Кристина, ГБОУ СОШ № 496 Московского района, 10 класса, ДДЮТ Московского района

Иннокентий Сибиряков – просвещенный благотворитель

Погожева Ольга, ГБОУ СОШ № 533 Фрунзенского района, 10 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

Эстонцы в Петербурге

Пузатых Варвара, ГБОУ СОШ № 641, 10 класс, ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района

Роль М.Е. Ковалевского в развитии и становлении Земледельческой колонии на Ржевке

Соколова Ольга, ГБОУ гимназия № 177 Красногвардейского района, 10 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

«Сын бурного, драматического столетия» (скульптор — Михаил Константинович Аникушин)

Секция 4

Петербургские адреса

Концертный зал, 2 этаж

Руководитель секции: Кирилл Борисович Назаренко – д.и.н., доцент СПбГУ, преподаватель Аничкова лицея ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», председатель Оргкомитета олимпиады.

Члены жюри: Мария Ренгольдовна Катунцова – к.п.н., генеральный директор ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», **Светлана Дмитриевна Мангутова** – к.п.н., заведующий библиотекой Русского географического общества, **Эльвира Ильинична Архипова** – заведующий методическим кабинетом отдела гуманитарных программ и детских социальных инициатив ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ».

Секретарь секции: Егор Павлович Горбатов – учитель истории и культуры СПб ННОУ СПОО СОЕШ № 224 «Шамир», студент 4 курса ФСН РГПУ им. А.И. Герцена.

Кондратьев Михаил, Школа-интернат № 1 им. К.К. Грота, 10 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» клуб «Петрополь»

История бесплатной музыкальной школы и ее петербургские адреса

Копоткина Светлана, ГБОУ Гимназия № 446 Колпинского района, 9 класс

«... и каждый из вас есть спаситель Отечества...»

Мичанович Христина-Аньджа, ГБОУ Гимназия № 190 Центрального района, 10 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

История дома на Фонтанке, 22 в истории и культуре Санкт-Петербурга

Пероцкий Дмитрий, ГБСКОУ (VI вида) № 584 Выборгского района, 10 класс

Природа и архитектура Шуваловского парка в творчестве художников

Петрова Наталия, ГБОУ Лицей № 408, 10 класс, ДД(Ю)Т Пушкинского района

Коневский Рождество-Богородичный мужской монастырь

Смирнова Полина, ГБОУ СОШ № 594 Московского района, 11 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

Успенская церковь Киево-Печерской лавры (ныне Оптиной пустыни). Поиски архитектурного образа

Шадрина Юлия, ГБОУ «Ломоносовская гимназия» № 73 Выборгского района, 10 класс

Использование культурного пространства Санкт-Петербурга для активизации интереса к городу на примере одного здания (Дом с ротондой) набережная реки Фонтанки, 81/Гороховая ул., 57

Шушкова Ольга, ГБОУ Лицей № 387 им. Н. В. Белоусова Кировского района, 8 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» клуб «Петрополь»

Деятельность А.С. Александрова-Сержа в Санкт-Петербурге

Секция 5

Предместья Петербурга

Библиотека Александра III, 2 этаж

Руководитель секции: Кирилл Александрович Страхов – председатель районной организации ВОО ПИК Калининского района, депутат муниципального совета «Финляндский округ».

Члены жюри: Лидия Анатольевна Алексеева – зав. библиотекой ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», **Мария Сергеевна Назарова** – методист отдела градоведения ГБОУ ЦО

«СПб ГДТЮ», **Сергей Евгеньевич Глезеров** — краевед, журналист, автор книг о Петербурге; **Антон Евгеньевич Иванов** — зам. председателя Центрального Совета Всероссийской общественной организации «ВООПИиК», зам. председателя Совета СПб отделения «ВООПИиК».

Секретарь секции: Ирина Леонтьевна Босенко — студентка 4 курса ФСН РГПУ им. А. И. Герцена.

Березовская Василиса, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Аничков Лицей, 10 класс

Типология иконографии Чуда Георгия о змие

Дашкова Екатерина, ГБОУ Лицей № 369 Красносельского района, 9 класс

Рожденные знаменитыми. (Люди земли Красносельской)

Ильин Федор, ГБОУ Вторая Санкт-Петербургская гимназия, 9 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

Имение С. П. Боткина «Култилла» — культурное гнездо Русской Финляндии

Лурье Вера, ГБОУ СОШ № 171 Центрального района, 10 класс ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», сектор археологии

Янтарный украшения в Невском регионе

Масальских Татьяна, ГБОУ СОШ № 529 Петродворцового района, 9 класс

Василий Ефимович Ардикуца. Летопись Петергофа на страницах газеты «Заря коммунизма»

Мицук Надежда, ГБОУ СОШ № 450 Курортного района, 10 класс

Войтинские в Терийоках

Пинтелина Александра, ГБОУ Петергофская гимназия императора Александра II Петродворцового района, 10 класс

Флора в архитектуре Петергофа

Сакович Ольга, 8 класс, ГБОУ Лицей № 408 Пушкинского района «Вокруг дома на Павловском...»

Эшназарова Анна, ГБОУ Гимназия № 293 Красносельского района, 10 класс

Елизино. Усадьба Макарова

Секция 6

Многоликий Петербурга. Быт горожан

2 этаж, 101 ауд.

Руководитель секции: Елена Павловна Стальмак – заместитель директора по художественно-организационным вопросам ТКК «Юниор-холл», педагог дополнительного образования ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ».

Члены жюри: Наталия Владимировна Колосова – зав. отделом градоведения ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», Альбина Вячеславовна Князькина – и.о. Председателя Совета РОО «Институт Петербурга», Ирэн Александровна Мартыненко – старший консультант Петербургского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Секретарь секции: Валерия Леонидовна Горобец – педагог-организатор, учитель ГБОУ Гимназии 107 Выборгского района.

Артеменко Мария, ГБОУ СОШ № 530, 9 класс,
ДД(Ю)Т Пушкинского района

Княжна Вера Гедройц: скальпель и перо

Белов Александр, ГБОУ СОШ № 450 Курортного района,
10 класс

Загадка одного из кирпичей особняка Новикова в Зеленогорске

Гладков Владимир, ГБОУ СОШ № 106 Приморского района, 9 класс

«Трамвай пошел по Сердобольской» (из истории трамвайного движения)

Кравченко Татьяна, ГБОУ СОШ № 253 Приморского района, 9 класс

Кирпичное производство. Клейма

Машталь Матвей, ГБОУ СОШ № 398 Красносельского района, 8 класс, ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» Юношеский Университет Петербурга

Пионер авиации – С. И. Уточкин

Молчанова Яна, ГБОУ СОШ № 531, ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района

Деятельность Александро-Невского общества трезвости в Петербурге в конце XIX—начале XX века (из истории борьбы с пьянством в России)

Разгоняева Екатерина, ГБОУ СОШ № 138 Калининского района, 9 класс

Духовное завещание петербургского мецената 1-й гильдии А. И. Тименкова

Синькова Виктория, ГБОУ СОШ № 500, 10 класс, ДД(Ю)Т Пушкинского района

Преподавание физики в Царскосельском реальном училище Императора Николая II

Якутина Полина, ГБОУ СОШ № 507, 10 класса, ДДЮТ Московского района

Авиация и Санкт-Петербург

Секция 7

Культура Петербурга

2 этаж, 128 ауд.

Руководитель секции: Владимир Ильич Аксельрод — к.п.н., методист ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», декан Юношеского университета Петербурга.

Члены жюри: Наталия Павловна Королева — преподаватель музыкального колледжа им. Н.А. Римского-Корсакова, **Александра Валерьевна Татарова** — зав. сектором музееведения, педагог доп. образования ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ».

Секретарь секции: Мария Алексеевна Дорофеева — магистрант 2 курса ФСН РГПУ им. А. И. Герцена.

Архаров Михаил, ГБОУ Петергофская гимназия императора Александра II Петродворцового района, 10 класс

«Каких миров какую весть откроею...» (В. К. Шилейко — выпускник Петергофской гимназии)

Базуев Василий, ГБОУ СОШ № 111 Калининского района, 10 класс

Знакомые и незнакомцы: педагоги среди Бенуа (по страницам истории семьи)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Волосатова Ксения, ГБОУ СОШ им. Т. Сиразетдинова № 534 Выборгского района, 10 класс

Замечательный директор Б. М. Красник

Демичев Анатолий, ГБОУ СОШ № 411 «Гармония» Петродворцового района, 11 класс

С. Г. Вишнякова — почетный житель Петегофа

Зданович Екатерина, ГБОУ СОШ № 416 «Школа развития личности им. В. В. Павловой» Петродворцового района, 10 класс

Певец Петергофа (художник Виталий Михайлович Левченко)

Прокотцева Александра, ГБОУ Лицей №408, ДД(Ю)Т Пушкинского района, 9 класс

Образ Александра Невского в творчестве скульптора Валентина Григорьевича Козенюка (1938–1997)

Рыбина Мария, ГБОУ СОШ № 567 Петродворцового района, 10 класс

Театр Раева (по страницам старых кронштадтских газет)

Ситникова Тамара, ГБОУ СОШ № 416 «Школа развития личности им. В. В. Павловой» Петродворцового района, 10 класс

«Чтобы годы золотые не пропали без следа!» (Авторы школьного гимна 20-х годов Сергей Дюфур и Павел Кортyleв)

Тулегенова Ксения, 8 класс, ГБОУ СОШ № 53 Приморского района

Вспоминая Ольгу Федоровну Берггольц (1910–1975)

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на II региональной олимпиаде по краеведению
(9–11 классы) 2013 года

Выпуск 22

**НАСЛЕДНИКИ
ВЕЛИКОГО ГОРОДА**

Подписано в печать с оригинал-макета 31.10.2014.

Формат 130x205. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17.16.

Тираж 400. Заказ № 4906.

Отпечатано в типографии «Любавич».

ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»,
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, лит. «У».

Тел.: (812) 603 25 25.